

Ежи Брошкевич

ТРОЕ С ДЕСЯТОЙ ТЫСЯЧИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Перевод
с польского

Е. Вайсброт и Р. Нудельман

Рисунки
Н. Антокольской

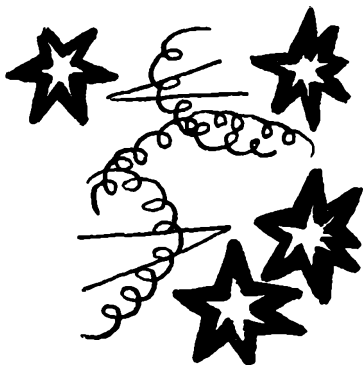
Ежи Брошкевич

ТРОЕ С ДЕСЯТОЙ ТЫСЯЧИ

Фантастическая повесть, действие которой разворачивается на искусственной планете, созданной для уточнения трассы трансгалактической экспедиции, которая должна направиться к созвездию Центавра. В космосе происходит серьезная авария, угрожающая катастрофой всей планете... А в это время на Рапере (так называется эта планета) находятся лишь трое детей четырнадцатилетнего возраста, которые предотвращают катастрофу, проявляя при этом мужество, отвагу и находчивость.

Восхитительная

В ТО УТРО, С КОТОРОГО НАЧИНАЕТСЯ ЭТА история, Ион Согго проснулся в особенно веселом настроении и первым делом взглянул на стоявшего рядом Робику. Робик улыбнулся в ответ, приветственно помахал рукой и объявил:

— Семь тридцать. Добрый день, Ион.

Просыпаться можно по-разному. Порой приходится прямо-таки выкапываться из сновидений — тяжело, с трудом, как из-под снежного завала. А иной раз просыпаешься легко, даже смешно немного. Как будто ни с того ни с сего взлетел в воздух.

Именно так просыпался почти всегда Ион Согго. Стоило ему открыть глаза, и он тут же начинал улыбаться, радуясь новой встрече с самим собой, со своей жизнью и со всем белым светом. Что поделаешь, если с пеленок и по сей день, когда ему исполнилось ровно 14 лет и 3 месяца, Ион Согго был невероятно смешлив?!

Чтобы смеяться, нужно иметь характер. Внешность у Иона была обыкновенная — волосы чуть темнее русских, кожа светлая, глаза орехо-

вые, нос короткий, ноги длинные. Но вот смеялся Ион так, что это, по мнению его собственных родителей, точнее всего походило на «смех охрипшей кукушки» (хотя, как смеется кукушка, да еще охрипшая, никто не знал).

Лет шесть назад один из ехидных дружков записал Ионов смех на магнитофон. А потом как-то, никого не предупредив, запустил ленту.

Сначала, услышав какие-то странные звуки, Ион расхохотался. Но лента продолжала крутиться, и он начал замечать, насколько похож его смех на те звуки, которые издавал магнитофон. Тогда Ион перестал смеяться. Но магнитофон-то, к сожалению, не перестал.

Ион слушал очень внимательно минуту, другую. Потом спокойно согласился:

— Ужасные звуки, — и... улыбнулся.

Но и после этого случая он так же охотно смеялся и радовался жизни. Согласитесь — разве это не говорит самым наилучшим образом о его характере?

Итак, в то утро, как всегда, Робик объявил:

— Семь тридцать. Добрый день, Ион!

Ответ Иона звучал почти как считалка. Дело в том, что свой день он всегда начинал с короткой зарядки, как он говорил: «Для запуска на орбиту прекрасного настроения на сутки».

— День должен — раз-два — быть добрый, — три-четыре — и хороший и веселый, — три-четыре — потому что, — раз-два — мы хотим — вверх-вниз, — а поэтому — подскок, — постараемся — подскок — сделать так — раз-два, — как хотим, три-четыре.

— Бессмыслица какая-то, — сказал Робик.

— Еще какая! — завопил Ион уже из душевой. — Ну и что?!

— Ничего!

— Ну и чудесно! — объявил Ион, растираясь с такой силой, словно вместе с водой хотел содрать с себя кожу.

— Лови! — крикнул Робик, швыряя в Иона рубашку, шорты, ботинок, другой ботинок, куртку, носки.

Ион «взял» рубашку, шорты, левый ботинок и куртку. Правый ботинок и носки он пропустил в ворота, то бишь в двери душевой.

— Два ноль! — подытожил Робик.

— Тоже, поддаться не можешь разок! — обиделся Ион.

— Рад бы, но не могу, — ответил Робик.

Один за другим они прыгнули через окно на газон, и, приземлившись, Ион крикнул:

— Эгей! Близнецы!

В соседнем окне появились две головы — одинаково черноволосые, одинаково голубоглазые.

Эти удивленные и симпатичные физиономии принадлежали Алику и Альке Рой. Близнецы прибыли сюда на каникулы, так же как Ион. Только Ион находился здесь уже две недели, а близнецы явились лишь вчера поздно вечером. Ничего удивительного, что их совершенно одинаковые лица в данный момент изображали высшее любопытство (в двух копиях).

Увидев Иона и Робика, Алик дружески потряс сложенными над головой руками и крикнул:

— Эгей!

Его сестра, напротив, презрительно прищурила глаза и спросила необычайно вежливо:

— Простите, пожалуйста, разве «эгей» заменяет здесь «доброе утро»?

Ион не ответил. Он уставился на Альку. Правда, он уже видел ее вчера, но как-то мельком. Вдобавок, вчера близнецы устали с дороги и вид у них был замученный и сонный. Алька, даже сонная, держалась страшно чопорно и всячески демонстрировала, какая она воспитанная, так что у Иона сразу сложилось о ней вполне определенное мнение: «Скучная она».

Вот и сейчас выражение Алькиного лица было малоприятным, взгляд насмешлив, улыбка ехидная. И в то же время оказалось вдруг, что она красивая до умопомрачения и вообще совсем не такая, как показалось Иону вчера. Разве не понятно, почему Ион замолчал с довольно глупой улыбкой на лице?!

К счастью, у Робики кровь была холоднее, чем у Иона.

— Нет, — с достоинством объяснил он, — «эгей» — это, конечно, не «доброе утро». Но если ты поднатужишься и проявишь хоть каплю доброжелательства, то «эгей» вполне сойдет за «доброе утро».

— Покорно благодарю за разъяснения, — холодно улыбнулась в ответ Алька.

— Доброе утро, — буркнул Ион.

Алик, спрыгнув с подоконника, остановился перед Робиком и спросил, обращаясь к Иону:

— Почему ты вчера не сказал, что вас двое? Это твой брат? Вы совсем не похожи. Старший или младший? Как его зовут?

Алька последовала примеру брата. Она легко перепрыгнула через подоконник.

Робик захихикал в стиле «охрипшей кушки».

— Восемь ноль-ноль, — сказал он. — Вас ждет завтрак. Мы совсем не братья.

Близнецы переглянулись и на секунду потеряли дар речи.

— Не может быть! — закричал наконец Алик.

— Абсолютно не может быть! — сказала Алька.

Ион с гордостью смотрел на Робика. Так почти всегда получалось, стоило лишь людям посторонним, не знавшим обычаев его родины, начать догадываться о том, кто такой Робик.

— Почему же? Вполне может быть, — снисходительно улыбнулся Робик. — Мы никак не можем быть братьями, потому что Ион такой же, как вы, он — человек, правда, родившийся на Сатурне. . .

— Наш род Согго, — с кажущимся безразличием вставил Ион, — ведет начало от первых колонистов на Сатурне. . .

— А я, — продолжал Робик, — человекоподобный робот, новейшая по оформлению модель, сатурнийский робот-хранитель. Разве вы не слышали, что на Сатурне лучшие друзья людей — это мы, их роботы-хранители?

За время этой тирады Робика Алик, проникаясь уважением, украдкой рассматривал улыбающуюся веснушчатую физиономию рыжеватого 15-летнего паренька. Алька, напротив, решительно и откровенно взглянула прямо в зеленые глаза Робика.

— Не верю. Глупейшее надувательство.

Ион приподнялся на носках: что ответит Робик? Он даже заволновался. Уже готов был сказать: «Только без фокусов», но Робик опередил его. . .

Слегка согнув ноги в коленях, он вдруг взвился в воздух огромным, почти десятиметровым прыжком.

— Что?! — ахнула изумленная Алька, но Робик уже опускался.

В его конструкции был автоматический регулятор тяготения, поэтому Робик сделал свое падение куда более медленным, чем прыжок.

— Здорово! Великолепно! — смеясь, выкрикивал Алик. — Как на лекции о роботах!

Робик приземлился перед Алькой и, склонив голову на левое плечо, внимательно посмотрел в Алькины глаза:

— Теперь ты веришь?

Алька задумалась. Потом легким, быстрым движением коснулась его щеки:

— Не очень охотно, милый Робик, — сказала она, — но верю.

Робик кивнул.

— Ты воображала, милая Алька, и у тебя каша в голове, милая Алька, — заметил он изысканно вежливо.

— Откуда ты знаешь? — восторженно завопил Алик.

— Это сразу видно, — ответил Робик невозмутимо.

Алька посмотрела на Робика, улыбнулась и повернулась к Иону.

— К сожалению, Робик и тут прав, — сказала она уверенно, как человек, знающий толк в том, что говорит. — Когда я начинаю воображать и зазнаваться, это бывает совершенно неосознанно.

Алик изобразил на лице весьма сомнительное сочувствие. Сделал он это так комично, что Ион расхохотался.

Зная, как Ион смеется, вы понимаете, наверно, почему близнецы испуганно уставились на него:

— Что с тобой, Ион? — крикнула Алька.

— Ион Согго изволят смеяться, — пояснил Робик.

Тут уж Ион и рад был бы перестать, но стоило ему взглянуть на удивленные лица близнецов, как он прямо-таки застонал от хохота.

— Мои родители. . .

— Видите ли, — помог ему Робик, — его родители характеризуют данные звуки, издаваемые Ионом Согго, как «смех охрипшей кукушки».

— Здорово похоже! — восхитился Алик.

Близнецы засмеялись. И вот тут-то Ион сразу замолчал и уставился на Альку, восторженно слушая, как она смеется.

— Ну вот, пожалуйста! — фыркнула Алька. — А кто теперь виноват, если не ты сам? Нечего всегда на меня сваливать!

Ну как тут ответить — возразить или согласиться?

Не успел еще Ион решить этот вопрос, как Робик вдруг назидательно поднял палец:

— Напоминаю, что сейчас самое время завтракать, если вы хотите еще успеть в Стартовую башню.

— Караул! — сорвался с места Ион. — Летим! — и первым прыгнул на подвижную дорожку, ведущую к обеденной террасе.

Дорожка, словно красная змея, мчалась посреди зелени газона, огибая клумбы с цветами. Небольшая бабочка с голубыми, как Алькины глаза, крылышками затрепетала над Алькиной головой.

— Голубянка красивая, — заметил Робик, — по каталогу — *Licaena Bellargus*.

— Очень приятно с вами познакомиться, — поклонился голубянке Алик.

Обеденная терраса ждала их неподалеку от ботанического сада. Четыре кресла, три тарелки. Алик, едва увидев тарелки, блаженно застонал. Правда, он еще пытался оправдываться, заявив, что «тут, на Разведчике, у человека появляется какой-то трансгалактический аппетит», но слова эти звучали весьма неубедительно и невнятно, ибо рот у Алика спустя минуту уже был набит до отказа.

Но когда Алик на мгновение оторвался от еды и взглянул вокруг, он даже жевать перестал от восторга.

Обеденная терраса находилась в центре лужайки, а над ней с трех сторон поднимались склоны Зеленого Взгорья. На склонах переливался всеми мыслимыми и немыслимыми красками ботанический сад: пальмы и березы, кипарисы и магнолии, сосны и тюльпаны, островки цветов среди континентов деревьев, и у каждого островка свой цвет и рисунок.

Алик восхищенно вздохнул, а Ион благодарно улыбнулся ему. Но тут он увидел выражение лица Альки, и улыбка сползла с его губ. Алька не сидела, а восседала в кресле — совершенно деревянно, очень вежливо и абсолютно равнодушно.

— Ну как? — безнадежно спросил Ион.

— Неплохой видик, — безразлично ответила она.

— Неплохой видик? — переспросил он, делая ударение на слове «видик».

— Неплохой, — подтвердила она.

— Спокойно, Ион, — шепнул Робик и вежливо пожелал близнецам приятного аппетита.

Гнев Иона испарился почти сразу. Ему теперь было только жаль Альку. С первого дня Ион был в восторге от Зеленого Взгорья. Ничего похожего не было на его родине. Насколько суровее, бесцветнее она выглядела! Правда, леса и сады на Сатурне были раз в сто больше, но там всегда было полно народу. И хоть глушители делали все возможное, чтобы поддерживать тишину и покой, но об одиночестве в лесах Сатурна нечего было и мечтать — слишком ощущалась перенаселенность городов и поселков. Только тут, на Разведчике, Ион узнал радость одинокого восхищения необыкновенной красотой природы.

Сегодня, увидев Альку, он постиг еще одну истину: такое восхищение лишь тогда приобретает истинную цену, когда им можно поделиться с кем-то близким. Вот почему он решил во время завтрака показать близнецам (в глубине души он, конечно, думал только об Альке) свое любимое место. И вот именно Алька назвала всю эту красоту «неплохим видиком». Ион грустно опустил голову. Но ему не хотелось показать, что он огорчен. Робик правильно говорил: «Спокойнее!»

— Слушайте, — как любезный хозяин, спросил Ион, — а может, нам что-нибудь посмотреть, пока мы завтракаем?

— Вот это идея! — обрадовался Алик, и даже Алька на этот раз соизволила одобрительно кивнуть.

Ион протянул руку к одному из маленьких микрофончиков, висевших, как серебряные пчелы, на спинке каждого кресла.

— Внимание, — сказал он. — Обычная прогулочная трасса вдоль основных объектов.

Обеденная терраса находилась в центре лужайки, а над ней

с трех сторон поднимались склоны Зеленого Взорья.

Микрофончик из белого стал зеленым. Это был сигнал, что приказ принят.

— Мы готовы! — сказал Ион.

Слово «готовы» означало конец приказа. И тотчас круглая тарелка террасы поднялась в воздух.

Горизонт резко отодвинулся и посветлел. В тот же момент над террасой, словно цветок, раскрылась прозрачная чаша зонта. Они вошли в полосу искусственного дождя: он как раз начал накрапывать над ботаническим садом.

Терраса поднялась еще выше. Надо было пролететь над Зеленым Взгорьем и над венчающим его огромным средиземноморским кипарисом. Потом, по другую сторону Взгорья, терраса вновь снизилась. Под ними бежали назад деревья, лужайки, цветники. Дождь прекратился, налетела волна теплого ветра.

На Алькином лице впервые появилось искреннее любопытство. Она наклонилась вперед и спросила:

— Что это?

— Слева... — начал объяснять Ион, — наша жилая колония.

— А справа?

— Основная группа лабораторий. Белые купола — стенды, где исследуются явления сверхскорости. Голубые — лаборатории космобиологии и космомедицины. Красные — лаборатории автоматики и роботики. Зеленый купол — Центральная станция связи и распоряжений.

Ион взглянул на Альку и вдруг удивился. Ее голубые глаза... как будто кто-то зажег в их глубине яркие огни. На щеках выступил румянец.

— Когда мы все это осмотрим?

— Надо получить разрешение, — неохотно сказал Ион.

— А ты там был?

— Да.

Она шевельнулась, словно хотела вскочить, но поручни кресла тут же обхватили ее за талию. Ведь терраса летела на высоте десяти метров.

— Осторожнее, — улыбнулся Робик.

— Я должна там побывать, — резко сказала Алька.

Алик вздохнул.

— Сестричка, — казенно-слащавым голосом пропел он, — сестричка... Всем известно, что в точных науках ты фанат. Но, слушай, дай ты хоть нам-то повосторгаться вдоволь.

Алька взглянула на брата весьма неодобрительно. Алик хладнокровно показал ей язык.

— Вот, — сказала она, — таковы поэты.

Слово «поэт» должно было прозвучать как оскорбление, и так оно и прозвучало. Но Алик засмеялся вполне добродушно.

— Вот, — передразнил он, — таковы женщины.

— Послушайте... — Это неизменно добродушный Робик вмешался в их разговор. — Не ссорьтесь. Это скучно.

— Вот видишь, сестра, — сказал Алик, — с тобой даже роботу скучно становится.

Аля не ответила. Терраса приближалась ко второму любимому местечку Иона — району, застроенному на манер оазиса в пустыне.

Оазис в поясе желтых и серебристо-серых холмов был удивительно красив. Венок из пальм, камышей и цветущего кустарника охватывал небольшое бирюзовое озеро.

— Проходим Оазис Веселья, — сказал Ион как будто бы совершенно равнодушно. В глубине души он ждал единодушных воплей восторга.

— У воды довольно приятный цвет, — вежливо заметила Алька.

Ион с такой злостью посмотрел на эту задаваку, что Робик положил ему на плечо руку. Увидев побледневшее лицо Иона, Алька даже вздрогнула.

— Что случилось? — забеспокоилась она. — У тебя болит что-нибудь?

— Нет! — ответил Ион.

Но Алик понял и покачал головой.

— Посмотрите налево, — продолжал Ион, — это Стартовая башня главной трассы!

Терраса незаметно, но уверенно набирала скорость. Она поднялась уже на высоту пятидесяти метров.

Ион безразличным голосом давал пояснения, солидно и предупредительно исполняя роль гида. Пролетели над вторым и третьим жилыми поселками, спортивным парком, главными мастерскими и залом искусств.

Внизу заискрился водой большой плавательный бассейн. Терраса снова всплыла в полосу дождя, потом долгое время летела над извилистой речкой, так резво перескакивающей скалистые пороги, словно она бежала по дну горной теснины.

— Внимание, — сказал Робик. — Девять двадцать.

В эту минуту поручни кресел замкнулись вокруг сидящих. Это означало, что терраса сейчас начнет быстро набирать скорость.

Горизонт вдруг наклонился, в ушах засвистел ветер, пейзаж затуманился и стал бежать

под ними с захватывающей дыхание быстротой. Это длилось ровно пять минут.

За эти пять минут Ион успел все продумать и понять. И так как он понял причину их равнодушия, то тут же и простил их. Однако решил немного отыгаться.

«Вы заслужили, — подумал он, глядя на профиль слегка улыбающейся Альки, — вы заслужили небольшой урок. Он вам здорово пригодится. Может быть, даже очень пригодится. Особенно тебе, красавица».

Терраса начала постепенно опускаться.

Из-за горизонта выступил стройный силуэт Главной Стартовой башни. С каждой секундой они все медленнее приближались к ней. Еще двести метров, еще сто... Наконец поручни кресел раскрылись.

Терраса без малейшего толчка и шелеста опустилась у самых дверей башни.

Двери уже были открыты. Робик сказал:

— Девять двадцать пять.

— Пошли! — крикнул Ион и первым вошел в Главный Зал башни.

За ним побежали близнецы, а замыкающим, с присущей каждому роботу скромностью, переступил порог зала Робик.

— Пришли наконец? — сказала Елена Согго.

— Пришли! — воскликнула Чандра Рой — мать Алика и Альки, самая прелестная из всех женщин, каких довелось видеть Иону.

— Неужели вы забыли, что полагается говорить «до свидания» родителям, когда они отправляются на работу? — сурово спросил Орм Согго.

Родители, конечно, шутили. Ведь Ион и близнецы прибыли точно за пять минут до отлета.

На платформе Главного Зала Стартовой башни стояло шестьдесят взрослых людей. Две группы по тридцать человек, весь состав исследовательской станции, известной под названием Первый Разведчик.

Шестьдесят человек? Это очень немного. Но шестьдесят таких людей!

— Пришли все-таки? — улыбнулся главный пилот.

Взрослые уже полностью приготовились к ежедневному полету — все в серебристых комбинезонах и прозрачных шлемах, с портативными вычислителями в руках. Первая группа, которой руководил главный пилот, Марим, стояла по левую сторону зала. Вторая группа, которой командовал заместитель главного пилота, Орм Согго, собралась по правую сторону.

— Экипаж на местах? — задал традиционный вопрос Марим.

— Экипаж на местах, — ответил Орм Согго.

Можно было прощаться. Ион подбежал к Елене и Орму, близнецы — к своим родителям, а через несколько секунд по обеим сторонам Главного Зала открылись боковые проходы, в которые первыми вошли оба пилота — Марим и Орм. Еще несколько секунд... Елена и Чандра помахали руками, прощаясь с детьми, а потом уже никто не обращал внимания на ребят, стоящих в центре огромного зала. Через минуту люди скрылись в противоположных проходах, ведущих на стартовые площадки. Стены тихо сомкнулись за ними, словно поверхность воды.

— Пошли быстрее, — сказал Ион. — Отец позволил нам выйти на поверхность.

— Что? — изумленно переспросили близнецы.

— Быстрее, — поторапливал Ион и побежал, но не к дверям, а к голубому квадрату посреди пола — площадке скоростного лифта.

— Если не опоздаем, — быстро объяснял Ион, — успеем увидеть их старт.

— Наконец-то! — вздохнула Алька. — Наконец-то увидим что-то интересное.

— Выходная камера, готовы! — приказал лифту Ион.

Вокруг них с легким шелестом закрылись стенки лифта. На минуту воцарилась тишина. Лифты не самое приятное средство сообщения. На спуске и подъеме всегда ощущалось головокружение, тяжесть в затылке, слегка перехватывало дыхание.

Но на сей раз это длилось совсем недолго, буквально несколько секунд. Опять прошлестели стенки подъемника, и все четверо оказались в круглом зале, стены которого представляли собой мозаику узких и высоких встроенных шкафов. Над четырьмя из них уже горели зеленые надписи: «Алька», «Алик», «Ион», «Робик».

— Вот, — показал Ион на надписи. — Забирайтесь каждый в свой шкаф. Автоматы наденут на вас комбинезоны и не выпустят без проверки.

Алик и Алька бегом пустились к своим шкафам, Ион задержался. С потолка опустилась серебристая «пчела».

Алька забеспокоилась.

— А ты почему не спешишь, Ион? Что ты там делаешь? — спросила она.

Ион улыбнулся.

— Надо дать несколько распоряжений.

Он тихо сказал «пчеле» еще несколько слов.

Серебряный микрофончик взвился вверх, а Ион бегом кинулся к своему шкафу, успев крикнуть на ходу:

— Все в порядке.

Алик уже закрылся в своем гардеробе, и в тот момент, когда Ион кончил краткий разговор с микрофоном, Алька тоже переступила порог шкафа.

Тут царил полумрак. Легкие прикосновения автоматических рук помогли принять нужную позу: ноги немного в стороны, руки вверх, голова прямо. Через секунду с потолка спустилась слабая тень: космический комбинезон, тонкий и легкий, кончающийся шаровым прозрачным шлемом.

— Ну как там? — слышался около самого Алькиного уха голос Иона. — Слышите меня?

— Да, — ответил голос Алика.

— Да, — шепнула Алька.

— Конечно, — сказал Робик.

— Прекрасно, — сказал Ион. — Сейчас начнется проверка. . .

В Алькином гардеробе предостерегающе замигал белый огонек. Комбинезон уже плотно облегал ее тело, а на Алькины ноги автоматы надели большие ботинки с плоской, круговой подошвой.

— Почему тут за меня всё делают автоматы? — слышался раздраженный голос Алика. — Я же не младенец.

Кто-то рассмеялся чуть снисходительно, и в первый момент Алька не могла сообразить кто.

— Дорогие близнецы, — сказал Робик, — примерка космических комбинезонов чересчур тонкая работа для человеческих рук.

— Совершенно верно, — сказал Ион. — Вы впервые выходите на поверхность?

— В таких условиях — впервые, — с легкой заминкой ответила Алька.

— Что значит «в таких»? — удивленно спросил Ион.

— Ну... — начала она неохотно.

Алик со смехом прервал ее.

— Моей гордой сестрице, — сказал он, — стыдно признаться, что до сих пор мы никогда не были на такой поверхности.

— Понятно, — буркнул Ион.

— Когда же наконец начнется эта проверка? — зло спросила Алька.

Словно в ответ, в кабинах загорелись зеленые надписи: «Конец проверки», и Алька услышала дружный взрыв смеха, тем более раздражающий, что Алик, который был чудесным подражателем, уже начал кудахтать и кашлять в стиле «охрипшей кукушки».

Как бы вы сохранили достоинство в таком положении? Тут надо только промолчать. И Алька промолчала.

На ее счастье, мальчики вдруг перестали хихикать. Двери шкафов открылись, и все четверо снова вышли в переходный зал.

— Сюда, — показал Ион.

Вслед за ним близнецы и Робик опять встали на голубой квадрат скоростного лифта.

— Уже? — шепнула Алька.

Ион кивнул.

— Готовы, — сказал он. — Наверх. Готовы. И наконец-то...

— Ох! — вздохнула Алька.

— Ну и ну, — сказал Алик.

В их голосах слышались удивление, ува-

жение, изумление, ошеломление и даже совершенно очевидный, хоть и тщательно скрываемый, страх. Впрочем, все это было неудивительно.

Перед ними раскинулась обширная, совершенно гладкая поверхность, в которой, словно в зеркале, отражались их очертания.

А над их головами открылось бархатно-черное, полное белых искр и туманных пятнышек, необъятное и бесконечное пространство Большого Космоса.

Подъемник остановился. От него остался только след: более темный квадрат на опалесцирующей зеленоватой плоскости. Ребята стояли, держась за руки, и молчали. Даже сатурниец Ион, давно привыкший к подобным картинкам и еще до приезда близнецов несколько раз выходивший на поверхность, каждый выход переживал как особо торжественную минуту.

— Так вот какой он, Разведчик... — тихо прошептал Алик.

— Да, — сказал Ион.

— А это и есть орбита Десятой Тысячи?

— Это и есть орбита Десятой Тысячи, — подтвердил Ион.

Напряженную тишину нарушил голос Робика:

— Внимание! Через две минуты старт космолетов.

— Куда смотреть? — спросила Алька.

— Туда, — показал всеведущий Робик и принялся отсчитывать последние секунды: — ... Пять, четыре, три, две, одна. Старт!

Из-за круглого горизонта спокойно и медленно выплыли два стройных веретена — космолеты, несущие в себе те группы исследователей

и ученых, с которыми ребята недавно прощались в Главном Зале Стартовой башни. Первый космолет — Альфу — вел Марим, второй — Бету — Орм Согго.

Мгновение космолеты неподвижно висели над горизонтом на небольшом расстоянии друг от друга.

— Десять ноль одна, — сказал Робик.

Два светящихся тела начали подниматься вверх. Они поднимались медленно и спокойно, постепенно набирая скорость, и наконец уменьшающиеся в глубине необъятной ночи светящиеся черточки вдруг превратились в две огненные полосы, все более далекие, все более бледные, все более незаметные.

— Десять ноль пять. Полная скорость, — сказал Робик.

Ион взглянул на близнецов. Прозрачные шлемы освещали лица даже среди самой глубокой тьмы космического пространства. Поэтому Ион мог видеть лица близнецов так, словно они сидели бок о бок на обеденной террасе в полном свете искусственного солнца.

Алька и Алик все еще смотрели вверх. Они, разумеется, старались казаться brave и безразличными. Но все это были жалкие попытки. Ион насмешливо улыбнулся, скорее себе в утешение. Потом слегка кашлянул.

Они взглянули на него глазами, которые в зеленоватом сиянии поверхности Первого Разведчика и в свете шлемов стали почти серебряными.

— Ну как? — спросил Ион вежливо и равнодушно. — Неплохой видик, правда?

Алька вообще не ответила. Алик же сделал такое движение рукой, словно хотел в задумчи-

восте потереть лоб. Однако ладонь наткнулась на шар шлема, и Алик смущенно улыбнулся.

— Какое сегодня число? — спросил он робко, словно не верил ни себе, ни всему окружающему.

Робик, разумеется, принял этот вопрос на свой счет.

— Восьмое марта, — ответил он спокойно. — Десять часов семь минут.

Тут наконец пришла пора объяснить, где и когда четырнадцатилетний сатурниец Ион Согго и его робот-хранитель Робик встретились с Алькой и Аликом Рой, родившимися тринадцать с половиной лет назад на Старой Родине — Земле, в центрально-европейском, очень древнем городе Торунь.

Минуту назад Робик сказал — «восьмое марта».

Но какого года и какой эры?

Ответить нужно так: восьмое марта восьмьсот шестьдесят второго года. Восьмьсот шестьдесят второго года Ранней космической эры.

Да, прошло уже восьмьсот шестьдесят два года с того момента, когда древний космонавт Юрий Гагарин первым из людей вырвался за пределы Земли и облетел ее на своем космическом корабле.

Что произошло за эти восьмьсот шестьдесят два года? Опустим историю — ведь даже вкратце невозможно рассказать обо всех подвигах человечества, осваивавшего родную Солнечную систему. Для этого есть фильмстеки, хроники, видеоархивы и так далее и тому подобное. Для того чтоб хотя бы бегло пересказать эту исто-

рию, не хватит не только места в книжке, но и целой нашей с вами жизни.

Но вот о чем совершенно необходимо сказать. Этот 862 год в самое ближайшее время должен был превратиться в год... первый. В первый год новой эры.

Когда-то, очень давно, когда пламя древних ракет впервые опалило поверхность планеты, казалось, что человечество вступило наконец в самую прекрасную свою эпоху и что, прежде чем придет пора новой, следующей эры, пройдут тысячи лет.

Но с того времени, как стали забываться слова «война» и «голод», а Земля стала уже просто Старой Отчизной, жизнь рода человеческого разлилась половодьем необычайных открытий, смелых идей и поразительных деяний. Сказочные семимильные шаги человечества казались теперь маленькими шажками новорожденного, давние, самые смелые и, казалось бы, несбыточные планы становились правдой и реальностью.

Прошло всего девять неполных веков с того дня, как из космоса на Землю пришел радиосигнал: «Продолжаю полет. Все идет хорошо. Машина работает нормально», — прошло всего девять веков, а на Старой Отчизне осталась только небольшая часть человечества.

Огромное большинство людей в 862 году Первой космической эры (которую называли еще Ранней космической эрой) уже связало свою судьбу с планетами и спутниками всей Солнечной системы. Люди жили и работали на восьми планетах и тридцати семи естественных спутниках и еще на сотнях искусственных планет и спутников. В конце концов оказалось, что вся

Солнечная система так же быстро становилась тесной для людей, как некогда, в эпоху первых пассажирских ракетопланов, становилась для них тесной Земля.

И вот 1 января 862 года Ранней космической эры за границы Солнечной системы вырвался Первый Разведчик будущей галактической экспедиции.

Он так и назывался — Разведчик Первый или Рапер. Это была небольшая искусственная планета с собственной тягой.

Откровенно говоря, это была игрушка, а не механопланета: всего-навсего пятьдесят километров в поперечнике. Однако не по размерам следовало судить о ценности и значении Первого Разведчика. Выступавший перед стартом Руководитель Подготовки, профессор Сениус, назвал Разведчика «технической вершиной эпохи», и хоть говорил он скучно, но сказал мудро. Ведь самое важное заключалось в том, что Первый Разведчик был уменьшенной копией «Земли», той самой механопланеты, которой в конце 862 года предстояло отправиться в сторону созвездия Центавра и еще раз показать, что люди — это существа с очень беспокойным характером и достаточно смелым воображением.

Итак, 1 января 862 года Разведчик отправился к границам Солнечной системы. В предусмотренное время он вышел на линию секторов так называемой Десятой Тысячи, то есть на орбиту, расположенную на расстоянии десяти тысяч миллионов километров от Солнца. И здесь экипаж Разведчика начал последние исследования и измерения будущей трансгалактической трассы «Земли».

Но как попали на Первый Разведчик такие

космонавты, как Ион с РобиКом, и Алька и Алик Рой?

Объяснение загадки очень просто и тесно связано со всей программой подготовки к полету «Земли».

Полет «Земли» был рассчитан на целых девять лет, а в состав ее экипажа в основном входили люди семейные, имеющие детей. Естественно, было решено, что молодежь и дети примут участие в первой галактической экспедиции вместе с родителями, а для проверки несколько ребят постарше проведут некоторое время на Разведчике.

И вот поэтому в последнюю неделю февраля на Разведчик прибыли Ион с РобиКом, а две недели спустя появились Алик и Алька Рой, которые, как мы помним, несколько минут назад впервые вышли на поверхность механо-планеты, чтобы непосредственно взглянуть на орбиту Десятой Тысячи.

Посмотрите и вы внимательно.

Вот в вечной тьме и морозной пустоте орбиты Десятой Тысячи плывет опалесцирующий слабым зеленоватым светом шар с идеально гладкой поверхностью. Если сравнить его размеры с размерами трех человеческих существ и одного человекоподобного робота, стоящих на его поверхности, то шар этот покажется гигантом.

Но что такое, в сущности, этот гигант, если вспомнить, что Разведчик мчится по орбите Десятой Тысячи, на расстоянии десяти тысяч миллионов километров от Солнца, что ближайшая обитаемая планета Солнечной системы, Сатурн, находится на расстоянии пяти тысяч миллионов километров от них, а ближайшие пограничные

механостанции Солнечной системы отделяют от Разведчика не намного меньшие расстояния.

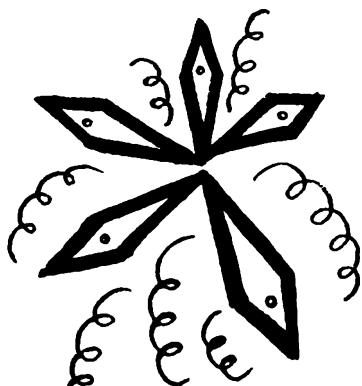
Вот четыре фигурки в серебристых комбинезонах и со светящимися шарами шлемов на головах. В сравнении с размерами Разведчика они так малы, словно их вообще нет. А сам Разведчик в сравнении с окружающей его системой в миллиард раз меньше, чем люди по сравнению с ним. И люди, и сам Разведчик — микроскопические пылинки в безбрежном пространстве, и вообще можно не заметить, что они существуют. Можно, если бы не тот факт, что человеческий род сумел так шагнуть, что даже для масштабов Вселенной это были заметные шаги, и вот теперь собирался совершить такой перелет, который смогут увидеть «невооруженным глазом» даже. . . звезды.

Стало быть, люди существуют? Они есть? Они здесь?

Да, их можно заметить даже здесь. Здесь, на Десятой Тысяче, среди бархатной тьмы Вселенной, дрожащей огоньками миллионов галактик и миллиардов звезд. И там, где немного ярче других, словно сигнал памяти и привета от друзей, горит небольшая звездочка, которую люди называют Солнцем.

— Неплохой видик, правда? — спросил Ион.

— ЭТО ПРЕКРАСНО! — ВЗДОХНУЛ АЛИК.

Алька пренебрежительно поморщилась.

— Человеку с поэтическими наклонностями, — сказала она, — полагалось бы придумать что-нибудь более оригинальное.

Алик беспомощно развел руками. Он и не намеревался защищаться. То, что он видел сейчас, было в сто раз важнее всех Алькиных подковырок.

— Это прекрасно, бестолковый ты человек, — спокойно заявил он.

Ион рассмеялся не без тайного злорадства.

— Не стоит преувеличивать, — сказал он, — самый обычный «видик». Посмотрите раз, другой... и привыкнете.

Близнецы промолчали. А Ион неожиданно наклонился вперед и, отталкиваясь то одной, то другой ногой, заскользил по поверхности Разведчика. И хоть ботинки с широкими круглыми подошвами ничем не напоминали коньков, все равно каждый шаг (а вернее, скольжение) Иона был удивительно легким, долгим и даже более

быстрым, чем у настоящих конькобежцев. Всего несколько толчков — и он уже удалился от близнецов на добрых сто метров.

Разумеется, Робик, не колеблясь, помчался вслед за Ионом, и буквально за несколько секунд их силуэты тревожно уменьшились в размерах, стали призрачными и прозрачными в зеленоватом отсвете поверхности Разведчика. К счастью, голос Иона по-прежнему звучал совсем рядом.

— Ну, — смеялся он, — чего вы ждете? Делайте, как я. Это лучшая игра на Десятой Тысяче. . . Если как следует разогнаться, можно за один раз пролететь метров сто. Ну? Чего вы ждете?

Алик улыбнулся, и стало ясно, что он вот-вот последует примеру Иона. Зато у Альки неприятно похолодело под сердцем.

— Минуточку, — сказала она совсем не так твердо, как ей хотелось. — А это разрешается?

— Конечно, — насмешливым шепотом ответил Ион и совсем издали замахал руками.

— Эгей! — закричал Алик. — Подождите нас!

Подражая движениям Иона, он сделал один, второй, третий шаг — и уже был далеко.

— Только осторожно! — закричал едва видимый Ион. — Не слишком резко, чтобы не отскочить от поверхности, а то. . .

И тут же замолчал, как будто испугался слов, которые собирался сказать. Однако Алик, видимо, уже взял нужный темп; он набирал и набирал скорость, и его фигурка все быстрее уменьшалась и растворялась в пространстве.

Алька сжала губы: ни за что не покажет своего страха.

Ох как ей хотелось крикнуть: «Не оставляйте меня!» Но она бы ни за что не закричала. Конечно, если б она раньше была хоть немного приветливее с этим сатурнийцем, ну что ей стоило хоть намекнуть, каким он ей кажется милым и симпатичным!.. Тогда она могла бы сейчас крикнуть... .

Но она заупрячилась с первой же минуты: «Буду вести себя так, чтобы он не догадался, что я на самом деле думаю». Заупрячилась глупо, как младенец. Теперь только она видела, до чего это было глупо. Одно лишь ее оправдывало — такое случилось с ней впервые.

Ну хорошо, оправдывайся не оправдывайся, а теперь за все эти «детские штучки» приходится расплачиваться.

Она посмотрела вверх и, ощутив бесконечность нависшего над ней мрака, почувствовала такое дикое одиночество, что на миг закрыла глаза. Потом снова торопливо оглянулась: может, все-таки кто-нибудь из них появится поблизости?

Никого. Она была совершенно одна.

Вот тут-то ее страх сменился злостью. «Чего ты боишься, дура?» — подумала она.

Она всегда гордилась своими способностями к точным наукам и логическому способу мышления: Алику то и дело попадало от сестры за склонность к поэзии и другим видам изящных искусств. Правда, больше всего ему доставалось за то, что он совершенно не умел да и не хотел скрывать своих чувств.

«Чего ты боишься? — повторила она. — Ведь ясно же, что ничего плохого тут случиться не может. От поверхности не оторвешься. В пространстве не потеряешься. Чего же бояться?

Космоса? Это еще глупее, чем испугаться моря, стоя на берегу. Правда, Ион намекал на какую-то опасность, но ведь понятно же, что он просто устроил ехидный розыгрыш. Так чего же тут бояться? Разве что перевернешься, когда начнешь скользить, разобьешь колени или что-нибудь в этом роде?»

Алька уже забыла, что боялась и злилась на себя, но чувство одиночества в космосе было таким гнетущим, что Алька никак не могла решиться двинуться с места.

Да, то, что простиралось вокруг, действительно было величественным, но насколько ближе сердцу красота. . . ну, хотя бы того ботанического сада, которым так восторгался Ион.

И Алька, которая в самом деле умела мыслить логично, наконец начала понимать, за что ее наказали.

— Поделом мне, — шепнула она.

— Что ты говоришь, Алька? — удивленно спросил Ион.

— Я вас не вижу, — тихо сказала она. — Куда мне идти? Скажи, Ион.

Ион несколько секунд молчал. Это был критический момент — он заколебался. Он даже взглянул на Робика: может, хватит? Но Робик реагировал совершенно неожиданно: он беспомощно развел руками.

Тогда Ион решил любой ценой подавить слабость, недостойную мужчины.

— Посмотри прямо перед собой, — сказал он. — Видишь созвездие Орла?

— Да, — прошептала она.

— Так вот, двигайся прямо на его центр.

— Хорошо, — ответила она уже совершенно спокойно.

— Только смотри. . . — сурово напомнил он. — Не гоняй как бешеная на этом катке.

Алька не стала спрашивать почему.

— Еду! — крикнула она.

Тогда Ион кивнул Робику, и оба бросились в сторону, противоположную той, с которой должны были появиться брат и сестра.

Слева мелькнула фигурка Алика, поэтому они ускорили шаг.

— Эгей, Ион! — заговорила Алька запыхавшись. — Где ты?

— Я тоже вас что-то не вижу, — сказал Алик.

Ион молчал.

— Ион! — уже нетерпеливо крикнул Алик. — Что это значит?

Потом оба замолчали.

Ион и Робик большой дугой обошли место, с которого стартовали, и остановились около квадратной крышки лифта.

Здесь Ион наконец заговорил как ни в чем не бывало:

— Интересно, Робик, почему они молчат? Уж не перепугались ли?

— Все может быть, — проворчал Робик.

— Да нет, пожалуй, — так же весело продолжал Ион. — Кто ж тут может потеряться? А здорово, правда? Космическое удовольствие!

— Мгм, — согласился Робик.

Они снова замолчали.

Послышался взрыв сдерживаемого смеха. Смеялся Алик.

— У, бродяги! Я вас уже вижу! — сказал он.

И действительно, из-за опалесцирующей линии горизонта выскочила маленькая фигурка.

Алик несясь стремительно и уверенно, словно всю жизнь только и гонял по Разведчику.

— У, вы, сатурнийские бродяги! — торжественно воскликнул он и затормозил совсем рядом, безошибочно и уверенно, удерживая равновесие. — Ну, ручаюсь вам, — сказал он, — буду теперь гонять здесь при каждом удобном случае.

— Ура! — крикнул Ион.

— Ура! — повторил Робик.

— Эгей, Алька! — закричал Алик. — Не позорь славное имя Роев!

Алька отозвалась не сразу.

— А мне все ясно! — сказала она наконец. — Но я не в обиде.

Алик и Ион переглянулись.

— А за что бы тебе обижаться? — спросил Ион, изображая на физиономии предельную наивность.

— За глупые шутки и запугивание, — пояснила Алька.

Ион почувствовал, что ни с того ни с сего краснеет. Алька же продолжала изрекать, как будто докладывала о серьезном научном открытии:

— И вообще должна вам категорически заметить, что только варвары могли бросать жертву в воду на глубоком месте и воображать, что учат плавать.

— А где тут вода? — резонно заметил Робик.

— Где вода, не знаю, а вот где вы, уже вижу! — крикнула она.

Они тоже увидели ее. Алька двигалась так же бесстрашно и точно, как Алик и даже Ион. Она летела легко и очень быстро, а Ион, глядя на ее движения, чувствовал себя все глупее.

На его счастье, Алька чересчур рано пове-

рила в свое умение и слишком поздно начала тормозить. Только она стала продолжать свои нравоучения: «Я считаю, что...» — как вдруг поняла, что ноги несут ее слишком далеко. Теряя равновесие, она мигом забыла про все свои нравоучительные намерения и беспомощно села.

Алик расхохотался.

— Вполне приемлемый способ остановки, — серьезно заметил Робик, — только немного болезненный.

Ион не смеялся. Он с восторгом смотрел на Альку. Она была из того типа девчонок, которые симпатичнее всего тогда, когда меньше всего об этом заботятся. Даже Алик начал разглядывать свою сестру с явным любопытством. И пришел к выводу:

— Знаешь, Алька, чем больше ты злишься, тем симпатичнее выглядишь!

Алька даже вида не подала, как будто вообще не слышала. Встала, подошла к Иону и посмотрела ему в глаза.

— А ну, выкладывай! — потребовала она. — Объясни немедленно, что все это значит?

— Слушай, — ответил он, — ну, должны же вы хоть чем-нибудь, наконец, на самом деле заинтересоваться! На тебя посмотреть, так на Разведчику только и есть, что «неплохие видики»... Задираешь нос, будто не собираешься на Центавра, а уже вернулась с него месяц назад. Ну, я и решил тебя немного разыграть.

— Я так и подумал! — восторженно заорал Алик.

Ион пожал плечами.

— Если что-нибудь не так, — сказал он с легким смущением, — ты извини, пожалуйста.

Она смотрела на него, широко открыв глаза. Потом облегченно улыбнулась и положила ему руку на плечо в знак примирения.

— Нет уж, — сказала она, — это нам нужно просить у тебя прощения. Правда, Алик?

Алик убежденно кивнул.

— Правда.

— Дело в том, — сказала Алька, — что мы, земляне, иной раз... ну, не замечаем просто, что людям с других планет кажемся неприятными, даже противными, наверно...

— Но... — закричал Ион, совершенно смутившись, — но...

Она не дала ему кончить:

— Возвращаемся?

— Возвращаемся, — согласился он, и они шагнули на квадрат лифта.

Прежде чем Ион отдал приказ, Алька сжала ему руку и произнесла:

— Ты очень хороший, Ион.

* * *

— Ну, что вам теперь показать? — спросил Ион, когда все четверо вышли из кабин переходного зала.

Близнецы посмотрели друг на друга.

— Говори ты, Алька, — предупредительно сказал Алик.

— Нет, ты говори, Алик, — ответила Алька.

— Итак? — спросил Ион.

Алик и Алька сверкнули ослепительно белыми зубами в абсолютно одинаковых улыбках.

— Видишь ли... — начал Алик.

— ...у нас, как правило... — помогла ему сестра.

— ... абсолютно противоположные желания, — закончил Алик.

— Ну, тогда я сам буду решать, — заявил Ион.

— Вот именно! — в один голос, как будто сговорившись, ответили близнецы.

Ион взглянул на Робика, Робик — на Иона, и на этот раз на всех четверых напал приступ «смеха охрипшей кукушки». Не только Алик, но даже Алька незаметно для себя начала подражать Иону.

— Странное дело, — печально вздохнул Робик, — вот вы, люди, ничего не перенимаете так легко, как дурные привычки.

Алик покачал головой, Алька пожала плечами. Но Робик довел свою мысль до конца:

— Наверно, у человека слишком сложно устроен организм, поэтому он легко портится.

— Что это с ним? — с изумлением спросил Алик.

— Чувство юмора, — ответил Робик.

— Что?! — крикнули близнецы.

— В моей конструкции предусмотрено чувство юмора, — объяснил Робик. И тут же обиделся: — Над чем вы смеетесь?

Но смех обидой не остановишь. Наконец все успокоились. Ион поднял голову к потолку и произнес довольно странную фразу:

— Внимание, Рапер! Добрый день.

— Добрый день, — тут же ответил какой-то глубокий, приятный и очень звучный голос. — Чем могу служить?

— Покажи нам свою общую схему. Для начала достаточно часовой программы.

— Пожалуйста, — ответил голос.

Спустя секунду откуда-то сверху опустилась

кабина с прозрачными стенами и, остановившись, гостеприимно раскрылась.

Близнецы удивленно посмотрели на Иона.

— С кем ты разговариваешь? — спросила Алька. — Ведь все на работе.

— Это верно, — подтвердил голос.

А у Иона даже глаза заблестели от удовольствия, когда он увидел безгранично изумленные физиономии близнецов.

— Все работники-люди уже на своих постах, — продолжал голос, — но ведь вполне естественно, что я остался тут. Сообщаю: меня зовут. . .

— Разведчик Первый! — крикнула Алька.

— . . . а сокращенно Рапер. Именно так, добрый день, мне очень приятно, — отозвался голос.

— Нам тоже очень приятно! — воскликнул Алик. — Что слышно нового?

Первым рассмеялся Робик. Он обладал самой быстрой реакцией, как и положено роботу, в которого вмонтировано чувство юмора.

Последней засмеялась Алька, на этот раз не под Иона, а своим певучим смехом. Ион тут же умолк и уставился на нее.

Тем временем Рапер спокойно и по-деловому ответил Алику на его вопрос:

— В данный момент слышен ваш смех.

— Ты просто чудо, Рапер! — с энтузиазмом и явным пристрастием воскликнул Робик.

В зале как будто немного посветлело, словно Рапер (на свой, разумеется, лад) улыбнулся.

— Это меня радует, — прозвучал его голос. — А теперь. . . приглашаю дорогих гостей осмотреть то, что предложил коллега Ион Согго. Согласны?

— Конечно! — закричали все наперебой, вбегая в кабину с прозрачными стенами.

Так началась вторая за этот день прогулка по Первому Разведчику, на этот раз «изнутри».

Помните, я где-то уже говорил, что размеры Разведчика по сравнению с сотнями других механопланет и искусственных спутников были весьма невелики. Рапер относился к группе самых маленьких, так сказать, «малолитражных» моделей. Но было у него одно свойство, которого не было ни у одной «малолитражки», — это была механопланта со всеми свойствами самостоятельного робота.

До сих пор конструкция самостоятельного робота применялась только при выпуске человекоподобных роботов-хранителей. А Рапер был первой механопланетой и при этом имел полную свободу действий. Получив от людей принципиальную программу работ, он мог работать и работал совершенно самостоятельно.

Экипаж Рапера большую часть научных исследований выполнял в космическом пространстве. Космолеты Альфа и Бета улетали на десятки и сотни тысяч километров от базы, обычно в противоположные стороны, чтобы оказаться в точках, как можно более удаленных относительно будущей трассы «Земли». И вот Разведчик, как правило, восемь часов в сутки был предоставлен самому себе. Он сам вычислял свой путь в пространстве и контролировал скорость полета, сам заботился о научных механизмах в лабораториях и бабочке в ботаническом саду, сам регулировал яркость искусственных солнц и форму облаков на искусственном небе, сам поджаривал людям гренки к обеду и собирал фрукты к завтраку, сам готовил космо-

леты к старту и сам изготавлял салат из самостоятельно выращенных овощей. После прибытия юных гостей обязанности Рапера значительно усложнились. Но никто из взрослых и не подумал вмешиваться.

Это уж была забота самого Разведчика, и все тут.

Экскурсия по Разведчику была, разумеется, весьма беглой. Ведь Ион заказал самую маленькую, часовую программу.

Начали с внешней оболочки Разведчика. Оболочка имела двести метров толщины: десять метров первого защитного слоя, затем тридцатиметровый изоляционный слой и две внутренние защитные оболочки. Дальше шли: наружный покров искусственного неба, скрывавший в себе контейнеры дождей, приводные механизмы, солнечные печи, насосы воздушных течений, фабрики атмосферы и так далее и тому подобное, вплоть до станций лифтов и инкубаторов, где выращивались несколько видов птиц.

Посмотрев внешнюю оболочку, они за несколько секунд промчались сквозь атмосферный пояс, со всех сторон окружающий основную внутреннюю поверхность Разведчика. Это была как бы уменьшенная копия Старой Родины — Земли, со своими садами, парками, огородами и всякой прочей всячиной.

Все это было осмотрено еще во время завтрака, так что Рапер сразу перенес их под поверхность, в свои главные и самые важные отсеки, туда, где размещалось огромное большинство механизмов, где находились главные пульта программирования, приказов, связи, измерений, действий и энергии, а также узлы, связанные с обслуживанием людей и наблюдением

за растительностью на поверхности внутреннего шара.

В этой части Разведчика они пробыли сорок минут.

В течение этих сорока минут ни один из экскурсантов не проронил ни слова. Говорил исключительно Рапер, описывая самого себя скромно и доступно и только изредка приводя точные данные или формулы, поясняющие основы действия некоторых более сложных центров.

Наконец, когда они уже исчерпали всю программу экскурсии и когда от эмоций, напряжения и возбуждения почувствовали глубокую усталость, Разведчик доставил им приятную неожиданность: вынеся их на поверхность, в ботанический сад, он спел им известную песню о самом себе — песню, написанную гениальным восемнадцатилетним композитором из Марсополиса на слова сатурнийской поэтессы.

Они слушали, глядя на бархатную зелень сада, на плывущее по экранам искусственного неба большое белое облако.

Над садом, словно бутон, расцвела дождевая тучка.

Разведчик умолк. Потом тихо сказал:

— Конец беседы. До услышания.

— До чего? — переспросил Алик.

— До услышания, — ответил Ион. — Ведь не до свидания же!

Потом надолго воцарилось молчание.

Наконец Алька взглянула на Иона и, показывая движением руки на окружающий их пейзаж, сказала шепотом, словно хотела доверить им какую-то тайну:

— Тут действительно прекрасно.

Ион только кивнул. Сначала он хотел было что-то ответить, но промолчал и широко улыбнулся Альке. Алька ответила улыбкой.

* * *

Алик лежал на спине и смотрел вверх.

Алька, Ион и Робик отправились восхищаться каким-то необыкновенным цветком ганимедского происхождения. Алик остался тут. В половине двенадцатого все собрались пойти искупаться. Перед этим стоило немного посидеть в тишине и покое.

Поэтому Алик остался тут. Он напевал припев песенки Разведчика и глядел на плывущее над головой облако, которое в своем медленном движении ежеминутно изменяло форму и становилось то диковинной рыбой, то удивительным животным и, наконец, самым нормальным, обыкновеннейшим облаком.

Наконец Алик прикрыл глаза. Он был просто счастлив. Он думал о том дне, когда впервые, как будущий член экипажа, будет знакомиться с «Землей». И Алик решил еще перед вечером засесть за работу над большой поэмой, которая «ходила за ним» уже давно. В этой полупесне-полустихотворении должно было отразиться все: размышления о Центавре, волнение перед ожидающей их дорогой, возбуждение, пережитое на поверхности Разведчика, а главное — радость, распиравшая его просто от самого сознания, что он живет, мыслит, надеется.

Как обычно, возвышенные мысли перешли в дремоту, из которой Алика извлек крик Иона:

— Али-и-и-и-ик!

Он вскочил на ноги:

— Что?

Ион, Алька и Робик вприпрыжку бежали через бархатисто-зеленую поляну к трамплину, стоявшему над ближайшим плавательным бассейном.

— Догоняй! — крикнула Алька.

— Ну, спасайтесь! — кровожадно зарычал Алик. — Кого поймаю — съем на месте!

Но ему удалось догнать только Альку. Ион высмеял Алика и принялся допытываться, почему, собственно, Алик не ест сестру на месте, как есть, с косточками. Алик оправдывался отсутствием аппетита. Но когда принялись плавать, Ион сразу поблек. С Аликом он еще кое-как конкурировать мог, но до Альки ему было далеко. Алька обгоняла их обоих в каждом заплыве, на любую дистанцию и в любом стиле.

После шестой попытки Ион решил признать ее превосходство, как горький, но неоспоримый научный факт.

— Хоть убей, ничего не поделаешь, — сказал он, проиграв в шестой раз. — Приходится с этим примириться.

Они лежали, тяжело дыша, на берегу бассейна. И вдруг Алька с недоумением взглянула на Робика.

— А ты что так дышишь? — спросила она. — Роботы ведь не устают.

Робик немного насмешливо покачал головой.

— Я делаю это просто из вежливости, — ответил он.

Алькины глаза округлились от удивления.

— Из вежливости? — спросила она.

— Дорогая Алька! — пояснил Робик совсем уже бархатным голосом. — Нам, роботам, веж-

ливость дается гораздо легче, чем вам, детям людей.

— То, что ты сейчас сказал, было вовсе не так уж вежливо, — сухо отметила Алька.

— Ну конечно, — согласился Робик. — Это было всего-навсего правдиво.

— Час от часу не легче, — буркнула она.

— Вы что, вообще никогда не имели дела с высококвалифицированным роботом-хранителем? — спросил Робик с оттенком иронии в голосе.

Алька хотела ответить довольно резко, но ее опередил Алик.

— Ты ведь знаешь, — сказал он быстро, — у нас, на Старой Родине, условия жизни такие легкие — куда нам до других планет! . .

— Кроме механопланет, — вставил Ион.

— Конечно, — согласился Алик. — Поэтому у нас роботы-хранители занимаются только детьми дошкольного возраста. С шести лет мы уже справляемся сами.

— Ну да, — проворчал Ион. — Сатурн — это вам не Земля. У нас даже взрослые часто работают вместе со своими хранителями. И в этом ничего нет смешного. Конечно, в подземельях Сатурна так же безопасно, как на Земле. Но каждый выход на поверхность. . .

Он замолчал. Близнецы тоже молчали. Ведь в голосе Иона звучала не только гордость, но и горечь. Сатурн все еще не давал себя обуздать — все еще требовал жертв. Бури и метеоритные дожди, открытые радиоактивные залежи, скачки температур, порой не поддающиеся прогнозированию, — это самый краткий перечень тех ловушек Сатурна, которые все еще собирали жатву среди людей, и защищали сатур-

нийцев вот такие роботы-хранители, как Робик, неизменно сопровождающие детей и молодежь, а зачастую и взрослых.

— Именно поэтому, — объяснял Робик, — на Сатурне нет лучшего друга человеку, чем мы.

— Не считая, разумеется, людей, — сказала Алька.

— Не считая людей, — согласился Робик.

— А в общем-то, стоило бы, — с улыбкой вставил Ион, — стоило бы сменить тему. Послушайте, ведь мы еще не успели представиться друг другу как следует.

— Правда, — согласился Алик.

Алька немедленно начала демонстрировать все свое обаяние. Она изобразила на лице мечтательность, взглянула на Иона, глаза ее поглубели еще больше, а голос прозвучал тихо и даже как-то сентиментально:

— И несмотря на это, мне кажется, что мы знакомы от рождения.

Алик ехидно улыбнулся, но, увидев, как расцвела Ионова физиономия, отказался от шутки. И сказал весьма деловито:

— О наших родителях мы знаем все, что надо. Кто учил в школе современный пилотаж больших скоростей, тот не может не знать, кто такие Орм и Елена Согго. А кто изучал астрохимию, тот должен был кое-что слышать о работах Яна и Чандры Рой. О чем говорит «закон Роя»? Знаем, знаем. Остается только личный вопрос, который мы, дети Роя, задаем тебе, потому ку Согго. Каковы твои родители так, «вообще»?

Ион поднял руку и оттопырил вверх большой палец — жест, который с незапамятных времен среди астропилотов обозначал весть о победе или пожелание счастья.

— Во, — сказал он. — А ваши?

— У нас на Земле, — засмеялся Алик, — в старину была такая поговорка: «На ять».

— Кажется, я что-то такое слышал, — задумался Ион. — Значит ли это, что они тоже транс-галактические?

— О, вот именно, — сказала Алька.

— Тогда порядок, — обрадовался Ион. — Ну, стало быть, у всех у нас родители «на ять». Слушайте, а что это, собственно, значит «на ять»? — спросил он с искренним удивлением.

Алька и Алик пожали плечами.

Робик откашлялся.

— Мне очень неприятно, — сказал он. — Но я тоже не знаю. Это вопрос для специалистов.

— Робик! — угрожающе воскликнул Ион, а Алик и Алька иронически взглянули друг на друга.

— Простите, — холодно сказал Робик. — Не понимаю, почему вы так иронически переглядываетесь. Я знаю лишь то, чему меня научили. У нас на Сатурне нет таких поговорок.

— Ну еще бы, — ядовито улыбнулся Алик. — У вас на Сатурне вообще не было старины.

— Верно, — спокойно согласился Робик. — Сатурн был колонизирован довольно поздно. Первые высадки в шестьдесят втором году космической эры. Ну и что с того? У Земли тоже есть свои недостатки.

— Не возражаю, но. . . — начала Алька.

Однако Робик, улыбнувшись, не дал ей разогнаться и начать новое препирательство.

— Взываю к твоему здравому рассудку, дорогая Алька, — сладко сказал он. — Предлагаю предоставить голос Иону.

Алик с удивлением покачал головой: воззва-

ние к здравому рассудку, видимо, подействовало превосходно, так как Алька с глубочайшим убеждением кивнула головой.

— Весьма справедливо.

Ион немного опешил.

— Собственно, что я могу сказать? Мой возраст вы знаете: четырнадцать лет и три месяца. Родился в столице Сатурна — Аккре, которая, как известно, находится на месте первой высадки людей на Сатурн.

— Название «Аккра», — вставил Робик, — дано в честь первого космонавта, разведывавшего Сатурн: он был из Африки, из города Аккра.

— Знаем, — сказала Алька.

— Родители, — продолжал Ион, — уже пять лет работают в пограничных областях Солнечной системы и бывают на Сатурне всего лишь три месяца в году, а я живу в школьном интернате. Живу, конечно, вместе с Робиком, который, по моему мнению, является самым прекрасным роботом-хранителем во всей Солнечной системе.

— Преувеличение, — скромно улыбнулся Робик.

— Конечно, преувеличение, — подтвердила Алька.

— Однако не такое уж большое, — сухо заметил Робик. — Самые лучшие в Солнечной системе роботы — это сатурнийские, а я лично на ежегодном олимпийском соревновании роботохранилителей завоевал две золотые медали за умственную и механическую способности.

Близнецы взглянули на Робика с несомненным уважением. Он действительно был роботом исключительно симпатичным, хотя иногда, как

положено роботу, становился чересчур серьезным.

Но именно в тот момент, когда они так подумали, Робик неожиданно захихикал:

— Кроме того, у нас, роботов с Сатурна, — сказал он, — есть два дополнительных и совершенно исключительных качества.

— Какие?

— В нас вмонтированы привлекательность и чувство юмора.

— И склонность к болтовне! — неожиданно разозлился Ион. — Вы дадите мне говорить?

— Пожалуйста, говори, — вежливо, но неприятно улыбнулся Робик.

Ион притворился, что не слышит обиды в его голосе.

— Если говорить о моих увлечениях, — продолжал он, — то я интересуюсь пилотажем сверхвысоких скоростей. Кроме того, очень люблю астрохимию и музыку. В отделе изучения увлечений и способностей мне посоветовали выбрать одну из двух профессий, к которым я проявляю наибольшие способности. Это будет или пилотаж больших скоростей, или композиторский факультет.

— Что-о-о? — крикнула Алька. — И ты еще сомневаешься?

— Сомневаюсь, — сказал Ион.

— Человечество определенно вырождается, — категорически заявила Алька. — Каждый второй мужчина интересуется поэзией, музыкой, кино или литературой. Это плохо кончится.

Ион, Алик и даже Робик весело рассмеялись.

— Дорогая Алька, — снисходительно сказал Робик.

— Любимая Алька, — ехидно сказал Алик.

— Милая Алька, — добродушно улыбнулся Ион. — Твое отношение к увлечению искусством чуточку старомодно. Оно было в моде в те времена, когда только начинали осваивать планеты. Но теперь? Теперь ведь даже грудные дети знают, что человечество может правильно развиваться только тогда, когда оно развивается всесторонне.

— Ну знаете... — Она дернула плечом от скрытого возмущения. — Попрошу, пожалуйста, не читать мне мораль на уровне детского сада.

— Ион, — пригорюнившись, шепнул Алик, — с ней не сладишь. Есть только один выход.

— Какой? — удивился Ион.

— Нужно, чтобы она влюбилась.

— Увольте! — крикнула Алька, а на ее щеках появился румянец. — Нет уж, увольте!

Робик с величайшим изумлением поднял вверх брови.

— От чего тебя уволить? — спросил он. — Ведь каждый нормальный человек в свое время влюбляется. Если ты мыслишь естественным образом, то должна признать такую возможность.

Алька на мгновение онемела. Но улыбка ее не предвещала ничего хорошего.

— Что ж, признаю, — сказала она. — Впрочем, меня утешает, что у меня еще куча времени для этого, — ведь в вас-то я не влюблюсь!

Но Робика не так легко было победить в логическом споре.

— Понимаю, — сказал он. — Ни твой брат, ни я в счет не идем. Ну, а Ион?

— Перестань, Робик! — крикнул Ион. — Вот уж действительно разговор на уровне детского сада!

Робик обиженно поклонился.

— Пожалуйста, — сказал он. — Я вообще могу замолчать.

Наступила довольно-таки неприятная минута молчания.

Ее прервал Алик. Вот уж кого искренне забавляла вся эта ситуация.

— Итак, наша очередь, Алька! — сказал он, скрывая смех. — Ты на один час старше, ты и начинай.

Она серьезно кивнула.

— Нам по тринадцать лет, — сказала она. — Мы родились на Старой Родине, в области Европы, в городе Торунь.

— Где родился Коперник, — вставил Робик, — древний астроном, который первым сказал. . .

— Зна-а-аем! — застонали разом Ион и Алик.

— . . . что Земля и остальные планеты образуют гелиоцентрическую систему, — неумолимо продолжал Робик. — Основное произведение называется «О вращении».

Алька снисходительно выдержала паузу, но, к счастью, Робик замолчал.

— Мы родились в Торунь, в родном городе отца. Но с того времени, когда отец с матерью перешли на работу в пограничные лаборатории Солнечной системы, они на Земле проводят только время отпусков, а мы живем у маминой сестры Индры, в Дели. . .

— Сейчас, сейчас, — прервал Ион, — не говори, я сам. . . Это. . . это. . . в А. . .

— Ну, ну, — ободрил его Алик.

— В Азии! — радостно воскликнул Ион.

— Точно. Ты знаешь географию Земли? —

удивилась Алька и продолжала, не ожидая ответа: — Если говорить об увлечениях: меня интересует микрофизика, в основном физика нейтронов. Из практических дисциплин — пилотаж сверхвысоких скоростей. И астрогеология.

— А меня, — вставил Алик, — не интересует ни астрогеология, ни весь этот ваш совместный пилотаж сверхвысоких скоростей. Я интересуюсь поэзией и квантовой геометрией.

— В отделе исследований увлечений, — снова заговорила Алька, — мне тоже посоветовали пилотаж больших скоростей.

— Только пилотаж? И все?

Алик довольно ехидно рассмеялся.

— Ясно, что нет. У Альки отличный голос, и она чертовски музыкальна.

— И все равно я никогда не буду петь, — взъерошилась она.

— Что, не сможешь?

— Смогу.

— Почему же тогда?

Алька на минуту замолкла. Потом сказала с ангельским спокойствием:

— Отстань. Просто я очень не люблю музыку.

Алик взглянул на Иона, Ион — на Робика, Робик озабоченно покачал головой. Потом он вздохнул и изрек:

— Нам всем кажется, что это неправда.

Алька сжала губы и отвернулась. Иону стало жаль ее.

— Каждый имеет право что-нибудь не любить, — сказал он. — Или, во всяком случае, утверждать, что не любит.

Она поблагодарила кивком головы, направленным, однако, неизвестно почему, в сторону

ближайшей пальмы, распушившейся, словно хвост зеленого страуса.

— А мне посоветовали, — гордо сказал Алик, — чтобы я прежде всего старался развивать свои поэтические способности. Они сказали, что искусство — это искусство: тут нет гарантий. Но остается еще квантовая геометрия. Там, правда, меньше дела, чем в поэзии, но, на худой конец, что-нибудь для меня да останется.

И он рассмеялся неизвестно отчего, разве что просто от переполнявшей его радости. И тут же как-то сразу загрустил.

— Я есть хочу, — сказал он.

— Правильно, — подтвердил Робик. — Одиннадцать ноль пять. Время второго завтрака.

Завтракали на берегу бассейна, усевшись на вытащенных из дома летающих креслах. Завтрак, как обычно, был экстра-класса. Разведчик оказался таким же блестящим поваром, как космонавтом, садоводом и так далее, и так далее, и тому подобное. . .

— Ну и завтрак, — разомлел Алик.

— Чудный! — согласилась Алька.

— Ухм, — забулькал полным ртом Ион.

Кресла мягко покачивались над цветниками. Маленькое облако заслонило Стартовую башню. Над садом в пятый раз за это утро шел дождь.

Со стороны дома слышалась музыка.

После дождя солнце пригрело сильнее — приближался полдень. Опять наступила пора тишины и безделья. Видимо, «здравый рассудок» мог выдержать не более трех минут такой тишины, ибо ровно через три минуты Алька произнесла фразу, неожиданную, пожалуй, даже для нее самой.

— Спорить нечего: на Разведчике все действительно транс- и супергалактического класса. Но я думала, тут будет гораздо интереснее.

— Что?! Ведь Разведчик. . .—обиделся Ион.

— Знаю, — прервала Алька. — Разведчик— явление мирового масштаба.

— Разведчик — это восхитительно. . . — что-то уж чересчур лирически вздохнул Алик.

— Скажи, Робик, — суровым тоном сказала Алька, — чего не может Разведчик?

— Того же, что и я, — улыбнулся Робик.

— То есть?

— Он не может выдумать себя.

— Надеюсь. А кроме этого?

— Всё может.

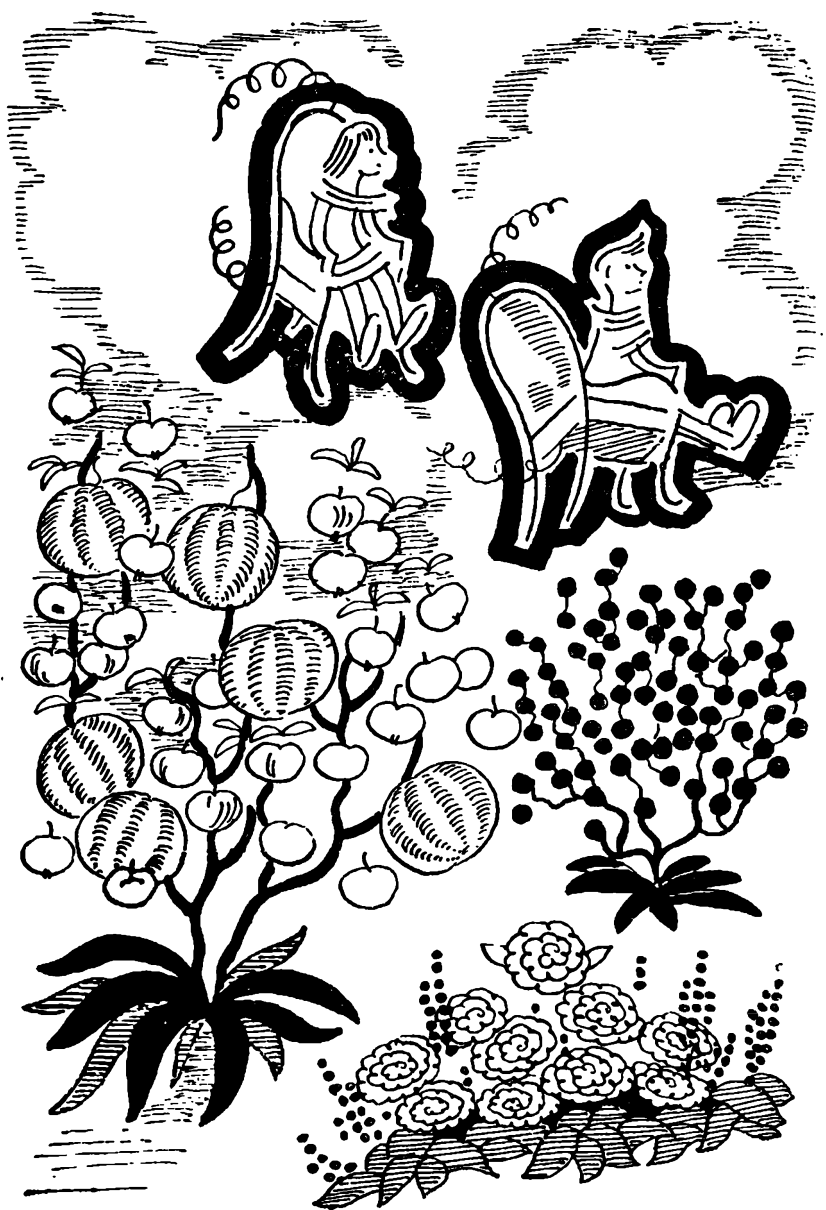
Алька ткнула указательным пальцем в сторону Иона, и это выглядело как жест публичного осуждения.

— Итак, всё, — грозно сказала она. — Разведчик может сделать и делает все. Что же остается н а м? Ничего? Не маловато ли?

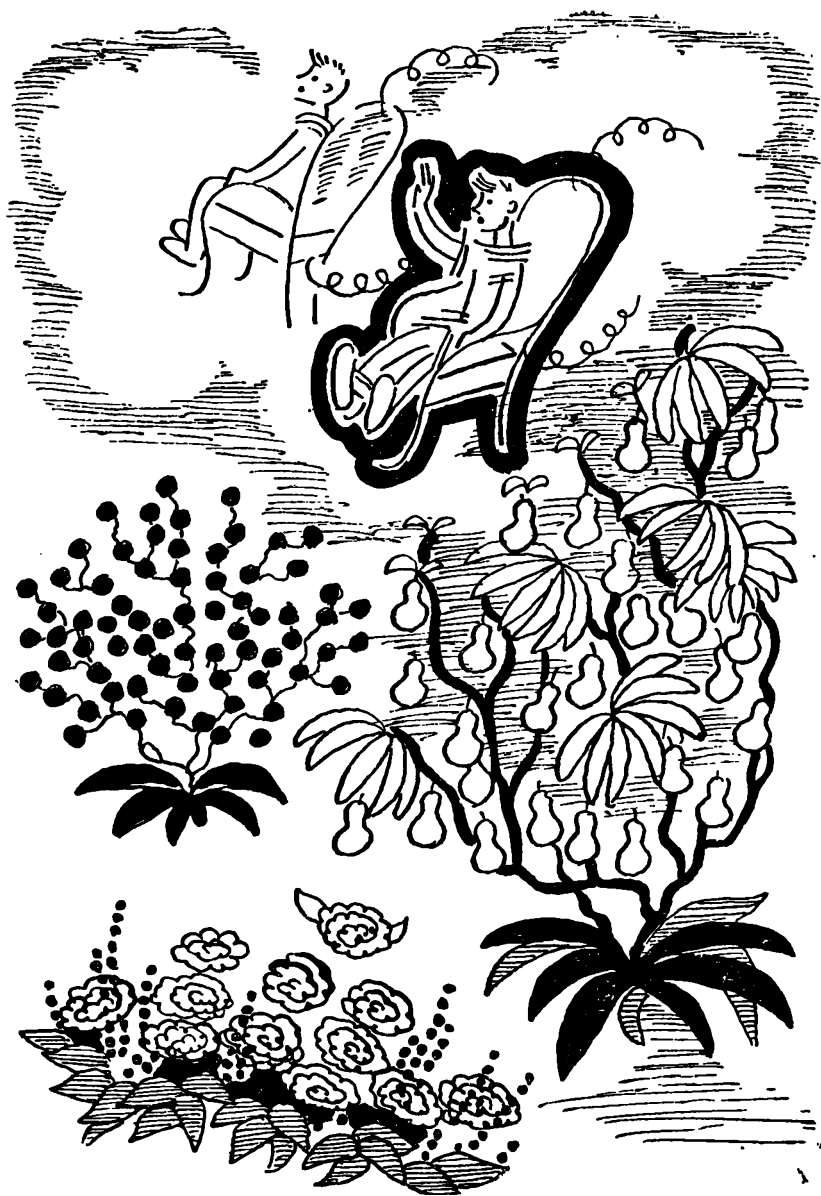
Наступило молчание.

Ион тотчас почувствовал: она права. По сути дела, их бездеятельность — заранее предусмотренная и даже запланированная каникулярная бездеятельность — была на Десятой Тысяче ужасно утомительной, временами совсем неприятной. До тех пор пока Алька не назвала все своим именем, начистоту, Ион скрывал эти чувства от самого себя. Она оказалась смелее. А может быть, даже честнее.

«Я трусил, — думал он быстро и не без стыда. — Не смог даже сам себе признаться, что для меня. . . для нас. . . тут нет дела. Конечно, — продолжал он, — тут самые красивые виды во Вселенной. Можно смотреть, можно даже

Кресла мягко покачивались

над цветниками.

влюбиться в них и. . . Вот именно: и что из того? Дальше-то что?»

— Ведь мы же на каникулах, — неуверенно сказал он, чтобы хоть как-нибудь спасти настроение.

Но Алька не хотела соглашаться ни на какие увертки:

— Не возражаю. Каникулы необычны. Разведчик — первое чудо света, и на нем наверняка еще есть что осматривать, чем восхищаться и чему удивляться. Но если говорить о нас. . . о том, что осталось на нашу долю, то я думала. . . тут будет немного интересней.

— Это правда, — сурово заметил Алик.

Ион почувствовал, что он должен высказать свое личное мнение. Он посмотрел Альке в глаза.

— Я тоже, — сказал он, — я тоже думал, что будет гораздо интереснее.

А Робик делал вид, словно вообще не слышит, о чем идет разговор.

* * *

Тут кто-нибудь мог бы обвинить Иона и близнецов в том, что у них в головах произошла космических масштабов путаница.

Однако дело выглядело не так просто.

Конечно, миллиарды ребят завидовали тому, что они проводят каникулы на Разведчике, так же как миллиарды взрослых завидовали их родителям. Это была здоровая и понятная зависть. Ведь на Разведчике проводились последние расчеты и подготовительные исследования для полета «Земли» к созвездию Центавра. О чем можно мечтать еще?

О Разведчике уже много месяцев говорили и слушали в университетах и институтах, в подземельях Нептуна и подводных портах Венеры, в пустынях Марса и в кристаллических джунглях Меркурия. О нем говорили, его показывали, о нем писали целые тома.

Поэтому с первого дня, когда стало известно, что родители начнут работу в экипаже Разведчика, Ион и близнецы мечтали, видели во сне и неустанно думали о том, как было бы чудесно с а м и м опуститься на его поверхность, с а м и м оказаться на знаменитейшей из всех механопланет «человеческой вселенной». Все, что можно было увидеть и услышать в телегазетах и телепередачах, по любительским видеофонам, в домашних и общественных видеотеках о жизни и работе на Разведчике, — все выглядело превосходно, необычно. . . Достаточно было хоть раз увидеть Разведчика со стороны — маленькое опалесцирующее зеленым светом и совершенно, ну абсолютно одинокое пятнышко на фоне черной бездны космоса.

Было бы преувеличением утверждать, что в эту эпоху светилась уже в с я Солнечная система. Но от тысяч искусственных спутников и солнц, от десятков тысяч станций и космических узлов, от сотен колоний механопланет шел общий свет, как от одной огромной кометы. Только за Нептуном огни гасли, и туда шла лишь единственная плутонская трасса. Нептун был конечной станцией всех возможных космических маршрутов, таких как «Земля — Венера», или «Луна — Сатурн», или, наконец, «Меркурий — Нептун». Плутон был планетой обитаемой, но незаселенной — чересчур много урана, чересчур сильный треск счетчиков Гейгера, чересчур

высокая радиоактивность. Еще светили спутники Плутона, спутники спутников, их трассы и станции. А дальше? Дальше уже простирался только океан пустоты, тишины и тьмы. И именно в этом океане вершил свой одинокий полет Первый Разведчик человечества, решившего оседлать созвездие Центавра — Первый Разведчик Новой эры. Поэтому с расстояния миллионов километров казалось, что нет ничего более прекрасного, чем каникулы на Первом Разведчике, и каждый должен был это понять.

Увы, так только казалось. После прибытия на место выяснилось, что вовсе тут не так уж прекрасно, не так уж неслыханно, не так уж галактически интересно, как они мечтали и думали каждый про себя: Ион на родном Сатурне, близнецы на родной Земле.

У взрослых все обстояло совершенно иначе. Те вылетали на скоростных космолетах далеко за пределы секторов Десятой Тысячи, проводили наиболее ответственные исследования из всех проводившихся по всей Солнечной системе. Но Иону и близнецам приходилось оставаться на Разведчике, а здесь для них не было никакой, абсолютно никакой самостоятельной, полезной работы. Ведь помните: Разведчик все делал сам — от астро-физико-химических замеров до . . . салата из лимонов. И все время рядом неотступный, внимательный опекун, идеал в искусственной коже — Робик. Иону и близнецам нечего было делать.

Если бы не это обстоятельство, у них были бы чудеснейшие каникулы во Вселенной. Особенно для Иона, который родился на Сатурне и впервые в жизни столкнулся с таким чудом техники. Если бы не это, Иону и близнецам бы-

ло бы что рассказывать и вспоминать месяцами. Разведчик был действительно прекраснейшим во Вселенной произведением человеческих рук.

И все-таки что-то тут не клеилось. По сравнению с грандиозностью задач на Разведчике было слишком хорошо, слишком тихо и слишком удобно. Конечно, можно было бы, как обычно на каникулах, придумать себе игру или занятие. Но ведь мечталось о серьезном деле. Игра? На Разведчике это слово звучало бы почти кощунственно. Во всяком случае, оно задевало их честь.

Кресла продолжали мягко покачиваться над цветочными клумбами, маленькое облако опять закрыло солнце, над садом мигнула очередная серебряная волна дождя.

Ион поднял голову и взглянул на Альку. Солнце разогрело ее щеки. «Какая она красивая!» — подумал он и сказал:

— Может быть, что-нибудь еще случится. . .

Робик так и сел.

— Ничего не может случиться.

— Почему?

— На Рапере ничего не может случиться.

Полная гарантия безопасности.

— Прости, — сказала Алька, — но каждому известно, что даже самая надежная система безопасности не имеет стопроцентной гарантии.

— Верно, — неохотно согласился Робик. — Однако Разведчик дает максимум безопасности по сравнению со всеми остальными искусственными планетами, взятыми вместе.

— По сравнению, — отметила Алька. — Ты же сам говоришь: по сравнению. А не вообще.

У Робика что-то странно замигало в 'глазах.

— Робик! — изумленно воскликнул Ион.

— Что?

— Ты нервничаешь?!

— Вот именно.

— Разве это возможно? — закричал возбужденно Алик. — Ведь с вами этого не бывает. Вы всегда такие. . .

— Всегда — не всегда, такие — не такие. . . — бурчал Робик. — Разведчика и меня проектировали в одном институте.

— А-а-а-а! — сказала вся тройка с радостным удивлением.

Тогда Робик разозлился по-настоящему.

— А ну, идемте, — сказал он, соскакивая с кресла.

Сначала он потащил их в комнату. Там он спроектировал на стену схематическое изображение Рапера.

Он напомнил о толщине и прочности главной защитной оболочки. Потом еще раз описал всю систему тревоги.

— Прошу запомнить, — говорил он с нажимом, — раз и навсегда! При малейшей опасности столкновения с метеоритным потоком или каким-либо иным телом, летящим со скоростью, не превышающей среднюю космическую, немедленно начинают действовать следующие знаки предупреждения: а) искусственное солнце меняет цвет и начинает мигать то красным светом, то голубым, и это длится десять секунд; б) включаются голоса механических инструкторов; в) спасательные роботы переносят людей в безопасную зону; г) при неизбежной опасности отдельные части Разведчика получают самостоятельность и как автономные космолеты разлета-

ются в пространстве; д) с первой секунды тревоги все станции помощи уведомляются о потребностях Разведчика.

Все трое слушали, глядя в глаза Робика, в которых дрожал какой-то мерцающий огонек.

Наконец Алька спросила:

— А скажи, Робик, степень безопасности на Альфе и Бете такая, как наша?

— Нет.

— А какая?

— Безопасность на Разведчике почти в сто раз выше, чем на космолетах.

— Слушайте, ребята. . .—начала вдруг сникшим голосом Алька, но Робик ее прервал.

— Спокойствие, «здравый рассудок», — сказал он с некоторым ехидством. — Если у нас, Аленька, в сто раз безопаснее, чем у них, то это еще вовсе не значит, что они находятся в опасности.

Но тут Алька совершенно неожиданно топнула ногой.

— Перестань! И потрудись описать систему предупреждения в случае аварии космолетов. Она есть? Или ее нет?

Робик ждал минуту. Однако так и не услышал «пожалуйста». Несмотря на это, он сказал:

— Ничего. Я не обижаюсь.

Алька даже не пошевелилась.

— На случай аварии космолетов, — начал сладким голосом Робик, — аварийная система действует следующим образом: а) искусственное солнце изменяет силу света и мигает то красным, то белым светом; б) автоматическая спасательная станция стартует на помощь через две секунды; в) сам Разведчик отправляется на поиски космолета; г) вызывается помощь со

спасательных станций; д) все действия с первой секунды тревоги разрабатывает главный мозг Разведчика.

Тут Робик посмотрел на лица окружающих его ребят и рассмеялся:

— Что вы вытаращились? Страх разбирает?

— Ты сошел с ума?! — крикнул Алик.

— Я не могу сойти с ума, — спокойно ответил Робик.

Однако Ион решительно хотел избежать каких-либо раздоров между Робиком и близнецами, которые не привыкли к роботам-хранителям.

— Робик, — вмешался он, чтобы сменить тему, — который час? Не пора ли сыграть в теннис?

— Одиннадцать двадцать, — сказал Робик. — Сейчас я принесу ракетки. Идите на корт.

Он притащил и ракетки, и мячи, и теннисные костюмы, и автоматического судью и, несмотря на это, был на корте раньше них.

— Ты не обижаешься? — спросила Алька.

— Конечно, нет, — ответил он. — Как будем играть?

Решили, что Алька будет играть с Робиком против Иона и Алика. Первый удар должна была сделать Алька: мяч вылетел, как из катапульты, рядом с линией. Ион с трудом поймал его. Отбил. Робик вышел к сетке, но Алик, почти лежа, схватил срезанный мяч и послал его мимо Робикова локтя за линию аутов.

— Ноль — ноль, — сообщил автоматический судья.

В двенадцать ноль семь мальчики вели со счетом пять — шесть. Подавать на этот раз должен был Алик.

— Внимание! — крикнул он и подкинул мяч вверх.

Его ракетка даже запела от удара. Поддача была превосходная, но несмотря на это, Робик должен был хотя бы двинуться в сторону мяча. Он даже не дрогнул. Лицо у него было такое, словно он прислушивался к какому-то далекому крику.

— Робик! — крикнула Алька со злостью. — Играй!

Робик не ответил. Он продолжал стоять неподвижно. И, что самое странное, автоматический судья тоже молчал. Прошла секунда, другая. . .

Неожиданно солнце изменило яркость — его свет резко ослаб, — потом оно начало мигать широкими всплесками цвета. Это было так же страшно, как ритм смертельно измотанного сердца: красное, белое, красное, белое, красное, белое. . .

— Космолеты! — крикнула Алька. — Мама!

Весь Разведчик легко задрожал. Видимо, это был момент стремительного старта автоматической спасательной станции.

Солнце продолжало мигать: красный, белый, красный, белый. . .

— Двенадцать ноль восемь, — сказал мертвым голосом Робик.

— Внимание! Внимание! — раздался голос, звучащий в воздухе, как древний набат. — Говорит Рапер. Авария космолета Альфа. Люди на Разведчике направляются с роботом-хранителем в Главную Станцию.

— Вы слышали? — крикнул Робик.

Под красными и белыми сполохами солнца мелькнул ослепительный диск платформы. Она

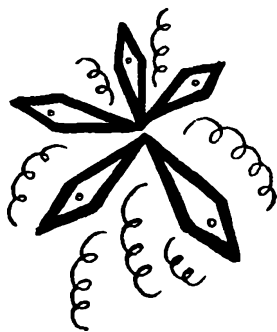
села посредине корта. Робик в один миг втокнул Алика и Альку на платформу, а потом, держа Иона за руку, вскочил на нее сам.

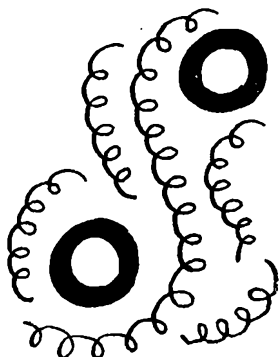
Платформа взвилась вверх.

— Ложись! — крикнул Робик.

Двадцатикилометровый путь до Главной Станции пролетели за две секунды. Садясь, платформа раскрыла дно. Они оказались на ленте транспортера, который тут же внес их в зал на Главной Станции Разведчика.

С того момента, когда Робик не отбил подачи Алика, а искусственное солнце впервые притушило свой блеск, чтобы разогреться красным и белым светом тревоги, прошло точно тридцать девять секунд.

ТАК НАЧАЛАСЬ ТРЕВОГА НА РАЗВЕДЧИКЕ.

Через тридцать девять секунд после ее начала лента транспортера доставила Иона, близнецов и Робика в зал тревоги на Главной Станции.

Голос Разведчика сказал:

— Внимание! Соединяю с космолетом Альфа.

При слове «внимание» засветилась большая полукруглая экранная стена, у которой кончалась лента транспортера. За спинами раскрылись кресла, стоящие напротив экранов. Робик мягко взял Иона и Альку за плечи и шепнул:

— Садитесь.

— Внимание, соединяю! — повторил голос Разведчика.

Ион, всматриваясь в экран, чувствовал, что задыхается. На Альфе была его мать. Значит, эта тревога была его тревогой! Она была тревогой для всех, потому что Разведчик посылал в пространство сигнал: «Всем! Всем! Всем!»,

но, по существу, этот сигнал предназначался ему. Прежде всего и прежде всех — ему!

Прошло не больше секунды. Но эта секунда тянулась очень долго. Экран, вместо того чтобы дать изображение Альфы — кабины управления или связи, — лишь замигал мимолетными тенями. И сразу погас.

— Что это? — спросил Ион.

Робик положил ему руку на плечо.

— Ион, — шепнула Алька.

Он не расслышал ее шепота. Его заглушил голос Разведчика.

— Внимание, — говорил Разведчик. — Помехи в связи. Включаю дополнительную линию.

Экран снова разгорелся зеленоватым светом. Но на этот раз они не увидели даже теней.

К счастью, послышался голос. Это был голос Елены Согго:

— Ион! Ты меня слышишь?

— Слышу! — прошептал Ион.

— Ион! Ты меня слышишь? — повторила она.

— Слышу! — крикнул он. — Слышу!

Однако она еще трижды спросила: «Ты меня слышишь?» Ион закрыл глаза. Близнецы отвернулись от говорящего, но слепого, словно искалеченного экрана — так непривычно и страшно это было.

— Ион, милый, — начала Елена. — Мы вас не слышим и не видим. Но, если ты меня слышишь, отдай приказ Разведчику, чтобы он начал ретранслировать наш рапорт на Базу на Три-тоне.

— Хорошо, — прошептал Ион.

— Ион, милый, — продолжала она, — повторяй за мной формулу приказа.

— Да, Елена, — сказал Ион.

Елена чуть повысила голос:

— Внимание, Разведчик! Приготовиться к приему приказов тревоги.

Ион встал.

— Внимание! Разведчик. . . — и повторил ту же фразу.

— Есть, — отозвался Разведчик. — Принимаю.

Елена говорила:

— С этой минуты. . .

Ион:

— С этой минуты. . .

Елена:

— . . . следует, во-первых, все сообщения с космолета Альфа передавать непосредственно на космолет Бета, с которым мы потеряли связь, а также на Главную Базу на Тритоне. Конец первого приказа.

Ион повторил слово в слово.

И с каждым словом он становился все спокойнее и спокойнее. Сейчас не место и не время для детских воплей, страхов, истерик. Его голос окреп.

— Конец первого приказа! — сказал он.

— Приказ принят! — ответил Разведчик.

— Разведчик переходит под непосредственное командование находящихся на нем Иона Согго, Альки Рой и Алика Рой. С этой минуты каждое их распоряжение правомочно. Конец второго приказа.

Ион повторил.

— Приказ принят! — сказал Разведчик.

— Ион, — сказала Елена, — надеюсь, наши слова до вас доходят. Будьте рассудительными и храбрыми. Альфа приветствует вас.

И сразу же послышался слегка охрипший голос пилота Альфы, Марима.

— Внимание, Разведчик! Внимание, База на Тритоне! Внимание, все записывающие! Говорит Альфа Разведчика! Сообщаем данные!

На экране опять замигали искры и тени, линии и зигзаги. Голос покрылся легким шумом. К счастью, несмотря на этот шум, каждое слово было хорошо слышно.

Когда Марим сказал: «Внимание, все записывающие», Робик встал.

— Записываю, — сказал он.

Ион и близнецы затаили дыхание.

Вот он, призыв, действие которого они знали только из рассказов о давних временах и из общих правил безопасности. Когда кто-либо бросал в пространство такой призыв, к а ж д ы й запоминающий механизм, до которого он доходил, обязан был записывать информацию и данные: слова, символы, числа или сигналы. Именно поэтому, несмотря на то что слова Марима уже записывала превосходная память Разведчика и что они шли в сторону Базы на Тритоне, Робик также начал их запоминать.

— Говорит Альфа Разведчика. Авария космолета в результате захвата корабля метеоритным потоком, — говорил Марим, — мы не в состоянии собственными силами вырваться из потока. Скорость потока: наивысшая предполагаемая порядка восемь. Ширина потока: полтора, семь, девятнадцать, запятая, один. Направление. . .

Марим говорил быстро, но четко. Экран опять был чист. Ребята притихли в креслах. Робик стоял выпрямившись и так неподвижно, что

лишь его неподвижность выдавала в нем совершенную машину.

Марим повторял числа и символы. Сообщал координаты места, в котором Альфу охватили метеориты, приводил данные о величине грозного потока и направлении, в котором этот гигантский поток двигался через секторы Десятой Тысячи.

Ион взглянул на свои руки — они дрожали. Однако когда он посмотрел в глаза Альки, то смог даже улыбнуться. Он понял, что ему положено быть спокойным, потому что остальные были потрясены. Так потрясены, как он сам минуту назад.

— Спокойно! — сказал он. — Нас ждет небольшая работа. Вешать носы некогда.

— Приказ принят, — кисло улыбнулся Алик.

Алька молчала. Потом повторила ту, самую неприятную фразу рапорта Марима:

— Авария космолета в результате захвата корабля метеоритным потоком.

— Я это уже слышал, — сказал Ион.

— Ион, ну что же дальше? — шепнула Алька.

— Что дальше? — переспросил Ион. — Мы на Десятой Тысяче.

— Конец сообщения, — говорил Марим. — Напоминаю: у Альфы нет связи. Мы не знаем, принято ли кем-нибудь наше сообщение. С этой минуты Альфа будет передавать текст сообщения непрерывно. Просим о помощи всех, кто в состоянии ее оказать. — Бета, отвечай! Бета, отвечай! Говорит Альфа.

— Внимание, на Альфе! Внимание, на Альфе! — воскликнул четкий мужской голос.

Лица ребят осветились радостью: они услышали голос пилота Беты, голос. . . Орма Согго.

На экране вспыхнуло чистое и резкое изображение: они увидели кабину управления Беты. Перед пультом, повернувшись к ним боком, сидел Орм. Приветствуя, он только помахал им рукой. Тут же над ним склонилось серьезное и внимательное лицо Чандры Рой. Увидев ее, близнецы вскочили с мест.

«Как маленькие», — не без огорчения отметил Ион.

Чандра одним-единственным жестом усмирила близнецов.

— Ион, — сказала она. — Мы приняли сигнал тревоги и сообщение Альфы целиком. Мы идем к ним. Мы точно не знаем, насколько серьезная у них авария, но, думаю, к ужину уже прибудем Альфу к вам. Будь спокоен, Ион.

— Я спокоен, — сказал он.

Чандра улыбнулась.

— А теперь к приказам Елены я добавляю еще одно распоряжение.

— Мы слушаем! — закричали близнецы.

Чандра слегка нахмурилась.

— Мы не будем поддерживать постоянной связи. Нам нужна вся наша энергия и все внимание. Но вы не должны оставаться одни. Перейдите в Центральный Зал. Теперь вы имеете на это право: вы же теперь командиры. Разделите между собой обязанности по старшинству.

— Есть! — гордо ответили они.

В глубине экрана Согго непрерывно повторял: «Внимание, Альфа. Говорит Бета. . . Внимание, Альфа. Говорит Бета. . .» Он ни разу не взглянул в их сторону. Для него существовал только пульт управления.

Чандра продолжала:

— В Центральном Зале установите связь с Базой на Тритоне. Они будут вами руководить. Ясно?

— Один вопрос, — сказал Ион.

Чандра взглядом показала, что слушает.

— С Альфой очень скверно?

— Не знаю, — прозвучал ответ. — Думаю, что вскоре мы ее прибудуем. Как только узнаем что-нибудь определенное — сообщим. Будь по-настоящему спокоен, Ион.

— Буду, — сказал Ион.

Улыбка Чандры осветила весь экран. Она подняла руку.

— До встречи, командиры Разведчика.

Экран погас.

* * *

Ион посмотрел на товарищей. «Вот и пришла минута испытания, — подумал он. — На кого я могу рассчитывать?»

Ясно, что больше всего и прежде всего он мог рассчитывать на Робика.

В конце концов, роботов-хранителей создавали, имея в виду именно такие опасные минуты испытаний.

«Могу ли я рассчитывать на себя? — думал он дальше. — Я дал слово», — ответил он сам себе.

Он взглянул в глаза близнецам. И почувствовал неожиданный прилив надежды:

«Справимся. Ведь мы же люди с Десятой Тысячи». Потом сразу сказал:

— Принимаю командование, как старший. Близнецы кивнули.

— Я на один час моложе Альки, поэтому

буду твоим вторым заместителем, Ион, — сказал Алик.

— Да, — подтвердила Алька. — По возрасту я твой первый заместитель, Ион.

— Я буду вашим экипажем, командиры, — сказал Робик.

Ион кивнул.

— Отлично. Предлагаю такой порядок действий: а) переходим в Центральный Зал; б) получаем от Разведчика объяснения, где, согласно рапорту Марима, находится Альфа и в каком положении; в) связываемся с Базой на Тритоне и получаем дальнейшие распоряжения; г) насколько возможно, постоянно наблюдаем за Бетой. Всё. Согласны?

— Согласны, — кивнули близнецы.

Робик покачал головой.

— Прошу дать Разведчику приказ относительно меня. Я, как робот, не имею права доступа в Центральный Зал без специального приказа командира. Прошу уравнивать меня в правах с человеком.

Ион уже готов был дать приказ, но его опередила Алька:

— Прости. У меня замечание.

— Слушаю, — сказал Ион.

— Я за то, чтоб дать Робиду только часть прав.

— Верно, — сказал Алик.

Ион готов был возмутиться. Как они могут не доверять Робиду?!

— Полные права, — говорила Алька, — может получить только настоящий человек. Робик ведь не человек.

Ион все равно обиделся за Робика. Сам Робик, понятно, совсем не обиделся.

— Какую же часть? — иронически спросил Ион.

— До первого замечания, — ответила Алька. — Это мое предложение.

Ион раздумывал. Приходилось уступить — он остался в меньшинстве. Но ему хотелось согласиться по своей воле. Это длилось секунду.

«Действительно, только настоящий человек. . .» — подумал он словами Альки и сказал:

— Согласен. — Потом громко произнес: — Внимание, Разведчик, отдаю приказ.

— Принимаю, — сказал послушный голос Разведчика.

— С этого момента до первого замечания, сделанного кем-либо из людей, робот-хранитель сатурнийского происхождения, номер 169371, серия УЧА, получает права человека.

— Принято, — сказал Разведчик.

Робик выпрямился так, как это делают люди, гордящиеся заслуженной честью.

— А теперь, — продолжал Ион, — прошу перенести нас в Центральный Зал.

— Принято, — ответил голос. — Прошу сесть в кресла.

Они сели.

Кресла сдвинулись в четырехугольник и переместились на поверхность видневшегося в центре камеры голубого квадрата скоростного лифта. Из пола тут же выскочили стенки и крыша лифта. Опять полумрак, легкое помутнение мысли, слабое удушье.

Две секунды спустя они оказались в сравнительно небольшом зале со слабо светящимися стенами и большим многоплоскостным экраном.

— Говорит Разведчик Первый, — слышался голос, и на этот раз он прозвучал совсем ря-

дом, почти шепотом. — Вы в моем Центральном Зале.

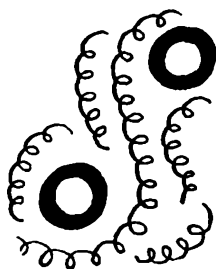
После едва заметной паузы голос добавил:

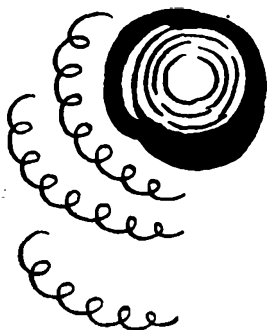
— Я готов к приему распоряжений.

— Благодарю, — ответил Ион.

Все пятеро, то есть Алька, Алик, Ион, Робик и Разведчик, еще секунду молчали. От прозрачных стен Центрального Зала шло слабое, напоминающее свет земной луны свечение.

Было очень тихо.

СИГНАЛ ТРЕВОГИ УЖЕ ДОШЕЛ ДО МАРСА, а вскоре должен был достичь Земли. В это время в Центральном Зале Разведчика Ион отдал свой первый приказ.

— Внимание, Разведчик, — сказал Ион. — Приказываю перевести нам числовой рапорт Марима на общепонятный язык.

Голос отозвался с едва заметным запозданием:

— Это приказ командиров?

— Да. Да. Да, — прозвучали три быстрых ответа.

Робик задумчиво наклонил голову. Свет одной из стен начал пульсировать несколько сильнее.

Голос говорил:

— В секторе АМ, 1128, 43, 08, 11... на орбите Десятой Тысячи космолет Альфа был захвачен метеоритным потоком. Предполагаются неполадки в аппаратуре обнаружения. Запоздание было порядка двадцати двух сотых секунды,

то есть очень большое. В результате космолет Альфа попал в главное русло метеоритного потока. При этом произошла авария средств теле-связи, в основном радарных систем. По этим причинам Альфа была вынуждена уравнивать свой курс и скорость с потоком.

— Корабль летит вместе с ним? — очень тихо спросил Ион.

— Да. При каждой попытке выйти из потока космолету угрожает столкновение. И даже взрыв.

— А куда. . . — начала Алька новый вопрос, — а куда движется поток?

Голос сразу и очень вежливо ответил:

— За пределы Солнечной системы.

— С какой скоростью? — крикнул Ион.

— Около ста тысяч в секунду. Разумеется, — добавил голос, — ста тысяч километров. В момент передачи сообщения скорость была примерно. . .

— Стоп, — прервал Ион, и в его голосе, пожалуй, впервые сегодня послышался отзвук настоящего отчаяния. — Скажи: каковы шансы на спасение? Кто и при какой скорости может догнать и спасти Альфу? И прежде всего: как можно ее спасти?

Разведчику пришлось долго работать над ответом. Вопрос был сложным. Казалось, что тут же, рядом, слышно его слегка учащенное дыхание.

— Внимание, отвечаю, — сказал он наконец. — Шансы на спасение существуют. Однако должен быть выполнен ряд условий, очень трудных условий.

Ион с большим трудом сдержался, чтобы не крикнуть: «Каких?» Алька прикрыла рот рукой,

Алик закрыл глаза. Один Робик сидел, удобно откинувшись в кресле.

Глядя на его спокойное лицо, Ион почувствовал, что к нему опять возвращается надежда.

«Поможешь, друг, — думал он. — Правда?»

Робик, словно услышав этот немой вопрос, кивнул в ответ головой.

— Если говорить о спасательной ракете, — продолжал голос, — то, учитывая аварию связи на Альфе, ракета почти бессильна. Она не сможет их отыскать. . .

Алик вскочил.

— Что же это за спасательная ракета? — крикнул он. — Стоит только связи прерваться — и что? Сразу конец!

— Но, — вежливо ответил голос, — связь никогда не отказывает.

— Но ведь теперь отказала.

— Да, но в принципе она никогда не отказывает.

Ион усталым движением взял Алика за руку.

— Перестань. Он прав.

— Продолжать? — спросил Разведчик.

— Продолжай.

— Гораздо больше возможностей у космолета Бета, — продолжал голос. — Но и тут нет стопроцентной уверенности.

— Какова вероятность, что действия Беты будут удачными? — продолжал спрашивать Ион.

Наступила тишина.

— Сейчас нет достаточных данных, — сказал голос, изрядно помолчав. — Но предполагаю, что примерно одна двухсотая или одна двухсотпятидесятая.

— А как с . . . безопасностью Беты? — как будто равнодушно спросила Алька.

В голосе прозвучал оттенок веселья. Вопрос был поставлен не очень точно.

— Всё зависит, — ответил он, — от того, что предпримет Бета.

— Продолжай, — сквозь зубы процедил Алик.

— Принято, — поспешно согласился голос. — Отвечаю. С Базы на Тритоне стартовали четыре эскадры Большой Помощи, восемьдесят космолетов. Однако их расстояние от места катастрофы слишком велико. Погоня может длиться чересчур долго, и им самим может угрожать опасность не вернуться на Базу. Поэтому их шансы примерно в пятьдесят раз меньше, чем Беты.

— Отвечай немедленно, — сказал Ион. — Есть вообще хоть кто-нибудь, кто может помочь Альфе?

И тут в разговор неожиданно вмешался Робик.

— Мы должны были связаться с Базой, — сказал он.

Разведчик умолк. Ведь Робик сейчас имел права человека, и если он высказал мнение, отличающееся от мнения остальных, Разведчик должен был ждать результата голосования руководителей.

— Как ты смеешь?! — крикнул Ион. — Робик! — Но он тут же взял себя в руки. — Почему ты мешаешь в такой момент?

— Я только хотел напомнить, — несмело объяснял Робик, — что говорила Чандра.

Ион стукнул кулаком по колену.

— База может еще минуту подождать. Я хочу получить ответ. Предупреждаю, — тут голос Иона стал прямо-таки ледяным, — голосуют только командиры.

— Я за то, чтобы Разведчик сначала ответил, — сказала Алька.

— Я тоже, — немного поколебавшись, сказал Алик.

— Есть. Отвечаю, — сказал голос. — Очень серьезные шансы у...

И вдруг он замолчал.

На экране телесвязи загорелся красный, как цвет Марса, сигнал.

— Внимание, внимание! — поспешно сказал голос. — Главная База на Тритоне требует немедленной связи. Соединять или... продолжать дальше?

Ион немного растерянно посмотрел на близнецов, но было видно, что и они не знают, что ответить. Робик тоже молчал. Однако его губы беззвучно прошептали слово «соединять».

— Соединять, — сказал Ион.

Минуту назад Разведчик сказал, что «очень серьезные шансы у...»

У кого? У кого очень серьезные шансы? Может быть, в их районе находится еще какой-нибудь астроразведчик?

— Соединять! — с неожиданной радостью закричал Ион, потому что подумал, что на Базе-то уж наверное знают.

— Соединять! — хором повторили близнецы.

На экране Центрального Зала появилось изображение небольшого помещения, в котором находились два человека. Увидев их, Ион и близнецы встали.

— Приветствую вас! — глубоким басом воскликнул мужчина.

Женщина только кивнула, улыбаясь.

Это были главные проектировщики Разведчика и «Земли» — Долорес Ли и Майк Антонов.

Рыжая, среднего возраста женщина с немного раскосыми глазами и оливковой кожей и красивый гигант с гривой седого льва.

— Приветствую вас, — сказал Ион.

Все четверо, включая Робику, наклонили головы. Было кому поклониться.

Майк подошел к самому краю экрана. Казалось, будто шагнул в камеру.

— Вы вышли на связь с запозданием, — сказал он.

Ион кивнул.

— Мы хотели разобраться в состоянии дел.

— Разобрались?

— В общих чертах.

Майк взглянул на Долорес. Потом повернул голову в сторону — посмотрел на какой-то невидимый отсюда экран. Одновременно, когда Майк умолк, они услышали в глубине непрерывный, приглушенный звук каких-то сообщений: числа, числа, числа. . .

Майк снова повернул лицо к новым командирам Рапера, которые смотрели на него.

— Разведчик объяснил вам, кто прежде всего сможет спасти Альфу?

Ион покачал головой.

Майк опять переглянулся с Долорес. Она тоже подошла ближе к краю экрана.

— У вас еще есть время, — сказала она как будто им, а в действительности Майку.

Ион сжал зубы.

— Простите, — сказал он несколько резче, чем хотел. — Считаю, что я уже сейчас должен знать, кто имеет шансы спасти моих родителей.

Антонов кивнул.

— Ты прав, Ион, — сказал он.

Его большое черное лицо с суровыми чертами выражало сердечное сочувствие.

— Ты прав, — повторил он. — Но дело в том, что для получения совершенно точного ответа нужно еще немного подождать.

— Так что же вы предпочитаете? — серьезно спросила Долорес. — Знать полправды сейчас же? Или всю правду через. . .

— Через? — спросила Алька.

— Через восемнадцать минут.

— Это очень долго, — сказала Алька.

— Мы подождем, — сказал Ион.

Долорес и Майк одобрительно кивнули.

— Ты прав, Ион, — повторил с уважением Антонов.

И вдруг улыбнулся. Это выглядело совершенно необычно: два ряда ослепительных зубов блеснули на черном лице, как белый огонь.

— У Разведчика новые командиры, — сказал он.

Он остановился напротив них, распрямляя покатые плечи, взглянул на Долорес так, что она молча встала рядом, и сказал голосом столь серьезным, что все шутки можно было исключить заранее.

— Руководство Главной Базы в лице Майка Антонова и Долорес Ли докладывает новому руководству Рапера. Мы в вашем распоряжении.

Ион и Алик попросту растерялись. Они покраснели как огненные пионы из садов Разведчика. Алька же улыбнулась самой вежливейшей и непритнейшей своей улыбкой.

— А что это, собственно, значит — «в распоряжении»?

Долорес гневно ахнула, но Майк схватил ее за кисть руки.

— А вот что, — сказал он. — Мы обязаны ответить вам на любой вопрос.

Ион вздрогнул. Он вдруг понял, что значит «ответить на любой вопрос». Ему пришлось откашляться. От волнения у него на секунду перехватило голос.

— Я хотел бы знать, — выговорил он наконец, — есть ли у вас уже изображение того, что случилось с Альфой?

— Ага, — выдохнул Алик. — Правильно!

— А картину действий Беты вы нам сможете потом дать? — спросила почти шепотом Алька.

— Да.

— Я против, — неестественно резко сказала Долорес.

Ион подошел к самому экрану. Казалось, он стоит рядом с ней.

— Почему? — спросил он тихо. — Почему ты нам не друг?

Долорес побледнела.

— Ион! — сказала она. — Ты ничего не понимаешь.

Он недоверчиво покачал головой.

— В таком случае... объясни. Чтобы я понял.

Она беспомощно развела руками. Ей не хватало слов. Она сморщилась, как от неожиданного приступа боли.

— Просто... я хотела избавить вас от всего этого.

— Почему?

— Потому что... мне вас жаль.

Ион в неожиданном смущении опустил глаза. В глазах Долорес Ли — великой Долорес! — он вдруг увидел две слезы. А ведь вид плачущей Долорес Ли мог потрясти любого.

— Понимаю, — тихо сказал Ион. — Но мы должны знать, и знать как можно больше и подробнее.

— Мы этого требуем, — твердо сказал Алик. Долорес взглянула на Антонова.

— Вот видишь? — сказал он.

Она кивнула.

— Кроме того, — проворчал Антонов, — то, что они увидят, может иметь большое значение позже.

Ион хотел было спросить почему, но не успел: изображения Майка и Долорес неожиданно стали уменьшаться и передвинулись в нижний боковой сегмент экрана.

— Внимание, — сказал Майк, — передаем на визии сообщение о космолете Альфа.

Ион на секунду прикрыл глаза.

В этот момент он почувствовал в своей руке руку Альки.

— Ион, — прошептала она. — Ведь это уже было.

«Неправда, — подумал он. — Это все еще продолжается».

Антонов сказал:

— Согласно полученному нами рапорту, рабочий день на космолете Альфа начался нормально.

На экране опять раскрылась черная бездна космоса.

Это был сектор АМ, 1128, 43, 08, 11 — сектор предусмотренных на этот день работ и исследований Альфы.

В глубине, по ту сторону холодного, мрачного и безмолвного океана, блестили и переливались белыми огнями созвездия Центавра, Стрельца и Орла.

Потом на переднем плане показался небольшой, горящий зеленоватым светом, веретенообразный силуэт. Это была Альфа.

Космолет выплыл с левой стороны экрана и остановился неподвижно.

Экран увеличил изображение. Теперь космолет стал виден совершенно отчетливо. Четко видны были даже небольшие светлячки — несколько человек в скафандрах над поверхностью космолета.

Антонов заговорил опять:

— В одиннадцать ноль-ноль Альфа заняла постоянную позицию в намеченном на сегодня секторе. Восемь членов экипажа, среди них Елена Согго, покинули Альфу и приступили к предусмотренным измерениям. Они отделились от Альфы не более чем на сто километров. До одиннадцати пятидесяти девяти экипаж космолета работал без помех.

Несколько секунд изображение дрожало, как тронутая ветром поверхность воды, потому что Антонов резко ускорил передачу изображения, чтобы как можно скорее перейти к нужному моменту.

Ион сплел пальцы, чтобы скрыть их дрожь. «Это уже было, — повторил он себе. — Все, что ты тут видишь, произошло уже раньше и теперь только возвращается из прошлого». Но чем могли помочь эти трезвые рассуждения? Да, все это уже произошло. Но ведь он смотрел на то, что смертельно угрожало самому близкому на свете человеку. Елена, спокойная и мудрая, всегда думающая о том, чтобы между матерью и сыном не было никаких тайн, которая даже в самые жаркие рабочие дни помнила о часовой беседе с сыном, даже если они были разделены

миллионами километров... Елена — великий, прекрасный пилот Елена Согго и в то же время друг и участник каждой игры, спутник походов на поверхность Сатурна, самый веселый из друзей.

Ион хотел бы закрыть глаза. Он глубоко вздохнул — раз, другой. «Ты тут старший, — напомнил он сам себе, — ты командир. Помни: на орбите Десятой Тысячи нет места плаксивым хлюпикам. Ты не один».

Он чувствовал рядом присутствие друзей, слышал их дыхание. В памяти, как луч света и отблеск надежды, скользнули слова Основного закона всех космонавтов:

«Нет и не будет одиноких в минуту космической опасности».

И вот теперь он до конца постиг важнейшую истину: Елене, самому близкому на свете человеку, больше всего он может помочь собственной храбростью и собственной выдержкой.

Он поднял голову.

— В одиннадцать пятьдесят девять аппараты обнаружения объявили тревогу, — сказал своим необыкновенным басом Антонов.

На экране силуэт Альфы замигал тревожным огнем. Находившиеся снаружи люди были мгновенно втянуты в космолет, за ними тянулись полосы тревожных огненных шлейфов.

Одновременно в глубине экрана показалась какая-то тень.

Это был сгусток тьмы, видимый только благодаря тому, что с момента входа в поле экрана он начал все быстрее перемещаться к его центру, поочередно заслоняя свет далеких туманностей и звезд.

Космолет — это было отчетливо видно — уже

стартовал. Однако он не успел вовремя набрать скорость, которая позволила бы уйти от надвигающейся космической волны.

И вот черная туча охватила Альфу со всех сторон.

Космолет, пытаясь уйти, выпустил одну, вторую, третью очередь противометеоритных огней. В их слепящем блеске разлетались в прах огромные глыбы — черная река неожиданно разгорелась на весь экран серебряным светом.

Но борьба, по сути дела, была безнадежной: Альфа сумела лишь начать пробивать дорогу к бегству в метеоритной стене. Сверкнули вспышки двух последних очередей, и всё — Альфа была безоружной.

Теперь она уже могла рассчитывать только на помощь извне.

Еще минуту все молча смотрели, как в черной волне мигает маленький, веретенообразный огонек, и внезапно Антонов оборвал передачу.

— Вот пока и все, — сказал он. — Я считаю, что вам следовало знать правду.

— Благодарю, — сказал Ион.

— Как же это могло случиться? — спросила Алька.

Антонов развел руками. Показал на Долорес, которая, немного прищурив глаза, сказала:

— Мы с первой же минуты ведем расследование.

— Расследование? — изумился Алик. — Против кого?

Долорес покачала головой:

— Единственное объяснение того, что мы видели, — неточность в работе приборов предупреждения. Сейчас проводится скрупулезное

изучение всех автоматических систем, выпускающих приборы того типа, которыми оборудована Альфа.

— Ну вот, конечно, — проворчал Робик. — Теперь опять все свалят на машины.

Алик притворился, что не слышит. А другие и впрямь не расслышали, тем более что Алька обратилась к Антонову:

— Когда Бета начнет действовать?

Антонов взглянул на циферблат многодисковых космических часов. Минуту молчал, потом сказал:

— Через... через четыре минуты. Включить изображение?

— Да, — решительно сказал Алик.

— Да, — повторила Алька.

В эту минуту в зал Главной Базы вошел невысокий мужчина с характерной, кирпичного цвета кожей людей с Марса. Они узнали его сразу. Это был один из известнейших пилотов больших скоростей, знаменитый истребитель метеоритных лавин, мастер боевого пилотажа Назим Шумеро.

— Приветствую вас, — сказал он.

Они ответили поклонами. Потом спокойно уселись в кресла.

Назим был один из самых отважных людей мира. За его плечами было несколько полетов в непосредственной близости от Солнца, которые дали бесценный материал науке и стали живой легендой о человеческом мужестве. В присутствии такого человека нельзя было проявлять ребячество.

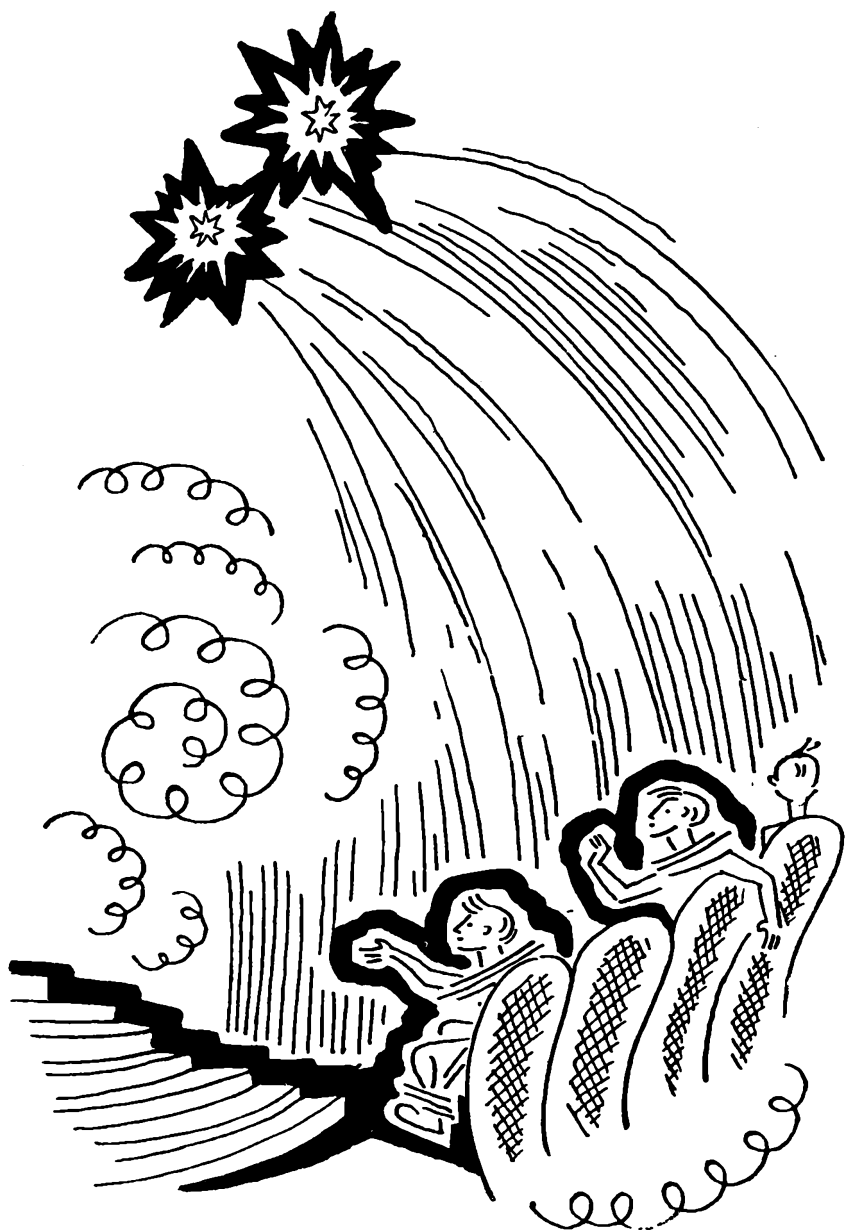
— Включаю изображение Беты, — сказала Долорес.

На экране опять появились пустота и тьма,

Можно было подумать, что просто смотришь

инструкционный фильм для боевых пилотов.

опять повеяло ледяной стужей безмолвного пространства.

— Еще две минуты, — сказал Майк.

В левом углу экрана показалась зеленая полоса. Это была летящая со сверхскоростью Бета.

На Разведчике и на Базе появление этого размытого от скорости силуэта было встречено напряженным молчанием. Но вот в глубине изображения вновь появилась огромная черная тень метеоритной реки, захватившей Альфу. Среди глыб потока опять замигало светлое веретено первого космолета.

Бета начала широкой дугой и несколько боком подходить к краю темной тучи.

— Так, — спустя минуту сказал Назим. — Орм хочет использовать единственную возможность. Он даст течению увлечь себя и, летя вместе с ним, попытается пробить дорогу к Альфе.

Больше уже никто не произнес ни слова.

Бета вошла в метеоритный поток гладко, как игла в воду. Казалось, это нормальный, обычный маневр. Лишь через минуту блеснули ее боевые огни.

Орм, пилот Беты, с первой встречи поступал гораздо рассудительнее, чем Марим с Альфы.

Он не пробивал себе пути очередями противометеоритного огня, а стрелял одиночными зарядами. И каждый выстрел достигал цели. Одна за другой вспыхивали глыбы метеоритов, превращаясь в облака раскаленного тумана и светящегося пепла.

Это было великолепное зрелище. Можно было подумать, что просто смотришь инструкционный фильм для боевых пилотов, которые

из столетия в столетие очищали коммуникационные пути от метеоритных лавин, охраняли планеты и спутники от неожиданностей, которые несут блуждающие в бесконечности метеоритные потоки.

Но вдруг Бета резко отскочила в сторону и тотчас же выстрелила полной очередью. Что-то было не в порядке. Метеоритная река разгорелась, как огромный огненный столб, и Бета оказалась рядом с Альфой.

Еще одна очередь, и еще одна, и... вдруг Бета резко прыгнула назад — раз, второй, третий. Было видно, что космолет вынужден производить быстрые, как мысль, прыжки. Видимо, ему угрожал ряд убийственных ударов. Защищаться от них можно было только длинными очередями позитронных залпов.

И боезапас исчерпался! Теперь в ловушке Черной Реки оказались оба космолета. И, самое страшное, секунду спустя беспокойный голос Разведчика прервал мертвое молчание смотрящих на эту сцену людей:

— Внимание, внимание! Бета теряет связь! Бета теряет связь!

— Что! Миллиард парсеков!!! — бешено выругался Антонов. — Что там еще со связью?

— Подозреваю, — сказала Долорес, — что у Реки есть какие-то особые свойства, которые...

— Наверняка, — прервал ее Назим. Он хотел еще что-то добавить, но умолк.

Умолк, потому что в это время Алька подошла вплотную к экрану, к тому самому месту, на котором перед этим стоял Ион. Потом она протянула руку в сторону Антонова.

— Говори, — сказала она. — Говори, что теперь?

Но прежде чем Майк успел ответить, к Альке подбежал ее брат.

— Теперь наша очередь, Алька, — сказал он. Антонов ахнул от изумления.

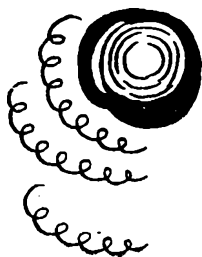
— Догадались? — спросил он.

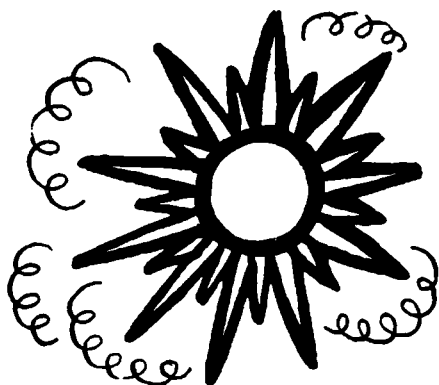
— Да, — сказал Ион. — Я тоже. Шансы Беты были слишком малы. Единственный, кто может их спасти, — это тот, кто с первой минуты тревоги летит им на помощь: Разведчик и мы.

— Это так? — спросила Алька.

— Да, — в один голос ответили Майк Антонов и Назим Шумеро.

— Говорите, что делать?! — потребовала Алька.

СИГНАЛ ТРЕВОГИ УЖЕ ДОСТИГ ЗЕМЛИ И ВСКОРЕ должен был дойти до сферы Меркурия и околосолнечных станций.

Итак, о несчастье на Разведчике уже знало большинство человечества. Прошло всего несколько минут, и везде, где только находились люди, стало известно о катастрофе на Десятой Тысяче.

Основной закон космоса, установленный еще в начале эры, говорил: «Никто не остается один на один с космосом». Люди были верны этому закону. А думать о катастрофе значило прежде всего думать о том, как помочь.

Так оно и было.

Самые выдающиеся ученые мира, самые известные боевые пилоты, самые опытные космонавты думали о том, как спасти отважных исследователей, затерявшихся в метеоритной реке.

В миллионах человеческих домов люди направляли свои мысли к попавшим в катастрофу в секторе Десятой Тысячи. Миллиарды телеэкранов передавали волнующие отчеты о захвате космолетов Рекой (позже ее назвали Черная Река). Без преувеличения можно сказать, что с той минуты, когда тревожная весть с Разведчика дошла до человечества, большая его часть посвящала людям с Десятой Тысячи все свои чувства и мысли.

И в то же время одно лишь было бесспорно, и это понимали почти все. Об этом говорили электронные машины. Это повторяли люди. Думали об этом и те, которых Черная Река несла в неведомую пустоту Вселенной. А именно: единственные люди, у которых есть хоть какие-то шансы спасти оба космолета, — это те, кто сейчас находится на Разведчике. Иначе говоря: Ион Согго, четырнадцатилетний мальчик, родившийся в столице Сатурна Аккре, и близнецы с Земли — Алик и Алька Рой.

Понятно, что в мировую систему связи не включали изображения Центрального Зала Разведчика, в котором находились эти трое. Однако за ними напряженно наблюдали на своих экранах несколько тысяч специалистов, призванных в штаб спасательной операции. Потому что, независимо от добровольных заявок со всех спутников и планет, именно они были теми, которых вызвали, чтобы обдумать наилучший путь спасения.

И вот еще что. Когда Алька спросила: «Что мы должны делать?» — и когда ребята втроем подошли к экрану, глядя на Антонова в ожидании приказа, мысли огромного большинства людей совпали.

А выглядели эти мысли примерно так: «Я гордился бы (или я гордилась бы), если б это были мои дети».

Антонов наклонил к Альке свое прекрасное черное лицо и откинул падающую на лоб прядь волос.

— Я гордился бы, — сказал он басом, звучащим, как растревоженный набат, — если бы вы были моими детьми.

У Альки заблестели глаза.

— Прости, — сказала она. — Но я спросила: что мы должны теперь делать? Почему ты не отвечаешь?

Антонов наклонился так низко, что прядь волос опять упала ему на глаза.

— Простите, — сказал он. — Но я имел право посвятить еще минуту этим, может быть, излишним похвалам. У нас еще есть довольно солидный запас времени, прежде чем Разведчик догонит Реку и вы сможете приступить к операции.

— Какой запас? — спросил Ион.

— Сто пятьдесят шесть минут, — с улыбкой ответила Долорес. — Позвольте сказать вам, что я тоже гордилась бы, если б...

Алька охнула так, что Долорес оборвала фразу на полуслове, а улыбка застыла у нее на губах. Но Алька тут же попросила прощения.

— Прости, — сказала она. — Я веду себя как ребенок. Но я действительно волнуясь. Ведь я...

Она не закончила.

Что она хотела сказать? Специалисты, наблюдавшие эту сцену, в девяноста случаях из ста дали такое продолжение: «Ведь я... очень люблю Чандру и Яна». Остальные утверждали,

что должно было прозвучать так: «Ведь я... очень сильно люблю Чандру и Яна».

Но Алька не была бы Алькой, если б она говорила вслух такие слова. Она только потерла ладонью лоб отчаянным, жалобным жестом.

— Майк, — сказал Ион. — Мы, конечно, очень гордимся тем, что вы очень гордились бы, если бы... и так далее. Но только нам больше всего хочется выяснить наши возможности и узнать наконец, что нам предстоит делать.

В этот момент в командном пункте Базы, где находились Майк и Долорес, послышались два мощных удара гонга: этот сигнал означал, что супермозг Базы выполнил полученное задание.

— Ты спросил в самое время, — сказал Назим.

Майк повернулся к Альке с улыбкой:

— Видишь, милая? — сказал он. — Мы не так уж виноваты, как вам казалось. Просто мы тоже ждали... его.

Тут он кивнул в сторону зеленого огонька. Это был глаз супермозга, который с добродушным удовлетворением и чувством хорошо исполненного долга мигал им своим зеленым зрачком.

* * *

— Итак, — сказал глубоким басом Майк, — внимание.

У Иона на мгновение мелькнула мысль, что когда бы и что бы ни пришлось ему в жизни еще пережить — если ему вообще удастся пережить этот день, — именно с этой минуты начинается нечто совершенно новое в его жизни.

Антонов говорил:

— Программа действия, которую вы сейчас услышите, является результатом работы восьми тысяч сотрудников Базы. С первой минуты тревоги на Разведчике они ввели в супермозг Тритона целый ряд предположений. Супермозг сделал выбор, чтобы найти лучшее из лучших.

— Вы должны знать, — сказал Назим, — что в этой программе учтены также предложения, переданные добровольцами со всех планет и спутников Солнечной системы. Около ста миллионов.

— Благодарим, — сказали близнецы.

— Пользуюсь случаем, — сказала Долорес, — и сообщаю, что вы получили в несколько раз больше приветствий.

— Благодарим, — сказали близнецы, Ион и Робик.

Майк Антонов продолжал:

— Вы задали вопрос: что делать?

Тут он повернулся к светящемуся глазу супермозга:

— Алло, супер, дай-ка нам схему.

Супер молча спроецировал самую простую и наиболее понятную схему места катастрофы. Это была обычная белая карта неба с нанесенной на нее информацией. Карта неба, видимого из сектора Десятой Тысячи.

На фоне этой карты супер прочертил длинную, черную, толстую полосу, которая роем своих черных точек окружала две светлые микроскопические черточки.

— Вот, — сказал Майк. — Так в общих чертах выглядит положение. — Он показал на темную полосу. — Это Черная Река. Самый большой и быстрый из всех известных до сих пор метеоритных потоков, которые когда-либо вхо-

дили в пределы нашей системы. Она состоит из метеоритов диаметром от пятисот метров до десяти километров. Местами наблюдаются лавины очень мелких метеоритов с большей плотностью распределения. — Тут он повернулся к слушающим. — Однако существует во всем этом один непонятный и очень тревожный факт. Река создает помехи в связи. Она искажает радио- и телевизионные волны и если даже пропускает их, то с такими нарушениями, что они становятся совершенно непонятными. Альфа и Бета все еще пытаются связаться и с вами и с нами, но, к сожалению, безрезультатно. Слова превращаются в шумы, изображения — в мигание.

— Они... живы? — спросил Алик.

— Несомненно, — сказала Долорес.

Майк стоял немного сбоку от белой карты неба, перерезанной черной полосой метеоритного роя. На краю карты появилось округлое пятнышко.

— В данный момент, — говорил Майк, задумчиво потирая лоб и показывая на это пятнышко, — Разведчик находится еще в ста пятидесяти минутах полета от того места Черной Реки, в котором застряли оба космолета. Разведчик — единственный корабль, который при той скорости, которой обладает Черная Река, может ее догнать, не опасаясь, что погоня исчерпает запасы горючего и он уже никогда не сможет вернуться.

— Как следует из вычислений, — вставила Долорес, — любой другой корабль или механо-планета не смогли бы догнать Черной Реки раньше, чем через... восемь лет.

— Через сколько? — переспросил Алик.

— Через восемь лет, — повторила Долорес.

— Итак, — сказал Майк, — представим себе тот момент, когда Разведчик окажется на уровне застрявших в Черной Реке космолетов. Это произойдет через. . .

На экране появились числа 138, 71, 68. Значит, до момента, о котором говорил Майк, должно было пройти всего сто тридцать восемь минут семьдесят одна и шестьдесят восемь сотых десятичной секунды.

«Как страшно мало», — подумала Алька.

«Как страшно много», — подумал Ион.

— В этот момент, — сказал Майк, — вы окажетесь вот тут.

Маленькое пятнышко Разведчика переместилось в то место, в котором среди роя метеоритных точек Черной Реки виднелись две светлые черточки: Альфа и Бета.

— Теперь увеличение, — потребовал Майк.

Супер увеличил тот участок схемы, на котором виднелись Разведчик и часть Черной Реки с космолетами.

Майк отступил и движением руки пригласил Назима.

— Теперь ты, — сказал он, уступая место этому, как известно, самому отважному из людей. — Итак, — сказал Назим, — теперь ваша очередь. Вам надо сделать немного. Один из вас должен вывести Разведчика в указанное место на фланг Черной Реки и начать огонь из всей артиллерии Рапера, чтобы пробить в Реке туннель глубиной в пятьсот километров.

— Мелочь, — буркнул Алик.

— И в то же время двум другим, — продолжал Назим, прищуривая чуть выпуклые и очень умные глаза, — надо вылететь вот сюда, — он показал точку на карте значительно выше Альфы

и Беты, — и поступать так, как это делала Бета.

— Дать себя захватить Реке? — спросил Ион.

— Да, — кивнул Назим. — Дать себя захватить, а потом, дойдя по инерции до Альфы и Беты, полным огнем выжечь проход. Если все правильно согласовать, то ваш огонь встретится с огнем Разведчика и проход будет пробит. А тогда, если даже у Альфы и Беты отказали двигатели, Разведчик сам вытянет их из Реки искусственным полем тяготения.

— И это все? — спросил Алик.

— Да.

Алик горько улыбнулся.

— Действительно... совсем пустяки, — сказал он.

— Алик, — одернула Алька. Потом обернулась к Назиму. — И все это за нас будут делать автоматы?

— Да, — сказал Назим, — если только...

— Что — «если только»?

— Если только, — вместо Назима ответил Ион, — если только не окажется, что Река не нарушит их работу до такой степени, что потребуются самому собственноручно и управлять и стрелять. Так? — спросил он, глядя на тех, с Главной Базы.

— Да, — ответили все трое.

— Значит, у нас не больше чем один шанс на миллион, — сказал Алик.

— Нет, — возразил Назим.

Ион взглянул на Альку и Алика. Они слабо улыбнулись ему, он — им. Они прекрасно понимали друг друга. «Мы не отступим ни перед чем, — говорил их взгляд, — но ведь теперь ясно: мы не переживем этого дня. А они, родители,

и все остальные?» Именно эта мысль была самой горькой. Как ее победить?

— Нет! — сказал Назим так порывисто и горячо, словно услышал их мысль. — Вы ошибаетесь.

— Почему? — глухо спросил Алик.

Он еще боялся, что взрослые просто успокаивают их «спасительной ложью».

И в то же время в нем зарождалась беспокойная, перехватывающая голос надежда.

— Во-первых, — сказал Назим, — мы просмотрели ваши данные по пилотированию и космопилотажу. У Альки и Иона прекрасные оценки, с указанием на особые способности. А Алик, который более слаб, не будет летать. Он останется один на Разведчике — и будет только стрелять. В общем... у вас есть шансы.

Алька подняла голову.

— Понимаю. А если будут помехи и откажет автоматическое управление, сколько у нас шансов?

Назим взглянул на Майка. Майк развел руками с таким выражением на лице, словно сказал: «Что делать, говори правду».

— Во всяком случае, — сказал Назим, — во всяком случае, не меньше чем восемнадцать.

— Восемнадцать на сто? — спросил Робик.

— Тихо, Робик, — буркнул Ион.

— Спасибо, Назим, — сказала Алька. — Я вижу, дело наконец начинает принимать вполне разумный вид.

Назим кивнул.

— В случае помех будете работать в соответствии с точным расписанием. Согласуйте действия с точностью до секунды... и жмите!

— И что? — спросил Алик.

Назим усмехнулся с неожиданным смущением.

— И жмите! Это значит, за работу.

— Ага.

— Все прекрасно, — вставил Ион. — Но мы не умеем стрелять.

Назим неожиданно развеселился. Потер руки быстрым движением, словно они у него замерзли.

— У нас есть еще два часа в запасе, — сказал он. — Немедленно начнем ученье.

— Что?! — крикнул Алик.

— А чему ты, собственно, так удивляешься? — в свою очередь, удивилась Алька.

— Он не любит учиться во время каникул, — буркнул Ион.

Назим рассмеялся.

— Дорогие мои, — сказал он. — Это очень просто. Каждый из вас увидит специальный, сделанный для учебных целей, видеофильм. Разведчик даст вам три модели прицельных приспособлений.

— Есть, — сказал голос Рапера.

— Вы будете смотреть фильм и одновременно стрелять в макеты метеоритов. Внимание, Разведчик.

— Слушаю, — сказал Рапер.

— Прошу доставить своим командирам три фильмошлема и три прицельных модели.

— Командиры подтверждают приказ? — спросил голос.

Ответом были три торопливых «да».

Через минуту лента транспортера внесла в Центральный Зал три легких шлема для про-

смотра фильмов и три небольших механизма — модели прицельных приборов.

— Отлично, — сказал Назим. — Благодарю, Рапер.

— Есть! — ответил голос.

— Шлемы и модели уже подогнали друг к другу? — спросил Назим.

— Так точно! — сказал послушный голос.

— Благодарю! — сказал Назим. — Итак, внимание!

Близнецы и Ион надели шлемы, потом поставили перед собой аппараты прицельных моделей.

— Все это очень просто, — говорил Назим. — Алька и Ион сейчас увидят себя в боевых космолетах и будут атаковать метеоритную лавину. Алик будет руководить огнем батареи на механопланете. Возьмите в руки штурвалы прицелов.

Штурвалы были самыми обычными поперечными рычагами, которые можно было поворачивать в любом направлении.

— Ноги поставьте на педали аппаратов, — говорил Назим. — Вот так.

Ион осмотрелся вокруг, Алька и Алик сидели в белых фильмошлемах, которые опускались глубоко на глаза и уши. Вид у них был довольно смешной.

Робик молча, но без восторга взирал на все происходящее.

Ион взял в руки рычаги штурвала, а ноги поставил на педали.

— Итак, вам будет казаться, — повторил Назим, — что вы сидите в кабинах космических стрелков. Штурвальные рычаги служат для управления огнем. Когда на экране появится

светящийся круг, это будет означать огневую готовность. Тогда, перемещая штурвал, нужно навести кружок на цель. Когда он наплывет на цель, надо нажать ножную педаль. Одно нажатие правой педали — одиночный выстрел, нажатие двух педалей — очередь. Ясно?

— Ясно, — ответили они.

— Итак... — воскликнул Назим. — Включаю изображение! Внимание!

— Внимание! — повторил Ион.

— Внимание! — сказала Алька.

Алик только пошевелил губами.

Ион неожиданно оказался один в штурманской кабине мчащегося вперед боевого космолета. На полной боевой скорости космолет неся за лавиной метеоритов, угрожавших одному из основных коммуникационных путей.

Ион получил приказ: уничтожить поток.

Аппараты обнаружения уже выхватили и спроецировали на экран изображение потока. Однако Ион находился еще слишком далеко, чтобы стрелять. Нужно было ждать, пока на экране появится светлый кружок огневой готовности.

Ион напряженно ждал.

Вообще-то говоря, он прекрасно понимал, что это только видеофильм, который показывают инструкторы с Базы на Тритоне, и что все это чистой воды иллюзия. Помнил он и о том, что рядом с ним Алик и Алька переживают такие же видеоприключения. И все же он волновался.

Как целиться? Как стрелять? Ведь сейчас самым важным было уничтожить грозную лавину.

Он хорошо помнил инструкцию: «Когда на прицельном экране появится световой кружок огневой готовности, нужно навести его на цель. Потом нажать ножную педаль. Правая педаль — одиночный выстрел, обе — очередь».

И все. Немного.

Ион сделал несколько глубоких и спокойных вдохов.

Хотелось начать атаку так, чтобы мысли были быстры, а мускулы свободны и дыхание спокойно.

Внимание!

На экране появились растущие на глазах светлые точки. И тут же в самом низу экрана выскочил светящийся кружок. Значит, расстояние уже подходящее для первого выстрела, а автоматы космолета находятся в огневой готовности.

Ион попробовал маневрировать рычагами руля. Чересчур резко. Светящийся кружок покатился по всему экрану, не задерживаясь ни на одной из точек цели.

Значит, нужно осторожней? Отлично.

Он не замечал даже, что закусил губы почти до крови. Чертов кружок все время норовил уйти из-под контроля. Ион то дергал его по экрану слишком сильно, то чересчур слабо, время мчалось огромными скачками, а Иону никак не удавалось накрыть хотя бы одну точку.

Лучи аппарата обнаружения давали теперь совсем отчетливое изображение лавины: большие глыбы серых скалистых обломков, выброшенных в пропасть неизвестной космической катастрофой.

— Ну, ну, еще... Вот так, — шептал Ион.

Наконец он поймал одну из них в световой кружок прицела. Нажал педаль.

— Есть!

Глыба исчезла с экрана, словно ее никогда там не было. А Ион все увереннее овладевал движением кружка, навел его на вторую, третью, десятую... пятнадцатую точку...

Внезапно он заметил большое скопление метеоритов. Заботливо и осторожно накрыл их световым кружком.

«Теперь — очередь», — подумал он.

Космолет слегка вздрогнул. В лавине появились большие прогалы. Ион беззвучно и победно засмеялся.

— Очень хорошо, — произнес кто-то совсем рядом.

Но Ион был слишком занят наведением прицела на цель, чтобы обращать внимание на какие-то посторонние, несущественные в этот момент голоса.

Впрочем, точно так же вела себя Алька, которая смотрела тот же видеофильм, что и Ион, но имела на пять попаданий больше, хотя и начала стрелять на две секунды позже.

Сидящий же рядом с ними Алик находился в совершенно ином положении.

Он не был пилотом стремительного космолета, а оставался на механопланете — в прицельной кабине артиллерийской противометеоритной батареи.

Он сидел и ждал.

Обнаруживающие лучи уже спроецировали на экран приближающийся поток огромных метеоритов. У Алика было еще несколько секунд времени. Впрочем, он знал, что незачем бить все камни один за другим. Достаточно уда-

рить сбоку длинной очередью. Таким образом можно разбить поток — превратить его в космический прах и пыль.

Алик сжал губы, словно хотел просвистеть какую-то мелодию. Но он не успел засвистеть.

На экране появился светящийся кружок прицельника.

Алик, понимая, что надо вести кружок по экрану так осторожно, как мыльный пузырь по воздуху, очень медленно, но очень уверенно навел его на край вырисовывающегося на экране каменного потока.

Потом с задумчивой и торжествующей улыбкой нажал обе педали.

В пространство ринулся поток огня.

— Прекрасно! — сказал какой-то голос, и неожиданно все кончилось.

Алик вовсе не командовал батареей, Ион и Алька вовсе не мчались в боевых космолетах в погоне за лавинами, угрожавшими коммуникационным путям.

Снова все трое сидели в Центральном Зале Разведчика.

— Очень хорошо, — повторил улыбающийся Назим. — Прекрасно!

Близнецы и Ион сняли с голов фильмошлемы.

— Правда хорошо? — неуверенно спросила Алька.

Назим кивнул.

— Действительно прекрасно, — ответил он. — Ты получила высшую оценку. Ион и Алик оказались немного слабее, но, принимая во внимание, что это была ваша первая попытка, я должен все результаты оценить на «очень хорошо».

Они с надеждой взглянули друг на друга.

— Ваши шансы растут, — сказал Майк.

Потом подошел к самому экрану.

— Теперь мы расстанемся, — сказал он, понижая голос. — У вас осталось уже очень мало времени. Вы должны разойтись по местам. Ион и Алька идут в Стартовую башню к боевому космолету, Ион займет место пилота. Алька будет бортовым стрелком. У Разведчика записан точный план времени ваших действий. За десять минут перед стартом он вам его сообщит.

— Есть, — отозвался Разведчик.

— Алик, — продолжал Назим, — займет место в артиллерийской кабине. Начать операцию через восемь минут пятнадцать и две десятых секунды после старта космолета. Дополнительные приказы и изменения в ходе операции в случае каких-либо неожиданностей Разведчик уже имеет. Их приготовил наш супер.

— Это приказ командиров? — спросил Разведчик.

— Да, — сказал Ион, а за ним Алька и Алик Рой, как два быстрых эха.

— Пока все, — сказал Назим.

Наступила минута тишины по-настоящему глубокой и по-настоящему грозной. Взрослые с Базы смотрели в лица детям, стоящим в Центральном Зале Разведчика. Они смотрели друг на друга так, словно между ними были только прозрачные стенки экрана.

В действительности же между ними лежало огромное расстояние, отделявшее Главную Базу на Тритоне от секторов Десятой и Одиннадцатой Тысяч, по которым мчался Разведчик в погоне за Черной Рекой.

Антонов, Долорес и Назим медленно подняли руки вверх.

— Счастья, — горячо сказал Майк. — Желаем вам счастья. До свидания, друзья.

Майк Антонов назвал их друзьями. Ему ответили три серьезных кивка.

Первый командир Разведчика, Ион Согго, ответил от имени остальных:

— До свидания.

Экран Центрального Зала погас.

— Итак, — сказал Ион, — мы опять одни.

Алик потер руки таким жестом, как недавно Назим.

— Зато теперь у нас есть кое-какая работенка. — Тут он поморщился. — Ион, оставь мне Робика: с тобой будет Алька.

Ион повернулся к Робику.

— Ну как? Согласен, Робик?

Робик беспокойно оглянулся вокруг, словно разбегающиеся мысли распирали его... Потом его лицо снова выразило обычную, почтительную улыбку.

— Согласен, — сказал он. — Так точно, командиры. Конечно, согласен. Пора приступить к работе.

Ион кивнул.

— Алька и я мчимся прямо в Стартовую башню. Вы оба отправляетесь на батарею.

Потом Ион еще раз повернулся к потолку.

— Приказ Разведчику, — сказал он. — Поддерживай постоянную звуковую связь между нами.

— Принято, — сказал голос.

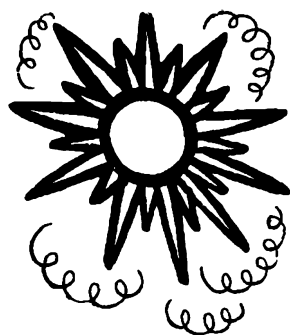
Ион с Алькой встали на квадрат скоростного

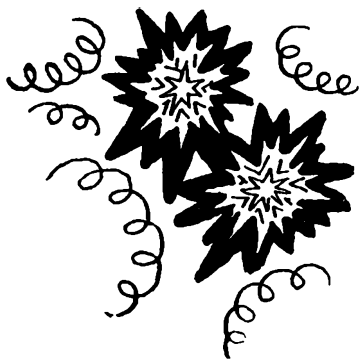
подъемника. Ион, прежде чем отдать приказ: «Стартовая башня», помахал рукой Алику и Робику, которые отправились транспортером.

— Ну, салют! — улыбнулся он. — Осторожно. Чтобы не случилось какого-нибудь несчастья.

— Ты забываешь, — тихо сказал Робик, — что, пока я с вами, вы в безопасности.

И они расстались.

ДО НАЧАЛА ОПЕРАЦИИ ПРОТИВ ЧЕРНОЙ Реки оставалась ровно шестьдесят одна минута.

— Шестьдесят одна, — возвестил голос Разведчика в то самое мгновение, когда скоростной подъемник вынес Альку и Иона в Главный Зал Стартовой башни.

— Смотри, — сказал Ион, показывая на экран.

В глубине экрана появилась еще маленькая и расплывчатая, но уже отчетливо заметная полоса Черной Реки.

Мгновение они смотрели на эту туманную полосу. Потом в глубине Зала открылся проход: путь к боевому космолету. Не говоря ни слова, они кинулись в указанную Разведчиком сторону.

Маленький коридор кончался крытым мостиком. Овальный выход мостика был сочленен с открытым люком боевого космолета. Винтовой коридорчик вел прямо в кабину пилота и и стрелка.

Как правило, боевыми космолетами управляют автопилоты, а уничтожение метеоритов ведут автоматические стрелки. Но бывают минуты, когда за штурвал машины берется человек, и тогда приборы управления огнем могут подчиняться лишь его сознательной воле.

Алька и Ион молча остановились около двух прямоугольных пультов. Перед каждым — свой экран, свое рулевое управление.

Слева — место пилота. Справа — стрелка. Эта кабина отличалась от обычной рубки управления исследовательских или пассажирских космолетов только формой, точнее, «покроем» кресел.

Боевые космолеты, как известно, должны быть готовы к любой неожиданности, к невероятным ускорениям, рывкам, резким изменениям курса, предельным скачкам температуры.

Одна очередь излучателя космолета по огневой мощности равнялась сотням мегатонн.

Потому-то стоящие здесь кресла пилота и стрелка лишь очень отдаленно напоминали простенькие привычные сиденья обычных космолетов. Здесь это были скорее огромные защитные скафандры, в которых человек исчезал полностью и в которых в случае катастрофы, взрыва или разрушения космолета он может долгое время находиться в космическом пространстве.

— Внимание, — раздался голос Разведчика. — Займите места. Скафандры сами приспособятся к размеру пилота и стрелка.

— Благодарю, — пробормотал Ион и повернулся к Альке. — Сядем для пробы. Каждый на свое место.

Алька молча кивнула.

— Пятьдесят семь, — произнес голос, который обязан был отсчитывать время.

Алька села первой. Кресло, до сих пор напоминавшее губчатый, увядший бутон какого-то огромного цветка, в ту же минуту замкнулось вокруг нее. Исчезла маленькая изящная девочка. Перед экраном стрелка теперь возвышалось огромное слоноподобное чудовище.

Чудовище тихонько пискнуло Алькиным голосом.

— Забавное ощущение. . .

Ион занял свое место напротив пульта пилота. Скафандр поднялся, охватил его со всех сторон. И тут обнаружилось, что изнутри он прозрачен как воздух и не тяжелее обычной рубашки.

— Правда, — сказал Ион. — Забавно.

— Не говори так громко, — попросила Алька вполголоса. — Ты же кричишь мне прямо в ухо.

Действительно, ее голос Ион слышал совсем рядом.

— Извини, — сказал он, немного смутившись, — я первый раз в двухместном боевом космолете. Да и в одноместном я тоже был всего один раз. И то только в видеофильме. И то всего час назад.

— Представь себе, я так и думала, — ответила Алька. — Слушай, а что теперь делать?

— Попробуй, как у тебя получится управление прицелом.

Ион положил руки, охваченные защитным веществом скафандра, на штурвал. И лишь тут его на мгновение охватило непередаваемое ощущение — словно скафандр обладал собственной нервной системой, которая включилась

в нервную систему Иона. Хотя перчатки были сантиметров десять толщиной, Ион ощутил рукоятки штурвала так же отчетливо, как будто положил на них собственные ладони.

— Здорово все-таки, — пробормотал он.

— Я тоже впервые ощущаю такое, — ответила Алька.

— Как у тебя с прицелом, свободно управляешь? — спросил Ион.

— Совершенно свободно...

— Тогда... — Он задумался. — Тогда давай спустимся к экрану в Стартовой башне.

— А как ты снимешь скафандр?

Ион растерялся: что делать? Но, не подавая вида, он совершенно уверенно произнес:

— Разведчик, выключить скафандр.

Тишина.

«Что это значит?» — мелькнуло у него.

— Разведчик, — повторил он, — выключить...

— ...кресла, — подсказала Алька.

Да, именно «кресло» оказалось нужным словом. Скафандры легко раскрылись. Они встали и взглянули друг на друга: у каждого в глазах еще осталось совершенно очевидное выражение испуга.

— Да, глупое было положение! — признался Ион.

Алька ни с того, ни с сего состроила ехидную и необыкновенно симпатичную гримасу.

— И что бы ты без меня делал? — сказала она. — Эх вы, поэты-музыканты! Сколько столетий прошло, а мужчины всё больше становятся похожи на девчонок. Ужасно!

Ион кивнул.

— Ты права, это ужасно.

— Что — ужасно? — спросила она немного подозрительно.

— Что ты несешь такую чушь, — объяснил он, отвесив ей изысканный поклон.

Алька посмотрела на него прищурившись.

— Заявляю тебе, что, если вся эта история кончится благополучно, я немедленно перестая с тобой разговаривать. Неужели там у вас, на Сатурне, абсолютно не учат вежливости?

— Пятьдесят минут, — возвестил голос Разведчика.

Ион слегка улыбнулся, глядя в голубые и разгневанные Алькины глаза.

— Едем вниз.

Она гордо кивнула и прошла вперед.

Из космолета они вышли на мостик, соединяющий корабль со Стартовой башней. Потом углубились в коридорчик, ведущий в Главный Зал. Перед ними снова открылась дверь.

Алька шагнула в Зал и тут началось такое, что бывает только в каком-нибудь страшном сне.

Раздался голос Разведчика. В нем слышалась растерянность. И даже страх.

— Внимание! — кричал голос. — Внимание!

И это второе «внимание!» вдруг перешло в беспомощное бормотание. Дверь, куда шагнула Алька, внезапно начала закрываться, хотя Ион как раз собирался в нее войти. Он едва успел отдернуть ногу. Но дверь не захлопнулась окончательно, а неожиданно остановилась. В ней остался просвет шириной в ладонь, и в этом просвете мелькнуло побледневшее Алькино лицо.

— Разведчик! Приказываю! — закричал Ион, пытаясь сдвинуть застывшую половину двери.

Но никто не ответил «принято». Бессвязный и сумасшедший голос еще раз попытался выговорить: «Внима-а-а...» — и наступила тишина.

— Ион, что это значит? — испуганно крикнула Алька. — Ион!

— Не знаю, — еле слышно ответил он. — Это ужасно...

И тут же ему вспомнилось, что ведь на Разведчике есть Робику, которому положено справляться с самыми большими, самыми невероятными трудностями и опасностями.

— Разведчик, приказ! — крикнула в этот момент из-за двери Алька.

Опять ничего. Вокруг тишина и неподвижность. К счастью, в Главном Зале по-прежнему чернеет изображение космического пространства на большом экране, а из открытого окна льется свет искусственного солнца. Это означает, что Разведчик продолжает выполнять свои основные функции. И все же произошло что-то очень серьезное. Именно сейчас, когда помощь Разведчика, его инструкции и указания приобретали особое значение, Разведчик вдруг замолчал.

— Алька, — торопливо сказал Ион, — беги к Робику. Попробуй... Может, тебе удастся пробраться в артиллерийскую батарею лифтом. Если нет, придется бежать вокруг Стартовой башни. Ход в батарею — около лабораторий. Под красным куполом. Беги к Робику. Теперь только он может нам помочь.

— Жди, — сказала она. — Держись, Ион. Мы сейчас вернемся.

Она перепрыгнула на голубой квадрат скоростного лифта. Лифт даже не дрогнул.

Алька нетерпеливо махнула рукой и выбе-

жала через широко распахнутую дверь Стартовой башни.

Тишина.

— Разведчик! — крикнул Ион. — Разведчик, приказываю!

На этот раз в ответ слышится захлебывающееся: «Внимааа... внимааа...» — и дверь начинает чуть отходить под нажимом руки. Но тут же все снова замирает.

И все-таки Ион облегченно вздохнул. Щель в проходе расширилась настолько, что сквозь нее, пожалуй, удалось бы теперь протиснуться.

Однако он не спешил: что, если в тот миг, когда он будет протискиваться, дверь снова закроется?

Рисковать нельзя. Алька доберется до Робика за три-четыре минуты. А уж Робик-то наверняка поможет. На всю Вселенную не сыщешь лучших друзей человека, чем сатурнийские роботы-хранители.

Нужно по-прежнему сохранять спокойствие.

Сквозь щель приоткрытой двери Ион бросил взгляд на экран.

Туманная полоса Черной Реки еще немного разрослась. Разведчик явно приближался к ней. До начала спасательной операции оставалось около пятидесяти минут. Точно! Ведь как раз когда они говорили с Алькой, Разведчик сказал: «Пятьдесят минут». Значит, еще много-много времени.

— Разведчик? — спросил он на всякий случай.

Тишина.

И вдруг Ион вздрогнул — что это?

Ничего особенного не произошло. Ни зву-

ка, ни голоса. Но что-то такое, словно во входной двери мелькнула чья-то тень.

— Эй! Кто там? — крикнул Ион.

По-прежнему тишина.

Ион прикрыл глаза.

Может быть, эта мимолетная тень на пороге Стартовой башни ему только привиделась? Но память явственно запечатлела какую-то темную, неясную фигуру, мелькнувшую на фоне светлого прямоугольника входной двери.

Ион задрожал. На этот раз где-то совсем рядом со входом он услышал еле уловимый шелест.

— Кто там? — крикнул он.

Никто не ответил.

«Это невозможно, — лихорадочно думал Ион. — Это невозможно, это неправда». Он еще не хотел поверить или заподозрить то, что еще не проверено. И все-таки. . .

Ведь не сегодня, не вчера появились таинственные рассказы о том, как будет выглядеть долгожданная встреча в космосе человека с существами «иного вида». . . Неужели именно здесь, на Разведчике, на границе Десятой и Одиннадцатой Тысяч, вдали от человеческих поселений, появились какие-то опасные и неизвестные «чужие»?

А ведь впрямь все выглядело, по меньшей мере, подозрительно: эти странные нарушения связи в Черной Реке, захват обоих космолетов, а теперь. . . Что это за тень мелькнула во входной двери?

— Постой! — сказал громко сам себе Ион. — Не будь ребенком. Кончай рассказывать сказки. Есть дела посерьезнее.

Потом он медленно снял куртку и рубаху. Те-

перь его не волновало, что дверь, в которую он решил проскользнуть, может зажать его в клещи и разможжить. Он примерился к щели боком. К счастью, он немного вспотел, кожа стала скользкой.

Оказывается, достаточно было рвануться по-сильнее разок-другой. Правда, он почувствовал, что ободрал кожу на лопатках, но наконец-то он оказался в Главном Зале. Тут Ион спокойно надел рубашку и осторожно вышел из Стартовой башни прямо на яркий свет искусственных солнц Разведчика.

Внимательно осмотрелся: никого.

— Ну, и что дальше? — проговорил он вслух и решил еще раз взглянуть на экран: как далеко Черная Река? Для этого нужно было вернуться в Стартовую башню.

Он вернулся. И тут же, не успев еще взглянуть на экран, яростно закричал.

Дверь за ним бесшумно закрылась.

— Внимание! — раздался панический голос Разведчика. — Предостерегаю! Внима... ма... ма...

— Разведчик! — крикнул Ион, колотя кулаками по входной двери. — Разведчик! Кого остерегаться?

Но голос снова умолк.

Умолк и Ион. Какое идиотство бить кулаками по двери Стартовой башни.

— Ты ведешь себя как молокосос, Ион, — зло сказал он себе.

* * *

«Тебе придется обежать вокруг башни. Ход в батарею находится сразу же около лаборатории. Под красным куполом».

Алька стремглав выбежала из башни. И тотчас замедлила шаг.

— Будем спешить медленно, — пробормотала она.

Правильно. Было бы совершенно неразумно мчаться вслепую. Ведь она же совсем не знает Разведчика. Только и всего знакомства, что экскурсия перед завтраком. Вот велели бы ей, например, найти сейчас ботанический сад. . .

Алька даже остановилась — такое ее охватило тревожное чувство беспомощности и потери. Как легко было добраться куда угодно и найти что угодно, когда голос услужливо подсказывал дорогу, а лифты, эскалаторы и дорожки несли туда, куда приказано, но сейчас голос молчал. Лифт в Стартовой башне замер. Как же добраться туда, где еще ни разу не была, чего не видела?

— Ах! — вдруг вырвалось у Альки.

В нескольких шагах от нее вдруг дернулась оранжевая полоса движущейся дорожки. Алька шагнула к ней и. . . остановилась почти испуганно.

— Куда? — прошептала она. — Куда, глупое ты создание? Ты ведь не знаешь, куда ведет эта дорожка.

«Тебе придется обежать башню», — сказал Ион. Так обегу же ее», — решительно и спокойно подумала Алька.

И двинулась налево решительно и спокойно, словно назло дорожке, в сторону, противоположную ее движению. Пересекла пружинящий, плотный, как ковер, газон. Прошла мимо группы деревьев, листья которых еще сверкали каплями недавнего дождя.

Потом опять остановилась. Кажется, вдалеке

кто-то крикнул. Похоже, Ион. Она прислушалась, но крик больше не повторился. Она пошла дальше.

Пройдя всего несколько шагов, вдруг бросилась бежать, забыв все свои решения; в глубине открывающейся аллеи она увидела невысокие кусты, а за ними знакомые цветные купола лабораторий.

Она летела, словно на соревнованиях. И тут раздался странный, потрясенный и захлебывающийся голос Разведчика (тот самый, что в Стартовой башне слышал Ион).

— Внимание! — кричал голос. — Предостерегаю! Внима... маа...

И вновь все потонуло в бессвязном бормотанье.

Алька остановилась лишь на мгновение.

— Кого остерегаться? — крикнула она что есть духу и, не получив ответа, снова бросилась со всех ног в сторону лабораторий.

И вдруг — как это было здорово! — среди белых лабораторных куполов увидеть этот маленький, но такой нужный красный купол артбатарей!

Она мчалась к нему так, будто за ней гналось самое страшное из всех чудищ космоса, в которых, впрочем, вот уже сотни лет никто всерьез не верил. Она твердо знала одно: о чем или о ком бы ни предупреждал Разведчик, нужно как можно быстрее найти Алика и Робику, и прежде всего Робику — уж он-то наверняка в сто раз быстрее и лучше сумеет найти выход из создавшегося положения. Недаром же он сам сказал: «Пока я с вами, вы в безопасности».

Алька добежала до невысокого плоского,

как шляпа, красного гриба. С разгона обегала его.

— Алик! — крикнула она. — Алик! Робик!

Ей ответило молчание. Это было бы еще терпимо, но страшно оказалось другое: купол наглухо закрыт и совершенно непонятно, как в него проникнуть.

— Разведчик, — шепнула Алька, — что случилось?

Она собрала все свои силы, чтобы попросту по-детски не разреветься. И это ей удалось.

«И что теперь?» — спросила она себя.

Нужно подумать: что теперь и что дальше? Алька прикрыла глаза в поисках хорошего решения, хорошего и точного решения. Потом обошла вокруг башни, внимательно разглядывая стыки плит. Наконец она нашла то место, где тончайшая, тоньше волоса, щель говорила, что вход в купол именно здесь.

Она оглянулась. Ничего твердого и тяжелого поблизости не было. Обочина дорожки — монолитная и гладкая, хоть и выглядит так, будто сделана из обыкновенных отдельных камней. Где же она видела настоящие камни? А, в ручье за садом! Нет, это далеко. Чем же отстучать сигнал закрытым в башне Алику и Робику? Обломить ветку ближайшего дерева? Нет, это варварство, и к тому же совершенно бессмысленное. Ветка здесь так же беспомощна, как ее собственная слабая рука.

Что же делать? Алька раз, и второй, и третий ударила в наглухо закрытый купол, понимая полнейшую бессмысленность этого.

И тут у нее от удивления открылся рот и округлились глаза: сразу же после третьего удара вход в купол распахнулся, словно по приказу.

— Спасибо, — вырвалось у Альки. — Иду. Но вместо того чтобы войти, она отступила на полшага и крикнула изо всех сил:

— Алик! Робик! Робик!

Половинка входной двери слегка вздрогнула, как будто не могла решиться, то ли оставаться открытой, то ли закрыться снова.

— Не войду, — сказала Алька. — Никто меня не приглашает.

И снова крикнула как можно громче:

— Алик! Робик!

Никто не ответил. Внутри купола тихо и темно. Алька почувствовала приступ прямо-таки детского страха.

— Ох, Ион, — шепнула она.

Но прошла секунда, и Алька опять стала Алькой — логичный ум, сама сдержанность, стальные нервы будущего пилота-сверхскоростника.

Поэтому она сделала вид, будто это кто-то совсем посторонний шепнул: «Ох, Ион», отступила еще на шаг от входа и очень внимательно осмотрелась кругом.

— Кого остерегаться, Разведчик? — спросила она.

Тишина. Темный провал за дверью молчал. Это походило на невысказанную угрозу, на безмолвное предостережение.

— Чего остерегаться? — изменила свой вопрос Алька.

Но ответа не было и на этот раз. И, уже не задумываясь, Алька кинулась обратно, в сторону Стартовой башни.

Она бежала, сознательно избегая тех мест, где могли бы действовать какие-либо автоматы или механизмы Разведчика. Вот почему она пе-

репрыгнула полосу движущейся дорожки, постаралась не ступить на расположенную неподалеку площадку скоростного лифта и перескочила узкий, немного дальше разливающийся в пруд ручеек, вместо того чтобы пробежать над ним по небольшому шаткому мостику.

Оказавшись наконец вновь у башни, Алька остановилась и оглянулась. И вдруг, без всякой видимой причины, сохраняя совершенно каменное выражение лица, она крикнула, как будто смертельно испугавшись:

— На помощь!— И еще раз:— На помощь!— И снова: — На помощь!

Ответа она не ждала и тут же побежала дальше вокруг башни, чтобы вернуться к главному входу. Теперь она бежала изо всех сил, потому что здесь, возле башни, откуда им предстояло примерно через полчаса стартовать, ее снова охватила тревога.

«Примерно через полчаса, — подумала она на бегу. — Что значит «примерно», когда здесь нужно действовать с точностью до десятой, до сотой доли секунды».

Она вбежала на широкую аллею, ведущую ко входу Стартовой башни, и остановилась как вкопанная: башня закрыта.

И вот тут-то Альке действительно захотелось крикнуть: «На помощь!» Но теперь она не кричала. Теперь это было совершенно бессмысленно.

Теперь вообще все было бессмысленно. Впервые она подумала именно так: «Это все бессмысленно. Совершенно бессмысленно». Впервые она ощутила такую полнейшую беспомощность в этом мире, который люди создали для людей. Великолепнейший спутник, изуми-

тельно сконструированная механопланета — самый знаменитый и самый «смелый» Разведчик, — вдруг превратился в ловушку. В ловушку для трех беспомощных, отрезанных друг от друга, брошенных на произвол судьбы мышат.

«Стой! — одернула себя Алька. — Еще успеешь паниковать. Подумай лучше: что все это означает?»

Она потерла ладонью лоб и задумчиво пробормотала:

— Да ты истеричка, милая.

Ведь если вдуматься, Разведчик действует нормально: свет и тепло искусственных солнц не уменьшились, воздух по-прежнему чист, хрустально-прозрачен, круговорот веществ идет обычным, положенным порядком. Так что, случись все происшедшее в обычный день и в обычных обстоятельствах, это можно было бы считать «номером сверх программы». Разумеется, с человеческой точки зрения, это был бы технический скандал на всю галактику. Но то — человеческая точка зрения! К тому же и день-то был необычный. И потому события на Разведчике из скандала превратились в несчастье.

Быть может, Разведчик, страшась за себя, перестал повиноваться людям? Было время, когда бунт машин служил темой бесчисленных острот и мрачных пророчеств: «Придет день, когда они взбунтуются», — говорили и шутники и неумные болтуны.

«А разве это так уж невозможно? — подумала Алька. — Если в радарной системе Альфы могли обнаружиться «производственные неполадки», почему бы и на Разведчике не случиться какой-нибудь ошибке. Какому-нибудь замыка-

нию... И вот Рапер взбунтовался против людей?»

— Это невозможно,—вслух произнесла она.

«А действительно ли? — подумала она при этом. — Действительно ли невозможно?»

Но в эту минуту, словно по заказу, заговорил голос Разведчика:

— Внимание, командиры! Внимание, командиры! Необходимо немедленно... — наступила пауза.

— Что необходимо?! — закричала Алька.

Разведчик добавил: «Немедленно... не... но... мед... но» — и замолчал.

И все же лицо Альки вдруг вспыхнуло, словно третье искусственное солнце Разведчика, потому что в ту самую минуту, когда Разведчик безуспешно пытался закончить свое предостережение, ему удалось сделать хоть одну полезную вещь — открыть дверь Стартовой башни.

Оттуда, прямо к Альке, выбежал Ион.

— Ох, Ион, — шепнула Алька.

— Наконец-то! — воскликнул он. — Ты их видела?

— Нет.

— Так я и думал.

— А теперь что? Что делать?

Он схватил ее за руку.

— Я еще не уверен. Еще... нет. Но действовать необходимо немедленно. У нас осталось очень мало времени. Видишь?

В открытую дверь был виден экран. Правую половину его огромного зеркала занимала разрастающаяся с каждой секундой тень Черной Реки.

— Приказывай, командир, — сказала Алька. Ион улыбнулся.

— У нас всего две возможности, — быстро объяснил он. — Либо попытаться вернуться в космолет, либо попробовать проникнуть в Центральный Зал и там искать разгадку. Что ты советуешь?

— Центральный Зал.

— Почему?

Алька не задумалась ни на мгновение.

— Это очевидно, — выпалила она на «сверхзвуковой» скорости. — Если мы даже сумеем вернуться в космолет и стартуем вовремя, все равно нет уверенности, что Разведчик будет вести себя по программе, что он не потеряет нас в пространстве, не выйдет из опасной зоны и так далее.

Ион кивнул.

— Нужно пробраться в Центральный Зал, — продолжала Алька, — только оттуда. . .

— Только оттуда можно соединиться с Базой, — перебил Ион.

— И может быть, самым ликвидировать аварию.

— Бежим, — решил Ион.

Они побежали плечом к плечу. Внезапно он схватил ее за руку, остановил.

— Смотри, — показал он на движущуюся дорожку, ту самую, которую Алька недавно перепрыгнула.

— Что?

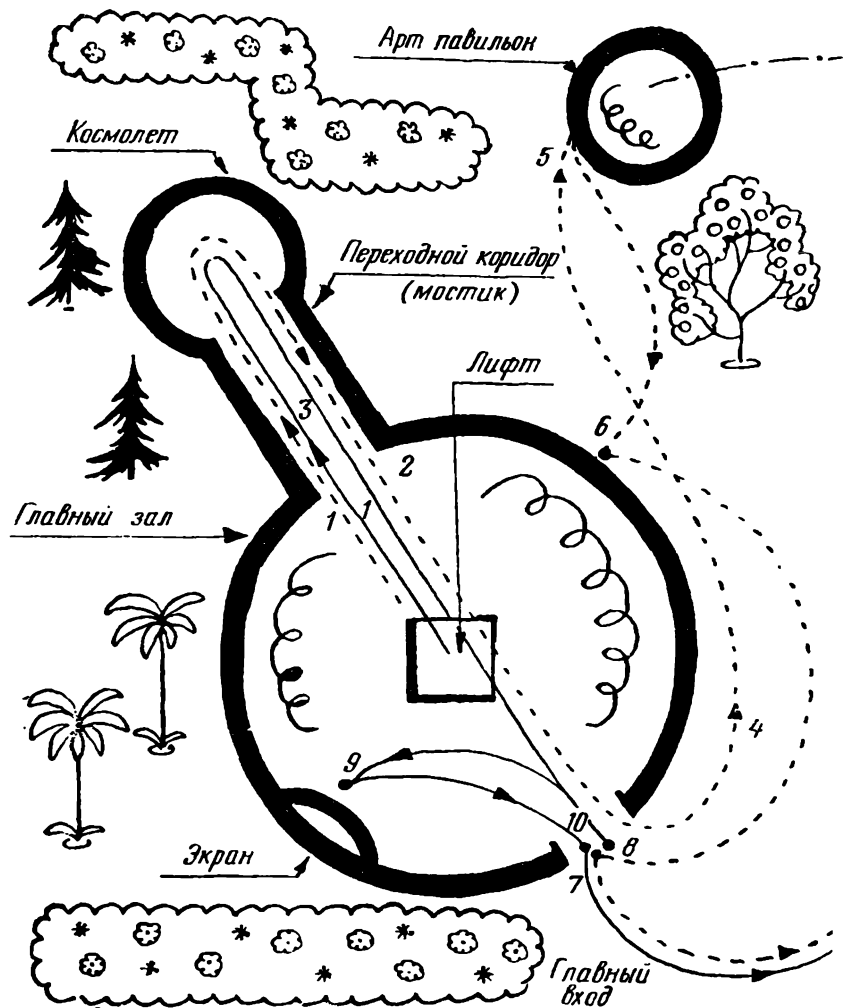
— Она идет не в ту сторону.

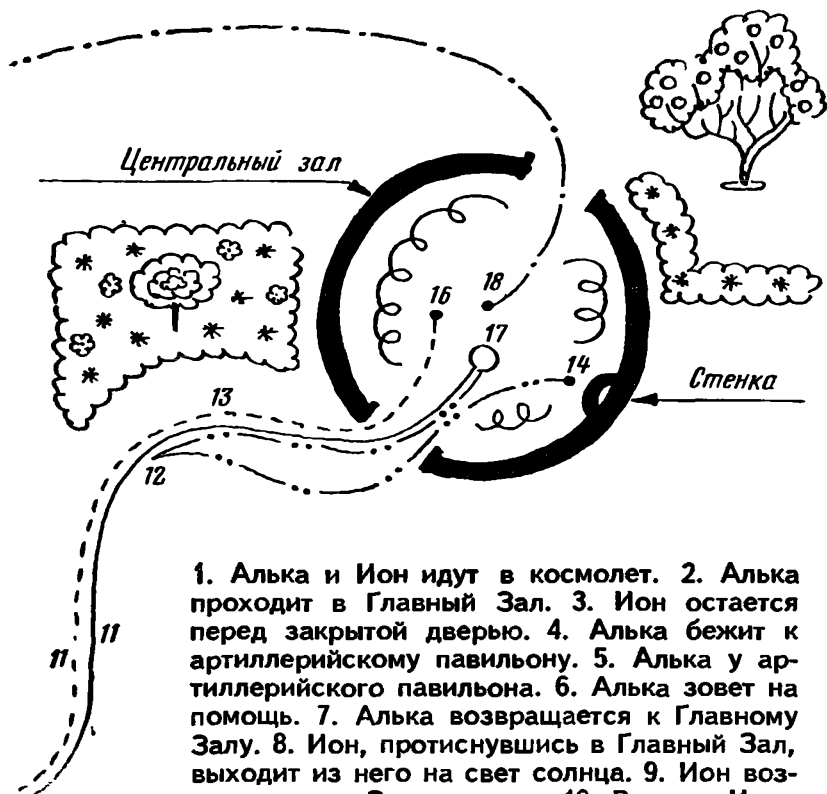
Алька молча кивнула.

— Теперь сюда. — Он повернул от лабораторий в сторону.

Они не останавливаясь бежали по прямой аллейке, ее поверхность пружинила, словно беговая дорожка.

1. Алька и Ион идут в космолет. 2. Алька проходит в Главный Зал. 3. Ион остается перед закрытой дверью. 4. Алька бежит к артиллерийскому павильону. 5. Алька у артиллерийского павильона. 6. Алька зовет на помощь. 7. Алька возвращается к Главному Залу. 8. Ион, протиснувшись в Главный Зал, выходит из него на свет солнца. 9. Ион возвращается в Зал к экрану. 10. Встреча Иона и Альки у дверей Главного Зала. 11. Ион и Алька бегут к Центральному Залу. 12. Ион вставляет руку под ленту транспортера. 13. Алька бежит дальше. 14. Робик разбирает стенку. 15. Робик бежит на крик Иона. 16. Алька приказывает Раперу временно лишить Робика прав человека. 17. Робик и Ион возвращаются в Центральный Зал. 18. В Зал прибегает Алик.

— Как ты думаешь, что все это значит? — спросила Алька.

— Все, что угодно, — ответил он.

Обмениваясь короткими, отрывистыми фразами, они бежали рядышком, как пара сбегавшихся стайеров: быстро, но без лишней поспешности, равномерно и напряженно.

— Все, что угодно. — Это Ион.

Алька — мгновение спустя:

— Неужели это... сам Разведчик?

— Нет.

— Конечно, — согласилась она. — Он пытается нас предостеречь. Но...

— Может быть, он просто притворяется?

— А ты как думаешь?

— Нет.

Ион кивнул, но лицо его осталось хмурым.

— Все возможно.

— О чем ты?

Он промолчал. Они выбежали из кустов, окружающих блок лабораторий, и через большую цветущую полянку направились к заметной издали большой башне. И он негромко сказал:

— Сначала я думал, это... чужие.

— Какие чужие?

— Из космоса!

Алька даже остановилась от удивления. Ион словно не заметил этого. Она с трудом догнала его. Они пробежали уже около километра.

— Чепуха! — крикнула она запыхавшись.

Он продолжал молча бежать ровным, спокойным шагом. Ей все труднее было держаться с ним вровень.

— Ион, чуть медленней, — попросила она.

Он тотчас остановился и даже придержал ее, когда она попыталась бежать дальше.

— Отдохни.

Она даже не могла ответить — дыхание не позволяло. Она только кивнула.

— Видишь, — проворчал он. — Пошли так. Ион тоже чуть задыхался. . .

Пройдя несколько шагов, он сказал уже совершенно ровным голосом:

— Все возможно. Но я тоже думаю, — согласился он тут же, — что появление чужих и вообще все эти обезьяньи фокусы — это чепуха. Уж если б кто-нибудь появился, он начал бы с контакта.

— Может, «они» просто исследуют Разведчик?

— Кто «они»? Что значит «исследуют»?

— Когда я была маленькой, — ответила она без видимой связи, — я хотела разобрать каждую новую игрушку. И каждую портила.

— Гм, — задумался он. — Так ты думаешь. . .

— Нет, — сказала Алька. — Я полагаю, что это чепуха.

Он рассмеялся:

— Отдышалась?

— Да.

— Тогда поехали!

Они снова побежали — спокойным длинным шагом.

— Главное, — сказал Ион, — исправить аварию. . . Чтобы справиться. . . с этим.

— С чем? — спросила Алька и тут же добавила: — Слушай, нам ведь вовсе незачем так спешить.

Ион не сразу понял, что она сказала. Но затем хлопнул ее по плечу с таким энтузиазмом, что она споткнулась, и крикнул:

— Верно!

— Я знаю, что верно. Но только, — возмущенно вздохнула она, — нечего из-за этого. . . ломать мне ребра.

Он даже не расслышал ее упрека.

— Конечно, — рассуждал он вслух, — ведь важно только догнать Реку. Не успеем освободить их сейчас — сделаем это чуть позднее. Ну, попросим у Базы новую программу. Ведь. . .

Она снова скорчила довольно выразительную гримасу и передразнила его:

— «Ведь, ведь»... Да это и так было ясно.

И вдруг Ион остановился как вкопанный. Лицо у него стало таким, словно он увидел что-то страшное.

— Да, это было ясно сразу, — прошептал он, вкладывая в эту фразу какой-то новый смысл.

Алька со страхом увидела, что Ион бледнеет. Чем он напуган?

— Что, Ион? Что с тобой? — спросила она.

Он встряхнул головой, как человек, оглушенный неожиданным ударом.

— Нет, это невозможно!

— Что? Да скажи наконец — что? — умоляюще проговорила она.

Он до боли стиснул ее руку. Алька вырвалась и резко остановилась:

— Говори!

Он взглянул на нее отсутствующим испуганным взглядом и пробормотал:

— А что, если это не «чужие», а Робик?

Вокруг цвели лучшие цветы на Разведчике, в небе свистела какая-то птица, а в траве пели цикады, совсем такие же крикливые и неугомонные, как в жаркий земной полдень.

— Я боюсь, — сказал Ион, — я очень боюсь, что придется звать на помощь.

— На помощь? — переспросила Алька.

Он шел не отвечая. До цели оставалось лишь несколько шагов.

— Понимаю, — сказала Алька. — Я уже звала. Не помогло.

* * *

Что же все-таки происходило в это время с Аликом и Робиком?

Нужно вернуться назад, к той минуте, когда Алька и Ион в Центральном Зале ступили на голубой квадрат скоростного лифта.

Алик захлопал глазами, ибо Ион и Алька попросту исчезли.

Алик толкнул Робика и проговорил:

— Ну, артиллерия, смирно!

— Вольно! — засмеялся Робик и скорчил потешную гримасу.

Алик с восхищением воззрился на морщинки и веснушки на лице Робика и изрек:

— Вы, роботы с Сатурна, поистине вне конкуренции. Я бы ни за что не догадался, что ты не человек.

— А это хорошо? — спросил Робик.

— А я знаю? — ответил так же вопросительно Алик.

Робик несколько меланхолически улыбнулся:

— Все зависит от обстоятельств.

В это время Разведчик сообщил время до начала рассчитанной супером операции — шестьдесят минут.

— Пошли, — сказал Алик.

Они встали на транспортер, который сначала

медленно, а затем все быстрее стал уползать в подземный туннель. Лента чуть колыхалась под ногами. Алик усмехаясь взглянул на Робика и спросил:

— А ты всегда так симпатично выглядел?

— Э, нет! — воскликнул Робик. — Ведь мы, роботы-хранители «растем» вместе с вами, только по-своему. . . Когда Ион был маленький, я был похож на передвижной склад игрушек. Вместо носа — музыкальная шкатулка, в глазах — мигающие светлячки. Я вполне отвечал своему назначению и притом был очень забавен. А на человека я стал походить, когда Ион начал различать людей. С тех пор мы и «растем» вместе, только я при этом. . .

Он не успел кончить: транспортер, сильно тормозя, вынес их в светлый, круглый зал.

— Артиллерийские позиции, — объявил голос Разведчика.

— Разрешите доложить: мы прибыли, — смеясь, воскликнул Алик.

Эта смешная фраза из какого-то видеофильма о каких-то доисторических «армиях» случайно застряла у него в памяти.

— Приказывайте, — ответил голос, который явно не понял эту фразу.

Алик кивнул.

— Покажи мне штурвал и экран прицела главного орудия.

— Это приказ?

— Приказ.

— Приказ принят, — подтвердил голос. — Пройдите на середину.

— Понятно, — ответил Алик.

В зале, который служил Главной Базой противометеоритной артиллерии Разведчика, нахо-

дились три экрана и три пульта для бортовых артиллеристов.

— Все это не педагогично, — притворно за-
хныкал Алик. — Сначала мне запрещают играть
с карманным атомным реактором, а теперь
вдруг предоставляют в полное распоряжение
позитронмет высшего класса. . .

Робик хихикнул, но тут же принял сверхсерь-
езный вид и изрек прокурорским тоном:

— Алик, ты, кажется, корчишь шута?

Алик вздохнул.

— Никаких «кажется». Именно корчу.

— Почему?

Алик взглянул на Робика в каком-то замеша-
тельстве.

— Потому, дорогой мой Робик, — сказал
он, — потому что мне чуточку страшно. Понял?

— Не совсем, — чистосердечно признался
Робик.

Алик усмехнулся и сел за средний пульт.
Тотчас перед ним вспыхнул огромный круглый
экран.

— Так вот она, — прошептал Алик.

— Кто?

— Черная Река.

— Пятьдесят минут, — отметил голос.

Алик показал Робиду туманную и крохотную,
но вполне заметную полосу метеоритной Чер-
ной Реки. Некоторое время они молча смотре-
ли на эту далекую размытую полосу.

— Разведчик, — сказал Алик.

— Слушаю, командир.

— Мне нужен пробный выстрел.

— Приказ принят.

На экране появился светящийся кружок руч-
ного прицела. Было, конечно, слишком далеко

для выстрела по Реке, но Алик выбрал для пробы небольшое сгущение точек на ее фоне. Ему хотелось испытать, как быстро удастся навести на цель кружок прицела. Физиономия Алика расплылась в торжествующей улыбке — незаметное движение, даже не руки, не ладони, всего двумя пальцами, — и светящийся кружок тотчас послушно накрыл выбранный сгусток Черной Реки.

— Отлично, — сказал Робик.

Алик слегка нажал педаль. На экране — ослепительная вспышка. Она мимолетнее, чем след земной «падающей звезды».

Алик уже сложил губы трубочкой — он вспомнил наконец мелодию забытой, но очень симпатичной песенки. Но засвистеть не успел: Робик вдруг вздрогнул так, будто услышал незаслуженное оскорбление. А может быть, даже угрозу.

— Что случилось? — спросил Алик.

— Не знаю.

— Почему ж ты. . .

— Постой. — Робик перебил Алика нетерпеливым жестом. Он явно прислушивался к чему-то. К чему?

«Да разве человек в состоянии это узнать? — с завистью подумал Алик. — Разве можно вообще сравнивать остроту чувств человека и самого среднего робота, не говоря уж о сатурнийских? Взять хотя бы слух: они слышат и ультразвуки, и радио- и телеволны, и еще десятки тысяч других. Алик не переставал твердить, что роботы потому лишь не умирают со смеху, наблюдая человечью неуклюжесть, что по природе обладают незлобивым характером.

Поэтому сейчас он молчаливо и покорно

ждал объяснений Робика. Покорно, но нетерпеливо. Даже в такой день, как сегодня, это было необычно — видеть беспокойство робота.

Но когда оказалось, что Робик и не собирается ничего объяснять, беспокоиться начал уже Алик.

«Он как пес, учуявший змею», — подумал Алик (бабушкин Динго не выносил даже скромных и деликатных водяных змей из Дели).

Робик выдавил из себя только:

— Подожди меня здесь минутку.

— Что? — удивился Алик.

— Я сейчас вернусь, — проговорил Робик — и тут же шагнул на ленту транспортера с надписью: «Поверхность».

Транспортер тронулся с места, и стена бесшумно, как тень, сомкнулась за ним.

Алик озабоченно покачал головой.

— Довольно-таки хлопотные каникулы, — сообщил он экрану, намереваясь завязать с ним беседу в подобном стиле. Но беседа как-то не клеилась.

Он один. Он может позволить себе погрузиться. «Минута нытья», — определяет он про себя.

— Если так будет продолжаться, — вслух огорчился он, — то нам, чего доброго, еще продлят каникулы. Тут со скуки умрешь.

Но перспектива смерти от скуки была настолько неправдоподобна и столь же неправдоподобно комична, что Алик захихикал. Тут он вспомнил «смех охрипшей кукушки» и чуть не заплакал от смеха.

Внезапно он замолчал. Раздался голос Разведчика, в котором слышалось что-то очень похожее на панику или даже страх.

— Внимание! — закричал голос. — Внимааа. . .

Второе «внимание» переходит в отвратительное, беспомощное бормотание.

— Что? — переспрашивает Алик, не веря собственным ушам.

Никто не отвечает. Бессвязный и обезумевший голос еще раз повторяет свое «внимааа. . .», и наступает жуткая тишина.

Алик встает, озирается и говорит:

— Я сплю. Алик, проснись!

Тишина. В глубине экрана безмолвно и медленно растет и приближается полоса Черной Реки.

Страшнее всего, что начало происходить «что-то» и, по-видимому, продолжало происходить, и происходило теперь уже в совершенном молчании и тишине, которые были и непонятны и невыносимы.

— Робик! — пронзительно закричал Алик. Ничего. Ни эха, ни ответа.

«Перестань верещать, — посоветовал Алик сам себе. — Это и глупо и некрасиво. Лучше подумай, что дальше».

Мгновение он молча размышлял с глубочайшей сосредоточенностью.

«Что встревожило Робика? — спросил он себя. — Чего испугался Робик?» — допытывался он.

Потом произнес вслух:

— Буду говорить вслух. Так легче думается. Он поднимает голову к потолку.

— Если ты слышишь, Разведчик, записывай. Я начинаю беседу сам с собой. Внимание!

Форма беседы была предельно простой: вопрос — ответ, вопрос — ответ. . .

Вопрос первый:

— Что могло встревожить Робику?

Ответ:

— Не знаю.

Дальше все шло как по нотам.

— Что ты предполагаешь?

— Его могла встревожить обычная авария Разведчика.

— Не думаю.

— Почему?

— Потому что обычную аварию Разведчик исправил бы сам.

— Следовательно?

— Во-первых, либо Разведчик сошел с ума и отказывается сам себе помогать, а нам повиноваться. . .

— Либо?

— Либо, во-вторых, «это» пришло снаружи. И это. . . чужие.

— Ерунда.

— Почему ерунда? Во-первых, в неблагоприятных условиях бывало, что теряли сознание даже самые выдающиеся суперроботы. А мы находимся в условиях, по меньшей мере, неблагоприятных. Разведчик впечатлителен.

— Шуточки!

— Ничего подобного. А может, оба предположения верны. И на Разведчик проникли какие-то чужие, враждебно настроенные и зловредные пришельцы из космоса, те самые, например, что скрываются внутри Черной Реки, подцепили там Альфу и Бету, а теперь ловят нас. . . А Разведчик, не умея защитить себя. . . сошел с ума.

— Ерунда!

Это слово Алик выкрикнул с глубочайшей

убежденностью. Оно и завершило столь примечательный диалог.

«Ерунда, ерунда, ерунда...» — упрямо и зло думал Алик. Потом он успокоился: «Иногда полезно говорить ерунду вслух. В сущности, собственные мысли можно оценивать по достоинству, только если выговариваешь их вслух, в уме они ухитряются прятаться».

А в общем, никакой пользы он из этой беседы не извлек. Потерял несколько драгоценных минут на нелепую затею, чтобы убедиться, что мелет чушь.

Постой, когда он начал говорить ерунду? Первый вопрос ведь был правильный?

— Смотри-ка, — произнес он назидательно. — Может, потому. . .

Но он не успевает закончить. Снова раздаётся испуганный — явно испуганный — голос Разведчика:

— Внимание, командиры! Внимание, командиры! Необходимо немедленно. . .

— Что? Что немедленно?! — со злостью орет Алик, потому что после слова «немедленно» наступила тишина, а потом Разведчик забормотал: «Но. . . не. . . мед. . . но. . .» — и замолчал.

Но что-то все-таки произошло. Вздогнула лента проходящего через центр зала транспортера.

Алик вспоминает первый вопрос, который только что задавал сам себе, и тут же, не размышляя, не колеблясь, молча и упрямо ступает на разгоняющийся транспортер. Здесь он широко расставляет ноги и сгибает их в коленях. Лента дрожит под ногами от скорости. Только б не упасть! Транспортёр сразу набрал такую ско-

рость, которая разрешается лишь на открытых местах.

А даже если упасть? Все равно у любого транспортера есть аварийные лапы, которыми он хватает и поддерживает теряющего равновесие человека. У любого нормального транспортера. . . Но кто поручится, что этот нормален? Во всяком случае, по всем этим незнакомым залам, переходным туннелям, каютам и машинным отделениям лента мчалась с ненормальной скоростью.

Алик стоял, наклонясь вперед, упираясь ладонями в бедра, вглядываясь в мелькающие перед ним картины и ежесекундно готовый к прыжку. Лицо сосредоточенно. Ничего более. Между тем когда он вдруг открыл рот и начал кричать, голос его, вопреки этому спокойному и сосредоточенному выражению лица, звучал как голос смертельно напуганного мальчишки.

— Спасите! — крикнул Алик. — На помощь! Спасите!

Потом он чуть выждал — и снова:

— Спасите! На помощь! Спасите!

В обычных условиях подобные вопли должны были бы вызвать тревогу на всем Разведчике и тотчас привлечь внимание всего живого и всего автоматического. Но на сей раз ничего подобного не случилось. Транспортер продолжал мчаться через туннели, залы, машинные отделения и каюты.

Три минуты спустя Алик хлопнул себя по лбу: до него дошло, что он попал в замкнутый круг. Лента попросту крутилась по кольцу. Вот просторный, светлый лабораторный зал, большие шары микроскопов. Потом двухцветный туннель. Потом несколько небольших кают, снова

туннель, два затемнения, широкий, разветвляющийся коридор, и снова зал с микроскопами, двухцветный туннель, несколько кают, туннель, затемнения, коридор, и снова зал, микроскопы, туннель, каюты, туннель, затемнения, коридор. . .

— Спасите! На помощь! — еще раз заорал Алик отчаянным голосом, сохраняя абсолютное спокойствие на лице. — Спасите! — и, не дождавшись никакого ответа, прошептал: — Ну, тогда. . . прыгаем!

Он переступил на край ленты. Прыгать можно только в двух местах — в зале с микроскопами и в широком коридоре, во всех других местах слишком тесно, можно попросту врезаться лбом в стенку. При всей эластичности здешних стен вряд ли это будет особенно приятно.

Он решил еще разок «проехаться», чтобы лучше подготовиться к прыжку. Он уже знал на память: зал, туннель, каюты. . . коридор!

Внезапно он решил: прыгаю в коридор. По ту сторону его он заметил что-то явно движущееся, какое-то зеленоватое мелькание; конечно, это лента второго транспортера. Он увидел ленту и прыгнул. Уже на лету он быстро сообразил: «Второй идет вверх, выберусь на поверхность. . . А если он идет в противоположную сторону. . . Что тогда?»

К счастью, он не успел довообразить, что «тогда». Во-первых, он уже прыгнул. Во-вторых, представлять себе это малоприятное зрелище вообще не пришлось — второй транспортер шел в ту же сторону. Это помогло Алику удержаться на ногах. Мгновение спустя он даже прихлопнул руками от восторга — лента явно лезла вверх. Он даже закричал: «Ура!», потому

что внезапно все вокруг посветлело, лента вылетела на поверхность, описала широкую дугу в пальмовой рощице, промчалась мимо высокого, почти африканского бархана, снова нырнула в туннель и начала замедлять ход. Здесь! Алик легко прыгает с транспортера и оказывается лицом к лицу с главным входом в Центральный Зал.

Он делает еще шаг вперед и осторожно касается пальцами закрытой стены. Достаточно: ведь Разведчик отлично помнит не только голоса, но и отпечатки пальцев. Призывы о помощи не помогли. Может, удастся воздействовать прикосновением?

Алик вздрогнул от радости — стена чуть заметно шевельнулась. Она еще не открывается, но чувствуется ее доброе намерение, ее искреннее, хоть, неизвестно почему, неимоверно тяжкое усилие.

Алик упирается обеими руками в то место, где проходит шов, его лицо постепенно расплывается в торжествующей улыбке: стена, хоть и неравномерно, скачками, но отчетливо поддается нажиму.

И наконец, затаив дыхание Алик стоит у открытого входа в Зал. Этот вход расположен как раз напротив того, которым они прежде прошли сюда. Тот, второй, вход тоже открыт настежь. Более того, дверь там отtisнута в паз огромной алюминиевой балкой, словно кто-то посторонний, не уверенный в покорности Разведчика, хотел обеспечить себе свободный вход и выход.

Алик молча смотрит в Зал. Он перестает улыбаться. Но на его лице нет и гнева. Оно просто становится печальным.

Аликины губы чуть-чуть приоткрываются, вот-вот прозвучит приказ, но в эту минуту откуда-то издалека, из глубины противоположного коридора, раздается страшный крик Иона. Это крик без слов, но Алик почувствовал, что вся кровь его отливает от сердца: в крике Иона слышится настоящая мука.

Услышав этот крик, кто-то тревожно метнулся в глубине Центрального Зала. Этот кто-то, видимо, находился здесь уже долгое время: он успел размонтировать одну из стен, открыть спрятанную в ней огромную сетку одного из мозговых центров Разведчика, испещренную неисчислимым множеством узлов, и подключить к ней какую-то группу кристаллов. Что он делал? Исправлял или ломал?

Этот кто-то, услышав крик Иона, сначала судорожно дернулся, как человек, оглушенный смертельным страхом, потом вскочил и бросился в открытый проход, в ту сторону, откуда донесся крик. По его движениям, по выражению глаз и лица можно было сделать лишь один вывод: он изо всех сил торопился на помощь Иону.

Это был Робик.

Мчась огромными скачками, Робик исчез в глубине противоположного коридора.

Алик кинулся к размонтированной стене и одним рывком оторвал от сетки группу блокирующих кристаллов. В ту же секунду в зал влетела Алька.

— Разведчик, приказ! — пронзительно закричала она. — Отменяются полномочия работника!

— Принято, — тотчас откликнулся чистый и ясный голос Разведчика.

— Разведчик! — кричит Алька. — Не уничтожать робота. Разрешается только изолировать его.

Разведчик медлит мгновение, потом повторяет с явным сожалением:

— Не уничтожать. Принято.

По коридору поспешно вкатываются стандартные агрегаты ремонтных роботов — небольшие шары, снабженные множеством различных механических конечностей. Два шара подкатываются к сетке и приступают к монтажу снятого Робиком куска стены. Два других стремительно уничтожают блокировку дверей, молниеносно разрезав толстенную паралюминиевую балку на десять частей.

Алик и Алька молча смотрят друг на друга, потом быстро обнимаются. Глаза у них счастливые. В это время вбегает Ион. Он чудовищно бледен.

— Разведчик! Врача, программу боевых действий, — громко приказывает он. — Время!

— Восемнадцать минут двадцать секунд.

— Успеем! — кричит Алик.

— Тебе плохо, Ион? — восклицает Алька, увидев, что он покачнулся.

Она едва поспевает поддержать его. Левая ладонь Иона почернела от запекшейся крови и ссадин.

— Разведчик, врача! — повторяет Алик.

— Принято.

Из третьего, служебного коридора бесшумно появляется огромный белый куб механоврача.

— Болит? — спрашивает Алька. Ее глаза светлеют. — Очень больно, Ион?

Ион подходит к кубу, всовывает в отверстие израненную, ободранную руку и почти тотчас облегченно улыбается.

— Уф, наконец-то перестало болеть.— И тут же улыбка его становится смущенной и стыдливой. — Пришлось сунуть руку под ленту движущегося транспортера. Я должен был это сделать, — торопливо оправдывается он.— Если бы рука не болела по-настоящему, я бы ни за что не смог крикнуть так убедительно, а тогда бы Робик отсюда не выбежал. Кто знает, удалось бы нам тогда захватить Зал или нет.

— Благодарю, — говорит механоврач.

Ион вынимает руку из аппарата и в изумлении таращится на нее — он впервые имеет дело с механоврачом. Это здорово! Боль сразу же прекратилась, раны исчезли, вся ладонь уже покрыта пленкой искусственной защитной ткани, словно тончайшей перчаткой.

— Спасибо, — говорит Ион, и механоврач бесшумно исчезает в какое-то таинственное укрытие, откуда вынырнул минуту назад.

— Когда ты понял? — спрашивает Алька.

Алик на мгновение задумывается.

— Когда вспомнил, как Робик сказал на прощание: «Пока я с вами. . .»

— И мы тоже, — удивляется Алька.

Ион берет их за руки.

— Послушайте! Постарайтесь его понять, — умоляюще улыбается он. — Ведь роботы-хранители прежде всего обязаны охранять человека от опасности. Робик обязан был охранять нас. Он не хотел, чтобы мы подвергались опасности.

Алик улыбается ему:

— Ион, ты не думай, мы же всё понимаем. Нам поручили опасную работу. Разве можно

требовать от роботов, чтоб они думали так же, как мы. И лучше уж пусть они так не думают.

Алька довольно легкомысленно пожимает плечами, голос ее звучит снисходительно и очаровательно ехидно:

— Дорогой Ион! Самый логичный человеческий ум не мог бы тут ни в чем обвинить Робику. Какому конструктору пришла бы в голову такая невероятная история? В конце концов, должны же еще происходить такие события, когда мы, люди, еще были бы нужны!

— Пятнадцать минут, — напоминает голос Разведчика.

— Довольно болтовни, — говорит Ион. — Расходимся на свои посты.

— У меня предложение, — говорит Алька. — Через минуту после нашего старта вернуть Робику полномочия. Как только мы окажемся в космосе, Робик начнет думать только о том, как бы помочь нашему возвращению. Думаю, мое предложение вполне логично? — скромно заканчивает она.

— Я согласен, — говорит Алик.

— Я тоже, — повторяет Ион, глядя на нее. Он ощущает глубокую благодарность к этой девочке.

Алик радостно потирает руки.

— Отлично, — говорит он. — Мне не придется томиться в одиночестве. А вообще. . .

— А вообще, — прерывает Ион, — довольно! По местам!

— Слушайте, — вспоминает Алик. — Я недавно видел несколько видеофильмов из варварских времен. Вместо того чтоб пожелать успеха, люди говорили: «Ни пуха ни пера!» Так вот: ни пуха ни пера! — кричит он, прыгая на

ленту транспортера, которая стремительно уносит его из Зала.

— Ужасно несерьезный ребенок, — вздыхает Алька.

— Но мне он очень нравится, — признается Ион.

Алька улыбается мимолетной ласковой улыбкой:

— А мне. . . еще больше, чем очень. . .

До начала действий космолета против Черной Реки остается всего лишь 60 секунд.

— Минута, — произносит Разведчик.

И начинает отсчитывать секунды:

— Пятьдесят девять, пятьдесят восемь, пятьдесят семь. . .

Алька и Ион уже сидят на своих местах. Ион перед пультом пилота, Алька — перед пультом стрелка. Только что Разведчик кончил изложение плана действий, перечисление координат и отметок времени. Автоматы космолета давно уже получили этот план, но существовала ведь и такая возможность, что Черная Река нарушит нормальную работу автоматов, заблокирует их радио- и радарные щупальца. Поэтому Ион и Алька выучили основные данные наизусть. Потом пересказали их друг другу. Только что Алик передал им последний привет перед стартом. Они услышали его негромкий голос:

— Сестренка! Ион, дружище! Держитесь! И вообще. . .

Это «вообще» прозвучало так. . . Но не стоит об этом. . .

Кому нравится, чтобы вслух говорили о его переживаниях?

— Тридцать один, тридцать, двадцать девять, — считает Разведчик.

А на экране в безмолвной пустоте мчится в космос громадина Черной Реки. Разведчик несется параллельно и чуть выше ее, словно птица над обезумевшим каменным половодьем.

А через 30, 29, 28, 27 секунд в этот поток огромных, летящих через Вселенную каменных глыб должен войти боевой космолет Рапера.

Экипаж: Ион Согго (пилот) и Алька Рой (бортовой стрелок). Задача? Известная. Время исполнения: 40 минут.

— Внимание, — гудит голос Разведчика. — Десять, девять, восемь. . .

Алька и Ион чуть шевельнулись.

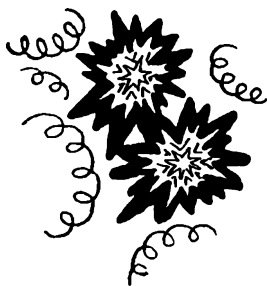
— Семь, шесть, пять. . .

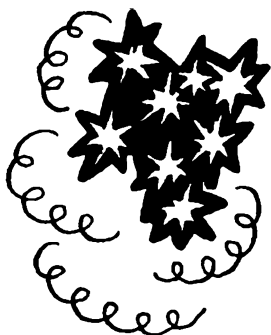
«Что это шумит в ушах?» — думает Алька.

«Что это шумит?» — думает Ион.

И тут Ион слышит совсем рядом тихий Алькин вздох. Он еще успевает — без слов, молча — подумать о ней.

— Три, два, один. . . — грохочет голос Рапера и наконец: — Старт!

ОТ СВЕРКАЮЩЕГО ЗЕЛЕНОВАТЫМИ ПОЗИЦИОННЫМИ огнями разведчика оторвался голубой боевой космолет типа «КБ-803» — так начинается знаменитая битва Разведчика с Черной Рекой.

Космолет берет курс прямо на Черную Реку и на полной скорости пикирует вертикально на нее, будто собирается разбиться о ее каменную стену.

Алик знает, что это не так, что курс сейчас изменится, и все-таки вздыхает с глубоким облегчением, когда космолет, описав огромную дугу, сближается с потоком под все более острым углом.

— Здорово! — говорит он. Хоть этот маневр выполнен автоматами, но ведь и автоматы тоже иногда заслуживают похвалы.

Алик располагается на своем кресле, чувствуя несколько большую уверенность: пока ничего из тех помех, которые обезоружили Альфу и Бету. Ему даже чуть жаль, могло быть интересней, если бы. . . И тотчас он сам себя обры-

вает: «Что за щенячьи мысли! Задача слишком серьезна, чтобы жалеть о несостоявшейся игре в «героев».

— Благодарю! — говорит Робик.

Минута уже прошла, и он вернулся к прежним своим обязанностям.

Он стоит на пороге арtpункта и весьма неуверенно взирает на Алика. Потом смущенно произносит:

— Разведчик передал мне весь ваш разговор обо мне. Еще раз благодарю.

Алик как можно доброжелательней улыбается и подмигивает:

— Дорогой мой Робик! — говорит он. — С точки зрения заложенной в тебе программы, ты проявил себя наилучшим для сатурнийца образом. Ты защищал нас от опасности.

— Ты очень тактичен, — ответил Робик.

— Да ведь я искренне! — закричал Алик.

— Надеюсь, — с облегчением вздохнул Робик и расположился в кресле рядом. — Итак... — начал он.

Но Алик перебил и закончил:

— ... все это уже позади.

— Вот именно! — улыбнулся Робик.

Потом оба умолкают и смотрят на экран. Теперь уже Разведчик, резко увеличив скорость, пошел вперед. Наступает время занять исходную позицию для выполнения задания. Инструкция, как известно, звучала весьма «элементарно»: выйдя на позицию FАММ 192, 041, 42... (следовало еще 48 цифр и букв, определяющих запланированное положение Разведчика), начать бомбардировку Черной Реки позитронным излучателем на глубину... (еще восемь цифр) в течение 32 минут 4 целых и 549 тысячных

секунды, считая с момента подачи команды «Огонь!».

Все это время контрольный экран должен показывать курс боевого космолета «КБ-803».

К этому времени «КБ-803» достиг границы потока и теперь, выключив тягу и управление, медленно сползал в глубину Черной Реки, без сопротивления подчиняясь ее притяжению и скорости ее движения.

Все шло по плану.

— Все идет по плану, — бормочет Алик, — но одного я все-таки не понимаю.

— Чего?

— Неужели на Базе не могли предвидеть твоего поведения?

— Они предвидели, — отвечает Робик. — Они только выжидали такого момента, чтобы кто-нибудь из вас оказался вне моего контроля. Они боялись, что я начну слишком рано и заторможу полет Рапера. И перехитрили меня. Вас, правда, они предостеречь не смогли, но его предупредили, и мне не удалось изменить курс.

— А ты бы это сделал?

— Разумеется, — отвечает Робик. — Я даже удивляюсь, что ты спрашиваешь. Ведь на моей обязанности... было...

— Знаю, знаю! — прерывает его Алик и показывает на уменьшающийся силуэт «КБ-803», мелькающий теперь уже среди скал, камней и обломков Черной Реки.

Робик всматривается в крохотную светящуюся черточку с той странной нечеловеческой неподвижностью, которая означает у роботов особое умственное напряжение.

Потом он вдруг говорит:

— Разведчик, у меня есть вопрос.

— Слушаю. — Голос Разведчика звучит теперь абсолютно доброжелательно.

— Можно ли... — Но тут Робик останавливается и на несколько секунд глубоко задумывается.

Алик немного озабоченно смотрит на него: это еще что такое? Но тут Робик снова обретает дар речи.

— Извини, Разведчик. Я должен сначала посоветоваться с командиром — человеком.

— Принято, — отвечает голос.

— Слушай, Алик, — начинает Робик. — Мне пришла в голову одна штука.

И он рассказывает об этой штуке. Алик слушает с огромным вниманием. Потом кивает и говорит:

— Мне кажется, ты прав. Но давай спросим все-таки Разведчика, можно ли это проделать.

Робик обращается к Разведчику.

Разведчик отвечает, что это вполне возможно.

— Тогда, — говорит Робик, — тогда я буду ждать.

— Внимание, — произносит голос Разведчика, — через семь минут начинаем боевые действия.

На батарее наступает молчание.

— Почему Альфа и Бета так упорно молчат? — спрашивает Алька.

— Не знаю, — отвечает Ион.

— Мы ведь уже недалеко от них.

Ион бросает взгляд на контрольный щит автопилота. Среди сотен цифровых и буквенных данных выделяются цифры, подсвеченные крас-

ным. Ион весело усмехается — они действительно недалеко от Альфы и Беты. Все идет настолько просто и гладко, что, откровенно говоря, даже не верится. А может, пережитые страхи и опасности всего лишь приснились, а не грозили взаправду?

— Если бы не это сгущение камней впереди, — говорит он, — мы уже были бы рядом с ними.

— Так почему же их не слышно? — снова спрашивает, помолчав, Алька.

— Может, авария связи, — размышляет вслух Ион.

— Какая?

Он не отвечает просто потому, что ему нечего ответить.

Потом снова:

— Ион.

— Да?

— Ты уверен, что они еще... живы?

— Ну конечно! — восклицает он с таким глубоким убеждением, которое даже для него самого неожиданно. — Конечно, уверен.

— Хорошо, — размышляет Алька вслух. — Это очень хорошо. Но меня удивляет: почему они так упорно молчат?

Он пожимает плечами и отвечает чуть раздраженно:

— А меня сегодня уже ничего не удивляет.

Его раздражение передается ей:

— Ты себя просто невыносимо ведешь. Если б я могла, я встала и сейчас же ушла отсюда. И не вздумай говорить: «Иди пожалуйста!» Я уже оценила твое остроумие. И не воображай, пожалуйста, что тебя хоть вот столичко оправдывает твое внимание ко мне.

— Что такое? — растерянно восклицает он.

— Не воображай, пожалуйста, что тебя хоть вот столечко оправдывает твое внимание ко мне, — повторяет Алька. — И вообще мне начинает казаться, — сладчайшим голосом добавляет она, — что сегодняшние события плохо повлияли на твой слух. А тебе не кажется?

Ион не отвечает. Он сдерживается, чтобы не расхохотаться, но боится, что она еще больше разозлится.

Наступает полная тишина. На контрольной таблице медленно сменяют друг друга цифры. Самая важная из них — подсвеченная красным — медленно сползает к двадцати семи тысячам. Автопилот осторожно, очень осторожно выискивает дорогу в потоке Черной Реки. Он ведет самый быстрый в мире космолет так медленно, как не летали даже малыши в детской школе малого пилотажа.

Алька неуверенно покашливает. Ион притворяется, что не слышит.

Тогда Алька спрашивает предельно вкрадчивым голосом:

— Ты сердисься?

— Нет.

— Почему же ты... молчишь?

— Я размышляю.

— О чем?

Ион выдержал паузу.

— Почему, собственно, ты мне так нравишься.

— Почему же? — спрашивает Алька якобы равнодушным тоном.

— А вот это для меня самого сушая загадка! — отвечает Ион с неожиданной злостью, удивившей лишь его самого.

Алька же, словно заранее предвидя ответ, тихонько хихикает.

Ион слышит ее смех совсем рядом — смех, легкий как дыхание, немного ехидный и чем-то довольный.

Потом Алька говорит:

— У меня тоже есть загадка.

— Какая еще загадка? — спрашивает он, понимая, что задает глупейший вопрос.

— Почему, — отвечает она все тем же сладеньким и наивным голосочком, — почему, собственно, мне так нравишься ты?

В третий раз Иону не хватает слов. Хоть бы самая крохотная вразумительная мыслишка пришла в голову! И Алька с наслаждением добывает его последним вопросом:

— Что же ты молчишь?

В конце концов Ион все-таки находит ответ. Он находит совсем неплохой ответ — в меру ехидный и в меру дружелюбный. Но в чем состоял ответ, он потом никак не мог припомнить, потому что в ту самую секунду, когда он открыл рот, уже не осталось времени даже для этих нескольких слов.

— Готов! — раздается голос Разведчика.

И спустя секунду после того, как замер последний отзвук этого слова, спустя секунду с точностью до одной ее тысячной, первый столб ослепительно белого пламени ударил в Черную Реку.

Главное орудие Разведчика обладало потрясающей мощностью. Автомат-стрелок выбрал для первого залпа огромную скальную глыбу диаметром не менее десяти километров. И вот удар

белого огня — нет, не раскалил, не сжег, не испепелил ее: она попросту... попросту исчезла. Превратилась в «бывшую глыбу».

За первым ударом — второй, третий, десятый...

Автомат-стрелок получил инструкцию — пробить в Реке проход шириной двести, высотой 50, длиной около 500 километров. Поэтому каждый появляющийся в этой полосе метеор немедленно настигает удар позитронной «палицы».

Алик упивается картиной, разворачивающейся на экране. Его любопытство смешивается с гневом.

Сейчас перед ним враг, противник — неведомые и губительные силы природы.

Говорят, будто в самые черные времена истории, во времена варварства люди были врагами друг другу. Даже убивали друг друга. Трудно поверить в такую жестокую нелепицу, но историки утверждают, что так и было в действительности. И все-таки это невозможно понять. Кто может быть настоящим врагом человека? Понятно ведь: ураган, который можно обуздать; метеорный поток, который нужно уничтожить; скальные ловушки на Юпитере, лютые морозы на Нептуне, песчаные бури на Марсе — вот настоящие враги.

Алик ощущает, что в его гневе кроется что-то очень серьезное, что это — великолепное чувство. Вот сейчас они, тринадцатилетний паренек с Земли и сатурнийский робот, чуть постарше его, являются свидетелями великой и прекрасной битвы Первого Разведчика с врагом, тысячекратно большим, а по существу — намного более слабым. Ведь это был враг бессмысленный и слепой!

— Ты видел когда-нибудь такое в видео? — спрашивает Алик, стараясь говорить как можно более равнодушно.

— Нет.

Робик также напряженно и неподвижно смотрит на экран. В его глазах снова тлеют зеленоватые огоньки — ведь теперь Робик может выручить Иона из опасности только войной с Черной Рекой.

— Ненавижу, — говорит он.

Алик смотрит искоса на него. Нет, пожалуй, он не хотел бы, чтобы подобной силы ненависть была направлена на него.

— Смотри! — кричит Робик.

В глубине экрана внезапно появляется угрожающей величины метеор. Кажется, будто он несется прямо на Разведчика и от него уже не спастись.

Алик невольно прикусывает губу.

— Внимание! — шепчет он.

Ну, быстрее, нельзя больше ждать ни секунды. «Еще секунда — и конец!» — мелькает в уме, но он даже не чувствует страха.

— Еще нет, еще нет, — успокоительно бормочет Робик. И вдруг кричит: — Уже!

Автострелок задержал залп до последней сотой доли секунды. Он-то знал, когда наступит наилучший, наивыгоднейший момент, и именно тогда, когда, казалось, огромный метеор, разнеся своей черной тушей экран, разmozжит, сотрет в порошок ничтожным прикосновением, самой своей тенью крохотную рядом с ним пылинку-Разведчика, — именно тогда батареи Рапера выбросили нестерпимо слепящее пламя, охватившее скалу жарчайшим из объятий.

— Готов! — кричит Алик.

На сей раз стрелок использовал главное оружие. Его огневая мощь достаточна, чтобы вскипятить средних размеров море.

И метеор исчез. Попросту исчез. Еще мгновение назад он грозил Разведчику, мчался на него, нависал неотвратимой гибелью. И вот его уже нет. Так абсолютно нет, словно никогда и не бывало.

Алик смотрит на Робику, Робик — на Алику. И тут происходит весьма редкое событие: в глазах робота Алик видит изумление.

— Что? — с гордостью вопрошает Алик. — Был и сплыл?

— Мда! — тянет Робик.

Теперь наступает нечто вроде кратковременного отдыха. В Черной Реке обнажилось какое-то подобие мели: помигивает и пересыпается густой и мелкий каменный дождь. Малые орудия Разведчика дробят его в сотни крохотных искорок; кажется, будто в космической бездне внезапно хлынул настоящий земной поток, по поверхности которого искрится солнечная дорожка, рассыпаясь переливом мельчайших вспышек, слепящих глаза и веселящих душу.

— Как красиво! — говорит Алик.

— Не понимаю твоего восторга, — очень сухо откликается Робик. — Положение по-прежнему весьма опасно.

Алик растерянно и исподлобья глядит на него, потом спрашивает:

— Слушай, Робик, у тебя там, случайно, не произошло замыкание в сети чувства юмора?

— Не знаю, — пожимает плечами Робик. —

Мне сейчас некогда проверять свою сеть. Я полагаю, что...

Он умолкает и вскакивает, потому что раздается громкий голос Разведчика:

— Внимание! Боевой космолет теряет связь. «КБ-803» теряет связь. Внимание! «КБ-803», что с вами? Что с вами?

— Рапер, я буду говорить! — кричит Алик, лихорадочно думая в то же время: «Случилось все-таки! Все-таки они тоже влезли в эту проклятую ловушку! А через секунду, может быть, и мы, как они, как Альфа и Бета... Нет! Нет, не поддадимся, что бы ни было!» — и кричит: — Слушайте! Алька, Ион! Алька, Ион! Отзовитесь! Не поддавайтесь! Не поддадимся! Что бы ни было, не поддадимся!

— Спокойнее, — раздается рядом голос Робика.

Кровь приливает к лицу Алика тяжелым румянцем: это мгновение страха и стыда — страха за них, стыда за себя.

— «КБ-803», внимание! «КБ-803»! — настойчиво повторяет Разведчик. — Отзовитесь! Вызывает Рапер: отзовитесь немедленно!

— Ион, Алька! — уже спокойнее говорит Алик. — Отзовитесь.

Потом все трое — Разведчик, Алик и Робик — умолкают. Они ждут — теперь должен заговорить «КБ-803». Должен? Да нет, обязан!

Автострелок вновь открывает огонь из главного орудия: на экране опять появились тени мрачных громад. Белое пламя с неслыханной яростью охватывает их одну за другой.

Уже прошла треть времени, отведенного на всю операцию Разведчика против Реки, и именно сейчас «КБ-803» замолчал совершенно так

же, как сначала Альфа, а сорок одну минуту спустя — Бета.

— Внимание! — вновь звучит голос Разведчика. — «КБ-803»! Почему не отвечаете? Жду рапорта. Первый Разведчик ждет рапорта. «КБ-803»! Отвечайте! Жду.

Но ожидание это напрасно. «КБ-803» молчит.

Робик встает.

— Алик, — спрашивает он, — ты разрешаешь?

— Да, — отвечает Алик. — Я разрешаю.

Робик подходит к Алику и протягивает руку. Странно — Алик не может отделаться от ощущения, что сжимает руку живого человека. «Если бы не эти огоньки в глазах и чересчур неподвижные веки, — думает он, — совсем живой человек».

— Если мне не удастся, — говорит Робик, — передай привет Иону и Альке.

Алик криво улыбается.

— Дружище Робик! Тут уж неизвестно, кто кому вообще сможет что-нибудь передать.

Робик как-то скованно кланяется.

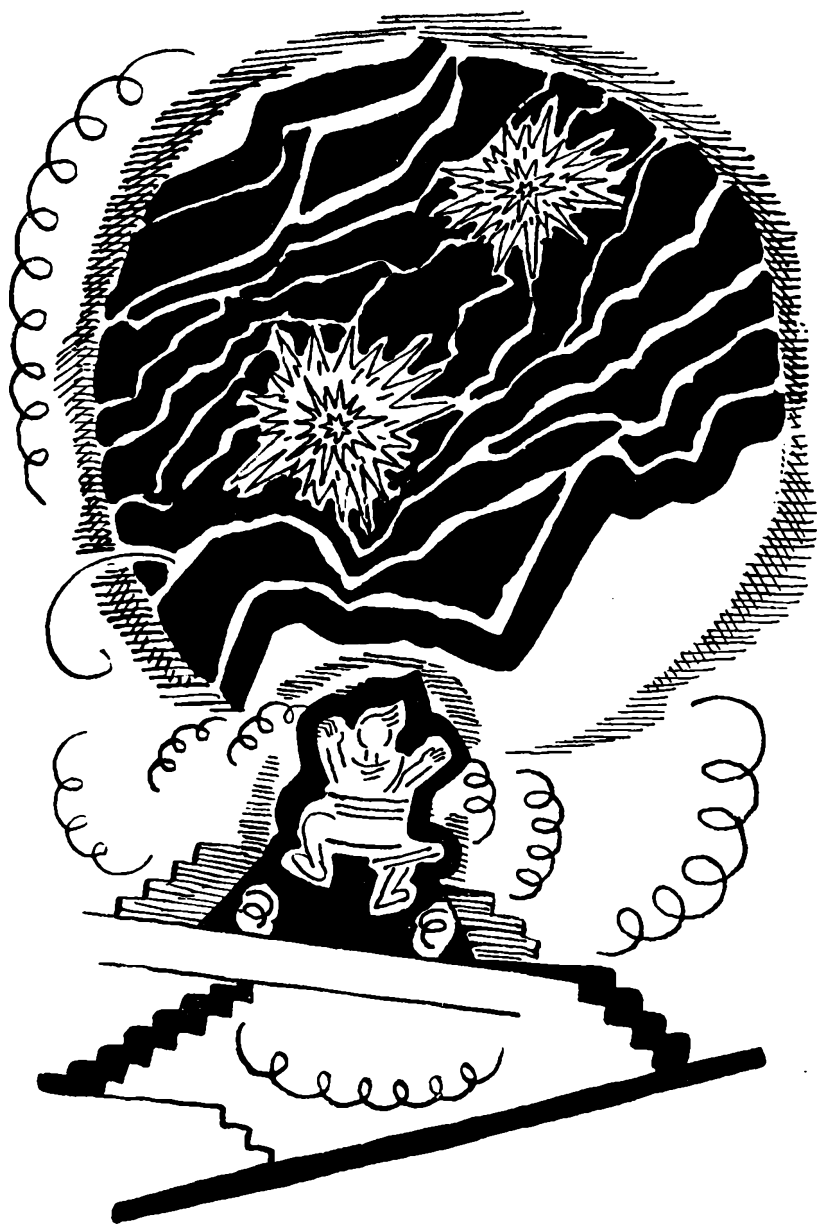
— Ты извини, — говорит он. — Пойми, ведь основа нашего существования — вера в людей. Мне моя конструкция не позволяет в вас сомневаться. Поэтому я уверен, что все хорошо кончится. Ну и... до свидания.

— До скорого свидания, — бодро отвечает Алик.

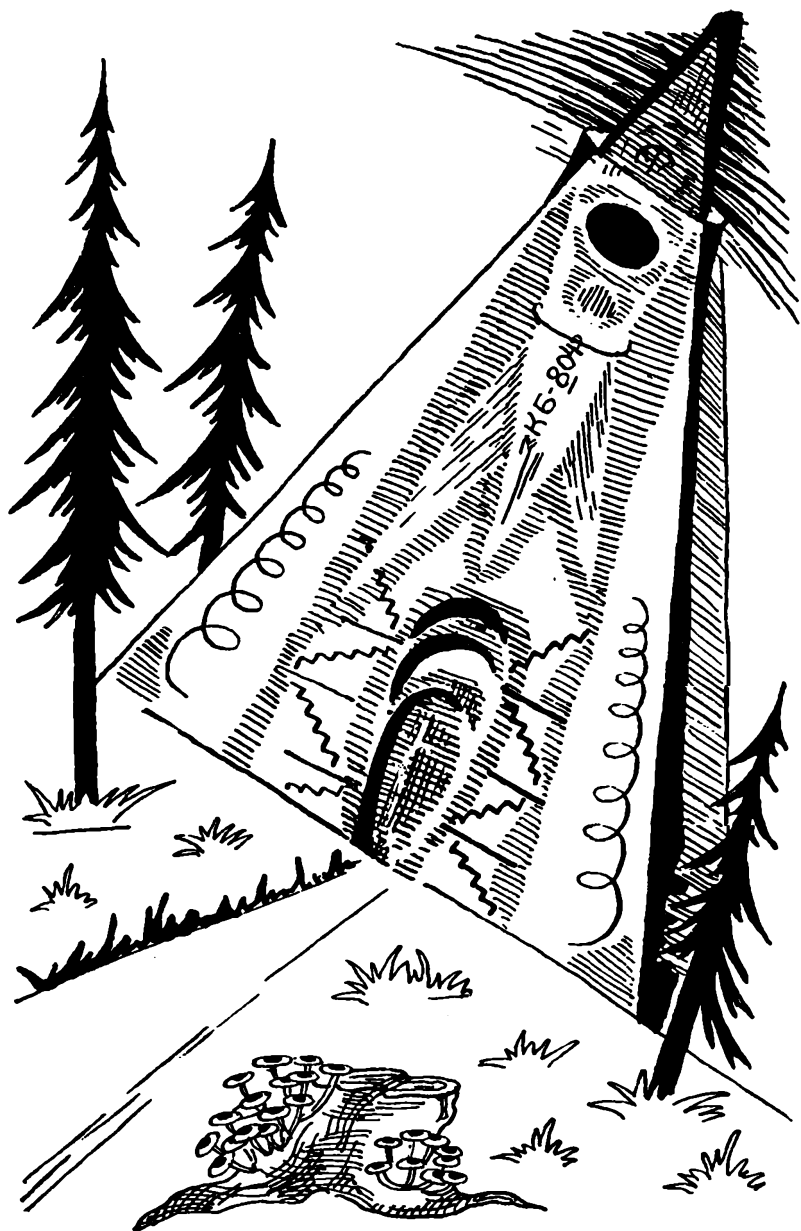
Он продолжает улыбаться, хотя ему отнюдь не весело.

Робик становится на квадрате лифта — и исчезает.

Алик один.

Алик снова вливается глазами в экран: главное оружие

бьет по Реке добела раскаленным огненным молотом.

— Разведчик, рапорт о положении! — приказывает он решительно и бесстрастно.

— Принято! — отзывается послушный голос.

Алик снова впивается глазами в экран: главное орудие бьет по Реке добела раскаленным огненным молотом, и каждый его удар превращает каменные волны Реки в ничто.

Разведчик отдает рапорт:

— Обстрел Черной Реки идет по плану. Пилотаж и обслуживание батареи — без помех. «КБ-803», ведомый людьми, потерял связь в момент «17-АМ-4». Попытки восстановить связь пока безрезультатны.

— Дальше.

— Робот-хранитель с разрешения командира-человека находится на пути к резервному боевому космолету. Сообщать очередность действий робота-хранителя?

— Да.

— Принято, — подтверждает послушный голос. — Действия таковы: сейчас мы переносим робота главным скоростным лифтом в Стартовую башню. Одновременно идет проверка резервного космолета «КБ-804». Проверка подтверждает полную стартовую готовность «КБ-804». Робот находится в Стартовой башне. Получает разрешение на вход в «КБ-804». Входит на борт «КБ-804». Герметизация шлюза «КБ-804». Робот в полной стартовой готовности. Просит включить тягу. Передает привет. Включение тяги «КБ-804», полная стартовая готовность. Внимание — старт!

— Счастливого пути, Робик! — кричит Алик, внимательно глядя на то, как в контрольном экране от сверкающего позиционными огнями Разведчика отрывается по гигантской дуге не-

большой веретенообразный силуэт, как он взбирается все выше, наперерез Черной Реки.

— Спасибо! — слышится тихий голос Роби-ка. — До скорого свидания!

Только что Алька с ведьмовской улыбкой сказала: «Что же ты молчишь?», только что Ион собирался с ответом, только что он его нашел (и отлично помнил потом, что ответ был совсем неплохой, в меру ехидный и в меру дружелюбный, хотя он и не мог никак вспомнить его содержание) — и вот в эту секунду, когда он открыл было рот, чтобы ответить, боевой космолет «КБ-803» метнулся от неожиданного мощного толчка. За ним — второй, третий, мгновенное затишье — и снова, снова, снова.

— Это еще что? — рассерженно восклицает он.

Алька тотчас отвечает:

— Контрольная таблица. Смотри на таблицу. — И голос ее звучит при этом так, будто они говорят о погоде на Тритоне.

Ион еще успевает подумать, что Алька — девчонка экстра-класса. На контрольной таблице — грозная алая надпись: «Блокировка рулей».

— Так. Значит, мы все-таки влезли в эти помехи, — спокойно комментирует Алька. — И что дальше?

— «КБ», — приказывает Ион, — рапорт!

Контрольная таблица тотчас вспыхивает надписью: «Автопилотаж невозможен. Волны обнаружения и разведки не отражаются. Автоматы отказываются работать. Проведена полная блокировка рулей».

— Это что такое? — не выдержала Алька. —

Каким чудом волны Рапера могут не отражаться?

Ион припоминает очень подходящее древнее изречение: «Есть многое на свете, что и не снилось нашим мудрецам» — и вдруг в восторге от пришедшей ему в голову глупой мысли смеется:

— Их, наверно, проглотила какая-нибудь космическая рыбина в Черной Реке.

— Ты так думаешь? — шепотом спрашивает Алька.

— Глупости, — злится он.

— Прямо-таки невероятная глупость, — резко говорит она. — Ты должен космолет вести? Так веди!

— Верно! — немедленно соглашается он, удобнее усаживается в кресле, стискивает пальцы на рукоятках рулевого управления, ставит ноги на педали скоростей и тормозов.

Итак, их черед все-таки наступил. Автоматы беспомощны. «КБ-803» самостоятельно заблокировал двигатели и рули. Теперь космолет летит по инерции, как камень. Действуют только так называемые лучи безопасности. Натываясь на грозящие препятствия, они сразу же включают добавочную тягу, отбрасывающую космолет от преграды. И если в направлении броска тоже находится преграда, космолет начинает тот самый танец, который только что ощутили Алька и Ион.

— «КБ», — спрашивает Ион, — каково запоздание относительно плана операции?

Контрольная таблица отвечает надписью: «28 целых 21 тысячная секунды».

— Каково допустимое опоздание?

«25 сотых секунды».

— Добро, — бурчит Ион. — Начинаем нагонять.

Ион глубоко выдыхает, слыша рядом спокойное дыхание Альки. Улыбается и спрашивает:

— К полету готова? Внимание! Снимаю блокировку двигателей и рулей.

— Готова.

— Старт! — Ион включает тягу.

С этой секунды боевой космолет Разведчика, именуемый в документах Главной Базы «КБ-803», впервые со времени пробных полетов переходит под непосредственное управление пилота-человека — Иона Согго, Аккра, Сатурн.

* * *

Ион считался способнейшим учеником школы пилотажа во всей Аккре, даже во всем округе. На экзаменах на младшем курсе он получил отличие и малую звезду кандидата в Школу высших скоростей. За месяц до прибытия на Разведчик он выиграл первенство континента среди пилотов-юниоров.

Но теперь все выглядело несколько иначе, чем на экзамене и на соревнованиях. Можно было бы рискнуть сказать, что любой здравомыслящий юниор при виде такой машины, как «КБ-803», просто перешел бы на другую сторону стартового поля. Просто так, на всякий случай. Не из страха — страх, как известно, дурной советчик, — а просто из уважения к правилу, которое говорит, что излишняя храбрость еще более дурной советчик, чем страх.

Но Ион оказался в таком положении, что он должен был взяться за рули «КБ-803» и ему

пришлось принять непосредственное командование полетом. А когда приходится, можно иной раз совершить множество неожиданных и невероятных вещей.

Пока не пришла пора взять в свои руки управление великолепнейшим в мире боевым космолетом, ему казалось, что за все блага на свете он не сможет проделать даже простейшего маневра. Ведь ему предстояло взять в руки не только тяговые рули космолета «КБ-803» — он брал в них тем самым человеческие судьбы: свою, Алькину и прежде всего экипажей Альфы и Беты. Что может быть больше? Даже не то было самым важным, что там были Елена и Орм. Но жизнь и судьба всех этих шестидесяти человек была в эту минуту величайшей ставкой в игре человечества с бесконечностью Галактики. Космос снова воспротивился людям. В секторах, где никогда до сих пор не отмечалось угрозы метеоров, появился опаснейший и величайший из когда-либо встречавшихся космических врагов. И еще раз слепая судьба играла против людей, и на этот раз она привела к тому, что исход великого дела оказался в неумелых руках четырнадцатилетнего мальчишки и тринадцатилетних близнецов. Смогут ли они поднять эту тяжесть?

Игра началась. И вот этот четырнадцатилетний мальчишка взялся за рули боевого космолета «КБ-803» спокойно, и даже с улыбкой вызывающего мужества, и даже... с радостью. Да, ему предстояло выполнить задачу, трудность и сложность которой не укладывались в воображении. Ему предстояло выполнить ее с помощью машины. Тончайшую, тоньше дыхания, дрожь ее автоматов он ощущал под руками. И знал: это

великолепная машина! Что из того, что ее автоматы искалечены невероятным и страшным врагом? Это ничего. Конечно, автоматы точнее и быстрее человека, но ведь построил их все-таки человек. И именно человек, вопреки своей медлительности и неуклюжести, умеет, когда нужно, преодолеть больше препятствий, чем смог бы не наихудший автомат. Только нужно для этого быть... человеком.

Итак, первый поворот рулей. Секунду спустя — второй. «КБ-803» плавно, словно просыпающаяся, но уже гибкая рыба, обходит два первых преграждающих ему дорогу препятствия, два метеора; каждый из них много больше Разведчика.

— Совсем неплохо! — говорит Алька.

— Отличная машина! — бормочет Ион.

Потом снова наступает тишина, потому что перед «КБ-803» уже выросли новые скальные махины, а мгновение спустя Ион швыряет космолет, как мяч, нечаянно включив всю систему боковой тормозной тяги. Но он тут же выравнивает космолет и незаметно переводит дыхание: какое колоссальное облегчение! Он испытывает глубочайшую благодарность к Альке за то, что она не съязвила на его счет.

— Извини, — шепчет он.

— Разумеется. Ты и так исключительно добро ко мне. Я на твоём месте давно бы уже врезалась в скалу.

Голос ее звучит более чем дружелюбно.

— Не болтай глупости, — нарочито скромно протестует он.

— Это не глупости!

Ион уже не отвечает. Он включает добавоч-

ную тягу и, пожалуй, чересчур лихо проносится между двумя глыбами, перепрыгивая по пути через третью.

Что происходило в это время с Альфой и Бетой? Сейчас этого не знал никто на свете. Известно было лишь, что их уносит в пустоту и мрак каменное течение Черной Реки. Известно было также, что на большом расстоянии от них продвигается третий космолет — воин и спаситель «КБ-803». Он еще не начал своей битвы с Рекой. Но он прибыл сюда, в ее поток, именно затем, чтобы начать эту битву.

Битва с Рекой, впрочем, уже началась. Ее начал Разведчик. Бой шел в молчании, в огромном отдалении от «КБ-803», и все-таки Алька вдруг вздрагивает и говорит тише, чем ей самой казалось:

- Ты тоже видишь?
- Что?
- Вспышки?

Ион вглядывается в экран. Действительно, на самом краю распахнувшихся перед ним глубин Вселенной пульсирует какой-то неимоверно слабый отсвет. Словно из-за далекого горизонта сверкают отблески сатурнской огненной бури.

— Это Разведчик? — спрашивает он для верности.

- Наверное, он.

Значит, «КБ-803» идет правильным курсом и укладывается во время, предписанное планом Главной Базы! Со стороны вообще может показаться, что обычный рейсовый пассажирский космолет совершает обычный свой маршрут, соблюдая расписание трассы.

Нет! Не могло бы так показаться. И не делайте даже вид, что могло бы. Это разворачивается тяжелейшее для человека испытание, тяжелейшее из всех, какие Система переживала на протяжении многих последних лет.

— Огни видно всё лучше, — говорит Алька.

— Это, наверно, главное оружие.

— Наверное, — соглашается она.

— Что бы с нами было, попади мы под такой «душ»? — замечает Ион.

— Представляю, — откликается Алька.

Она начинает передавать Иону данные контрольной таблицы. Ему некогда — Река все сгущается, ему приходится лавировать, он чуть сходит с курса, ускоряет, тормозит, снова ускоряет.

— Слушай, — вдруг произносит Алька. — Сейчас начинается вторая часть работы.

Он не сразу понял.

— Когда «сейчас»?

— Минуты через три.

— Давай! — Он искоса посмотрел на нее.

Она была совершенно спокойна, хотя именно для нее начался час испытания. Сейчас ее занимала лишь загадка исчезновения радиоволн.

— Что же это все-таки такое? — риторически вопрошает она. — Что с ними происходит?

— С волнами?

— Да.

— Я ведь тебе говорил! — едва сдерживаясь, отвечает Ион. — Что-то их глотает. Какой-нибудь космический обжора!

— Успокойся, — говорит Алька. — Если это, например, минерал, способный поглощать или

погашать радиоволны, это было бы самое сенсационное открытие в минералогии за последние пятьдесят лет.

Ион иронически усмехается.

— Ах, — говорит он, — я и забыл, что ты интересуешься еще и минералогией!

— И даже очень, — отвечает Алька. — Но...

— Мы укладываемся? — прерывает ее Ион.

— Да. Но только теперь, дорогой, тебе уже придется самому следить за контрольной таблицей, — невозмутимо продолжает Алька. — Через двадцать секунд я начинаю.

Он замолчал. Движением руки перебрал на экран пилота основные цифры с контрольной таблицы — скорость по плану, фактическую скорость, поправки на скорость и запас топлива.

— Ну, — говорит он, — держись, Алька!

— Держись сам, — говорит она. — И...

— Готов! — шепчет он с нескрываемым восторгом. Какая девчонка: первым же выстрелом безошибочно, как в показательном видеофильме или на конкурсных стрельбах, Алька разнесла в прах небольшую глыбу, возникшую прямо перед ними!

Так началась главная часть задания «КБ-803». Та, которая должна была решить всё.

Но прежде чем рассказать о ней, вспомним еще, что в некотором — неопределенном пока что отдалении от «КБ-803» и с неизвестной пока что скоростью движется еще один боевой космолет резерва Разведчика «КБ-804», пилотируемый роботом-хранителем (тип УЧА 11/48,

модель А, сатурнийского производства), тот самый, которого Ион Согго сокращенно именует Робиком.

Кроме того, нужно рассказать читателю о том, что в то самое время, когда Алька нанесла свой первый удар по каменным волнам Черной Реки, на Разведчике разразилась неожиданная, но кратковременная тревога.

— Командир! — кричит голос. — Помехи в системе обнаружения. Бери огонь на себя!

Алик слышит это и даже не вздрагивает... В сущности, он все время этого ждал. Он даже не отвечает — не хочет терять времени. Как-то неопределенно и странно улыбаясь, Алик Рой открывает прямой огонь по Черной Реке. И хотя орудиями командуют такие неуклюжие, медлительные и примитивные инструменты, как человеческие глаза и руки, орудия бьют без промаха.

Навстречу Разведчику все так же несутся каменные волны и каменные лавины, огромные обломки скал и сыпучий песок, гигантские сполохи и веер искр.

Алик, все так же улыбаясь, накрывает их кружком прицела. Он даже успевает припомнить очень подходящее слово.

— Ненавижу! — шепчет он, разбивая невероятной белой вспышкой огромную ноздреватую глыбу метеора...

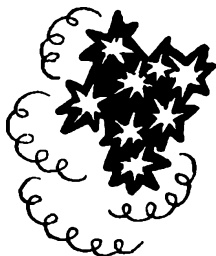
— Ненавижу! — повторяет он, разгоняя обезумевшее стадо мелких искр по каменной лавине. — И тут же, пользуясь секундной передышкой, спрашивает: — Рапер? Ты определил источник или причину помех?

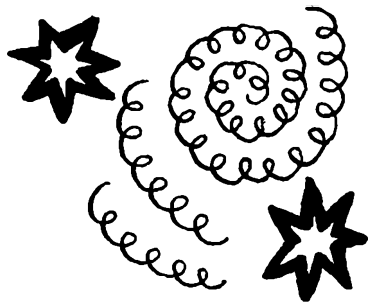
Ответ задерживается. Видимо, мозг Рапера хотел основательно выполнить приказ и настой-

чиво искал ответа. Но ответ звучит не так, как хотелось бы Раперу:

— Говорит Разведчик. Не могу определить, командир.

Но командир уже не слышит. Он ведет огонь громадными сериями вспышек, от которых, кажется, вспыхивает вся космическая бездна.

БИТВА ЛЮДЕЙ ПРОТИВ ЧЕРНОЙ РЕКИ, НАЧИ-
ная с первых выстрелов Разведчика и космолета
«КБ-803», развивается согласно разработанной
в Главной Базе программе.

Подробное описание этой битвы перешло в
учебники истории, стало предметом изучения на
высших курсах звездного пилотажа. Да и нельзя
вообще представить себе все подробности без
карт 12-го сектора, без документальных записей
контрольных показаний, без телерапортов, пе-
редававшихся и внешними и внутренними теле-
камерами Разведчика.

Поэтому здесь мы вынуждены ограничиться
лишь общими и схематическими данными.

Вот как они выглядят.

Восьмого марта 862 года Ранней космиче-
ской эры точно в 15 часов 51 минуту 6 секунд
(с точностью до одной сотой секунды), по уза-
коненному во всей Системе времени, экипажи
космолета «КБ-803» и Разведчика одновремен-
но начали пробивать проход в Черной Реке. Это
можно сравнить с тем, как если бы два неболь-

ших бура пытались пробить туннель сквозь огромную и мчащуюся с невероятной скоростью скалистую гору. Пользуясь этим туннелем, они намеревались вытащить из недр горы два других завязших в ней бура.

Поскольку программу действий для них составили самые талантливые умы человечества, буры начали свою работу исключительно точным и разумным образом. Они не пробивали свои туннели на ощупь, беспомощно. У них были свои расчеты, и они подходили к затерянным чуть сбоку, искоса, прокладывая кратчайшую дорогу к тому месту, где они должны были находиться.

К сожалению, это место не было известно точно. Экипаж «КБ-803» должен был вести свой поиск в значительной мере «по чутью». Положение отчаянно осложнялось еще тем, что с некоторого времени спасатели двигались совершенно вслепую. И дело не становилось лучше от того, что глаза их видели по-прежнему. Уже тысячу лет известно, что в космосе от слепоты спасают лишь радио, радар и система обнаружения.

Дополнительную, и огромную, угрозу создавало само оружие спасателей. Если позитронometами управляли автоматы, выстрел попадал на расчетную дальность с точностью до сантиметра. Хватило бы обычной защиты из титанита, которой снабжены были все механопланеты, космолеты и скафандры, чтобы человек, попавший в непосредственную близость к вспышке — но вне ее самой — был в безопасности. Но сейчас, в битве с Черной Рекой, огонь вели живые люди, пользуясь своими несовершенными чувствами. Здесь вообще трудно было говорить о настоящей точности. А ведь человек, оказав-

шийся в позитронной вспышке, был обречен, и никакой титанит его не спас бы. Люди об этом знали слишком хорошо. Даже дети помнили о трагической катастрофе на Плутоне, когда вследствие ошибки расчета под огонь автоматически управляемого орудия попал большой рейсовый космолет и в мгновение ока погибло около 2000 человек, — помнили, хотя прошло уже почти 400 лет.

И поэтому, когда на Главной Базе стало известно, что орудия Разведчика и космолета вышли из-под контроля автоматов, Майк Антонов и Назим Шумеро взглянули друг на друга с неподдельным страхом.

— Они потеряли связь, — медленно проговорил Майк. — Значит, они будут вести операцию без помощи автоматов?

— Да... — шепнул Назим.

— А если... — начал Майк.

— Вдруг... — выговорил Назим.

Но ни один не закончил свою мысль.

И тут заговорила Долорес. Она пережила беспокойство и тревогу раньше, чем они. Теперь она была не только спокойна — она была полна надежд.

— О чем вы? — как можно равнодушнее спросила она.

Они молчали.

— Я жду! — многозначительно сказала она.

На Главной контрольной станции, где они находились, по-прежнему тишина. На экране — очертания Черной Реки. Но 12-й сектор слишком далеко, чтобы хоть как-нибудь приблизить изображение.

И все-таки, несмотря на это, на черном контуре Реки внезапно появилась какая-то мель-

кающая рябь, словно отблески неимоверно далеких и неимоверно крохотных молний. В зале слышно только дыхание людей и мурлыканье супера, который неустанно и безуспешно ожидает информацию о сражении с Черной Рекой. При виде этих микроскопических дрожащих вспышек в глубине Черной Реки Долорес кричит:

— Слушайте, они начали операцию!

Назим кивает:

— Именно этого я сейчас и боюсь.

— Отважнейший пилот современности боится? — улыбается Долорес. — Не верю.

— От огня позитронного орудия нет защиты, — напоминает Майк.

Долорес кивает немного печально, немного насмешливо, становится рядом с ними, кладет ладони на их плечи.

Они вглядываются в экран. Долорес притягивает их к себе.

— Мы могли поступить иначе? — спрашивает она.

— Нет.

— Был другой выход?

— Нет.

— Нужно было любой ценой спасти детей?

Молчание. Долорес улыбается насмешливо и тепло:

— Подумайте, ведь так хотел сделать робот. И ведь они сами ему не позволили.

— Они еще дети, — ворчит Назим.

— Нет, — восклицает Долорес. — Это уже мыслящие люди. Вот уже несколько лет мыслящие люди. Мало этого?

— Нет.

— Вы думаете, они бы нам простили, если бы мы спасли только их?

— Наверно, нет.

— Наверно?

— Наверняка... нет.

Последнее «нет» Майк и Назим произносят одновременно. Майк поднимает на Долорес уже светлеющие, но очень измученные глаза и говорит ей:

— Спасибо.

Она проводит рукой по его седой гриве. «Сколько седины прибавилось сегодня?» — думает она.

— Но я не могу об этом не думать... — начинает Назим.

— Довольно! — перебивает Долорес. — Ты, отважнейший! Что ты трусишь за них? Они тебя не просили! Сами-то они, наверно, не трусят!

Майк поворачивается к суперу.

— Скажи, супер, трусят они или нет?

Все экраны, таблицы и циферблаты суперя ярко разгораются. Супер — это триллион одновременных логических комбинаций. Триллион не отвечает целых семь — долгих, как вечность, — секунд. Потом он сообщает с обидой в голосе:

— Супер не знает.

Долорес прыскает. Ну что за шутки спрашивать суперя, когда у него, бедняги, нет исходных данных! Ей немного жаль беднягу.

— А что ты предполагаешь? — спрашивает она.

Великолепнейший электронный мозг во всей Системе на сей раз испытывает явное оживление. Ответ звучит тотчас.

— Супер предполагает, — говорит он умудренно, — что они могут, но не обязательно.

И не успевает довольный собой — ответил! — Супер замолчать, как Долорес, Майк и Назим раздражаются — впервые сегодня — громким смехом.

Они хохочут, хоть ничего еще не известно, ничего не выяснено. Но в их смехе звучит надежда, несмотря на то что операция против Черной Реки именно сейчас вошла в критическую фазу.

* * *

О том, что от огня орудия нет защиты, первым подумал Алик. Он подумал об этом раньше, чем сестра и Ион, потому что Разведчик раньше, чем «КБ-803», открыл огонь. И эта мысль была для Алика самой страшной за весь этот страшный день.

А ведь Алик к тому же никогда еще в жизни не чувствовал себя таким чудовищно одиноким, как сейчас. Конечно, о его — и своей — безопасности заботится незримо присутствующий Разведчик, но ведь речь идет не о таком присутствии. Если бы рядом был хоть на минуту любой человек — дружелюбный, понятливый. Пусть даже такой как будто бы человек, как Робик. Впрочем, Робик, конечно, не понял бы, в чем дело. Он бы спросил своим вежливым голосом: «Чего ты боишься, если тебе не грозит опасность?» А если б Алик обиделся, он бы извинился и пустился в объяснения, что он — увы! — не человек и потому — увы, увы! — совершенно беспомощен именно в области эмоциональных конфликтов. И все-таки даже такой разговор был бы сейчас счастливейшим событием.

Алик старается не думать. Он берет в кружок прицела все новые и новые приближающиеся к нему громады. Нажимает огневые клавиши орудий. Взламывает очередные волны и гребни Черной Реки. И все это время усиленно старается не думать. Совсем не думать. Но разве можно хоть бы только подумать о том, что не будешь думать? Ведь само думание о недумании уже есть думание!

— Идиот! — со злостью обрушивается он на себя.

— Не понял, командир, — откликается сверхвежливый голос Разведчика.

— Молчи! — выкрикивает Алик, совершенно выбитый из равновесия этим неожиданным вмешательством Разведчика.

— Принято! — шепчет голос.

Алик ощущает стыд. Совсем не потому, что все здесь, кроме его собственных мыслей, записывается и станет потом известным всему миру. Он ощущает стыд перед самим собой.

— Отменяю приказ, — говорит он. — И прошу прощения.

— Принято. Пожалуйста.

Алик умолкает, потому что к Разведчику приближается новая густая волна мелких, как град, метеоров.

Секунду спустя он спрашивает:

— Разведчик?

— Слушаю, командир.

— Когда мы выходим к тому району Реки, где должны находиться Альфа и Бета?

Разведчик отвечает не задумываясь:

— Через двенадцать минут.

— Уже? — с ужасом шепчет он.

— Через одиннадцать минут пятьдесят де-

вать секунд... пятьдесят восемь секунд, — начинает Разведчик отсчитывать время.

Алик намеревается было приказать ему замолчать, но тотчас успокаивается — это то, чего ему не доставало. Пусть говорит!

— Разведчик! Непрерывно сообщать время! — приказывает он.

— Принято, — отвечает голос. — Пятьдесят пять, пятьдесят четыре, пятьдесят три.

Алик, улыбаясь и прищутив глаза, накрывает кружком прицела новую группку мчащихся прямо на Разведчика метеоров и нажимает огневой клавиш. В пространство вылетает столб огня, и его самый дальний отсвет достигает удаленного на восемь миллиардов километров экрана Главной Базы.

* * *

— Мы укладываемся? — спрашивает Алька.

— Да.

— Когда можно ожидать выхода в их район? — спрашивает она еще, и вдруг Ион чувствует, что деревенеет: в ее голосе звучат еле сдерживаемые слезы.

Он не спрашивает, что с ней. Он, как и она, думает о том, что потрясло Майка и Назима на Главной Базе, что мучает Алика на Разведчике, что теперь звучит слезами в голосе Альки.

Но он еще мало знает ее. Он не успевает собраться с ответом, как она снова произносит абсолютно спокойным голосом:

— Это минутная слабость, Ион. Я испугалась. Это прошло. Скажи — когда мы войдем в их район?

Ион на мгновение выключает тягу и смотрит на перечень данных на контрольной таблице.

— Через одиннадцать с половиной минут.
— Что?! — почти кричит она.
— Если приборы не врут! — сурово добавляет он.

— Ты думаешь... они тоже?
— Все возможно.

«КБ-803» несколько секунд плывет в густой каменной икре, выходящей прихотливой, но отчетливо видной лентой. Вещество Черной Реки, окружающее космолет, вновь изменилось: вместо огромных бесформенных глыб, чернее вечной космической ночи, теперь появляется густая, посверкивающая в отблесках залпов лавина мелких метеоритов.

Она окружает космолет со всех сторон. Она как ледяное сало. Как ледовая лавина, в которой виднеется лишь узкий, словно пробуренный туннель.

Влезть в эту кашу? Это еще хуже, чем стукнуться носом космолета в сплошную скальную глыбу. При ударе от литой скалы можно отскочить рикошетом без особого ущерба, а в этой каше утонешь, как в формалиновом болоте Венеры.

— Ион! — шепчет вдруг Алька таким странным голосом, что по спине Иона бежит холодок.

Ион торопливо шепотом спрашивает:

— Что?

Она отвечает так же торопливо:

— Ион! Эта дорога... она ведь не возникла сама... Ты подумай: как она возникла?

Его сердце бешено рванулось:

— Да! Алька, дорогая, дружище! Ты права, это они!

— Осторожней! — ворчит она, словно злясь, но в действительности счастливым голосом, и —

об этом уже знает только она — ее глаза полны слез.

Что из того, что Ион чуть не влез прямо в это мелькающее метеоритное болото! Важнее всего единственный надежный факт: они попали на свежий след Альфы, или Беты, или даже их обеих. Ион немедленно поправляет курс, нос космолета почти врежется в метеоритную кашу. Два малых боковых орудия вовремя изрыгают огонь, дорога свободна.

— Уфф! — Ион переводит дух. — Ну и дурак же я!

— Не преувеличивай, — щебечет Алькин смех. — У тебя были все основания поглупеть.

— Это же наверняка их след! Наверняка, наверняка! — повторяет он, осторожно ведя «КБ-803» по этому коридору или туннелю в метеоритной каше.

— Они должны быть уже близко! — шепчет Алька. — Я выключаю орудия.

— Правильно, — соглашается он. И вдруг начинает распевать голосом опереточного героя глупейшую арию: — О пра-а-авильно!.. О пра-а-а-авильно!..

Оба смеются.

На контрольной таблице помигивают цифры отделяющих их от встречи с Альфой и Бетой минут и секунд. Они уже очень близко.

— Ау, ау! — кричит Алька, как будто они просто вышли на прогулку в горы и немного заблудились в тумане.

Это выглядит очень смешно и приводит Иона в восторг. Ему хочется ответить таким же «ау!», которое он, сатурниец, знает только по видеофильмам (потому что на Сатурне самый отваж-

ный человек не решился бы «немного заблудиться в тумане», а уж тем более не пытался бы спастись криком «ау! ау!»). Ион улыбается, уже готовится закричать и...

И вдруг перед ними, точнее, вокруг них словно разверзся дьявольский ад. Все вокруг заполнено каким-то бессвязным бредом и бессмысленными воплями.

— Что это? — изо всех сил вопит Ион.

— Ио-он! — изо всех сил кричит Алька.

И они не слышат друг друга.

Внешне как будто бы ничего не произошло. Изображение в обоих экранах даже не вздрогнуло. «КБ-803» по-прежнему медленно, на самой слабой тяге идет по туннелю в метеоритной каше.

Но вокруг них действительно будто разверзлось пекло, битком набитое воющими чертями. Все потонуло в невероятном шуме — шуме тысяч перебивающих друг друга голосов, стонов и смехов, словно крик тысяч осужденных или, проще говоря, словно одновременный визг тысячи взбесившихся радиоприемников. На мгновение Ион и Алька перестали слышать даже собственные мысли. Они лишь чувствуют, что теперь не так важно понять, в чем причины этого мерзкого визга, не стоит пытаться избежать его или налаживать связь друг с другом. Важно только одно: удержать «КБ-803» на курсе, не дать ему втянуться в уплотняющуюся тучу мелких метеоров. В эту минуту каждый из них был один, наедине с собой.

Может ли быть? Ведь их разделяло всего два метра!

Да. Но ни один не мог позволить себе оторвать взгляд от контрольных экранов. И именно

потому, такие близкие, они стали вдруг страшно одинокими. Их разделяла непреодолимая стена грохота, криков и визга.

«Какая гадость! — с отвращением думает Ион. — Какая проклятая гадость!»

И вдруг он услышал. И, услышав, понял.

Из безумного воя начали вырываться знакомые звуки, знакомые голоса. Казалось, будто в огромной толпе со всех сторон кричали всего лишь несколько голосов и будто то, что они кричали, вдруг чудовищно размножилось в сотни, даже тысячи безнадежно перепутанных слов, фраз, возгласов и призывов. Вот выплыл вдруг голос Елены Согго! Он повторил раз за разом: «Необходимо, во-первых: все рапорты... Необходимо, во-первых: все рапорты...» Елену прервал, точнее, зазвучал одновременно с ней голос пилота Марима: «База на Тритоне»... В это время с разных сторон двадцать более тихих голосов Елены и сорок более громких голосов Марима повторяли совсем иные слова и обрывки фраз, а еще раньше звучали голоса Яна и Чандры Рой, и голос Майка Антонова, и его собственный — да, голос Иона, который то с одной, то с другой, то с десятой стороны восклицал с одинаковой и зловещей радостью: «Да! Алька, дорогая! Ты права», «Да! Алька, дорогая!» И снова: «Да, Алька!» И снова: «Это они!» И рядом голос Орма: «Внимание, Альфа!» И голос Чандры: «Будь спокоен!» И крик Марима: «База на Тритоне!» И вдруг, сразу со всех сторон, веселый, щебечущий смех Альки, тысячекратно умноженный и оттого уже какой-то устрашающий.

Ион в отчаянии почувствовал, что у него уже начинают дрожать руки и что он вот-вот вынуж-

ден будет оторвать взгляд от экрана, потому что ничего уже не понимает и ни во что не верит.

— Что за проклятое эхо! — кричит он с дикой злостью, чтобы хоть на миг заглушить этот ошалевший вой тысяч знакомых и нечеловечески чужих голосов.

«Да... эхо», — уже про себя повторяет он.

И от этого слова, или, точнее, благодаря ему все вдруг становится ослепительно ясным, как блеск Солнца на Меркурии. Эти дьявольски знакомые и дьявольски чужие звуки были попросту голосами, унесшимися в пространство на гребнях радиоволн и схваченными в какую-то чудовищную ловушку. Теперь они трепещут в ней, как рыба в сети, и не могут пробиться наружу, и возвращаются тысячами эхо.

И стоило лишь Иону понять причину, как и сам шум становится куда более терпимым. Он даже как будто стихает. Ион снова может сосредоточиться на контроле за экранами и рулями. Правда, еще раз с еще большей силой начинают кричать голоса Елены и Чандры, и тысячекратно умноженная Алька снова смеется отовсюду, но уже через несколько секунд шум начинает стихать, отдаляться, исчезать...

В нижней части своего экрана Ион увидел цифру «4», — до Альфы и Беты остается всего лишь 4 минуты полета. Трудно поверить, что это так. Как предвидит программа, Ион должен уменьшить скорость до минимальной; он делает это и вдруг чувствует, что... оглох.

Вокруг чудесная, идеальная тишина.

«КБ-803» идет расширяющимся коридором. Поле мелких метеоров постепенно редееет.

Ион краем глаза бросает взгляд на Алькино кресло. Альки в кресле нет! Она покинула пост!

«Эта девчонка сошла с ума, она хочет погубить себя, меня и всех нас», — думает он с отчаянием и гневом.

Как она могла? Во-первых, покинуть огневой пост, во-вторых, выйти из защитного скафандра, в-третьих, вообще исчезнуть из поля зрения?

Достаточно?

Вполне достаточно для того, чтобы дисквалифицировать ее на соревнованиях.

И вдруг с величайшим изумлением он ощущает, как с него сползает защитный скафандр. С криком ужаса, теряя на миг управление, он отчаянно хватается за тормоза; ему кажется, что предоставленный самому себе космолет «КБ-803» сейчас врежется в белую, перебегающую огнями стену метеоритов.

Но это ему лишь кажется. На запасном кресле пилота он вдруг видит... Альку.

— Бери управление! — спокойно приказывает она. — Быстрее!

Он инстинктивно и вместе с тем уверенно выполняет приказ. Он уже на ее стороне; он видит, что она поступила самым разумным образом.

Она, однако, жаждет оправдаться.

— Прими объяснения, командир, — торопливо говорит она. — Первое: ушла с поста, чтобы прервать радиоприем. Эти волны были невыносимы.

— Ты права, — соглашается он.

— Второе: я могла это сделать, потому что в этом районе уже нельзя стрелять. Третье: считаю, что нужно выключить скафандры. Нам нуж-

но быть в постоянной связи, а в скафандрах действует лишь радио. Правильно?

— Ты поступила совершенно правильно, — отвечает он.

Глянув на таблицу, запыхавшаяся Алька добавляет:

— Всего минута? Какая у тебя скорость?

— Двести в секунду.

— Точно, — шепчет она.

— Да, точно, — говорит он с неожиданной суровостью. — Довольно болтовни, Алька: через десять секунд я объявляю тишину на борту.

Она все-таки не выдерживает — не выдерживает ее душа геолога:

— Что же там все-таки такое с этим радиобалаганом? — задумчиво спрашивает она. — Так может вести себя только минерал. Поглотитель радиоволн? Никто ничего подобного не слышал. Сенсация! А может. . .

— Тишина! — резко обрывает ее Ион.

— Хорошо, командир, тишина, — покорно соглашается Алька.

Ион начинает торможение. Сердце его колотится, как никогда. У него совсем нет уверенности, что именно в рассчитанный супером момент он встретит Альфу и Бету, но он обязан именно к этому моменту снизить скорость своего космолета до нуля.

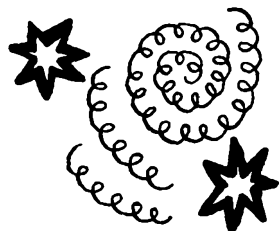
Он тормозит осторожно и очень медленно, и все-таки кровь приливает к глазам, в рот, к кончикам пальцев, к носу. С величайшим удивлением он видит вдруг, что на руку падает красная капля крови. «Мне чудится? — думает он. — А, ясно! Мы без скафандров!»

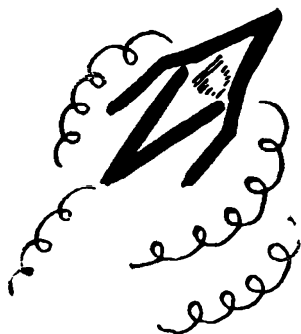
И в то же время он со скрытым удовлетворением замечает, что все идет у него великолепно

но. И что при таком опыте экзамен в Школу высших скоростей ему зачтут «автоматически».

Но эту мысль он уже не успевает додумать. Вопреки приказу, Ион, а еще раньше Алька начинают вдруг кричать:

— Это они! Это они! Это они!

ВСТРЕЧА ПРОИЗОШЛА В САМОЙ ГЛУБИНЕ Черной Реки, на границе Двенадцатой и Тринадцатой Тысяч.

— Это они! — кричит Алька.

— Это они! — кричит Ион.

А в космолетах экипажи столпились у экранов и визиров.

Все уже знали, что только дети с Разведчика могут появиться здесь на «КБ-803». На Альфе эту возможность рассчитал — через полчаса после остановки в Реке — сам Марим; на Бете аналогичные результаты были получены астрографом Иеронимом Брошкидзе. Но только Чандра Рой и Елена Согго искренне верили, что встреча произойдет, и именно они непрерывно дежурили на постах наблюдения в своих космолетах.

И наконец Чандра на Альфе и Елена на Бете увидели. . .

Сколько радости и торжества было в их голосе, когда они одновременно, не сговариваясь, воскликнули:

— Это они! Это они! Смотрите, это они!

И лишь потом на обоих космолетах были отданы рапорты наблюдателей с соблюдением всей формы:

— «КБ-803» подходит по следу, расстояние двадцать километров, сигнализация световая.

И совершенно естественно, что все члены экипажей, кроме пилотов, сбежались к экранам и визирам.

Еще мгновение назад оба экипажа были во власти мыслей о том, что бескрайняя бездна навек поглотила их, что они никогда не вернуться к людям, на планеты родной Системы, что для них нет спасения.

Никто не хотел покорно ждать конца. Поэтому на обоих космолетах сразу были начаты работы, ставившие своей целью объединение Альфы и Беты. Были «заброшены» первые механические тяги, и уже около часа оба космолета шли рядом.

Одновременно начали научно-исследовательскую работу созданные сразу после катастрофы группы питания, связи, возвращения и исследования Черной Реки.

Люди вели свою работу буднично и спокойно. Острословы продолжали шутить, Орм Согго пел, Марим насвистывал. . . Да и все остальные были оживлены, как всегда бывают оживленными люди перед лицом новых задач, а на этот раз задачи казались особенно трудными.

Ну, а в остальном? Могло бы показаться, что ничего особенного не произошло. Если не считать того, что вместе с Черной Рекой они каждую секунду уносились все дальше в бесконечную, бескрайнюю пропасть.

Конечно, в обоих космолетах знали, что су-

ществует вероятность спасения, но, кроме Чандры и Елены, никто всерьез в это не верил.

И поэтому когда в обоих космолетах раздался голос: «Это они!», а потом: «КБ-803» подходит по следу. . .» — никто, кроме пилотов Марима и Орма, не смог противостоять желанию увидеть приближающуюся помощь.

Смотрели в молчании. Пожимали руки Елене, Яну и Чандре. Кто-то произнес: «Они совершили невозможное». Другой: «Друзья, мы получили надежду на спасение благодаря трем детям».

Мысли людей идут сходными путями. И так же как недавно на Главной Базе Долорес поправила Назима, так теперь на Альфе Эбенезар Лион, один из величайших математиков мира, восстал против словечка «дети».

— Мы получили шанс спасения, друзья, — сказал он, — благодаря трем настоящим людям.

И все, стоявшие вокруг, молча кивнули, соглашаясь. Глаза светились вновь вспыхнувшей надеждой. Космолет, держась на расстоянии, непрерывно информировал о положении с помощью световых сигналов, согласно плану супера.

— Поразительно! — шепнул Лион Елене Согго. — Кто из них пилотирует машину?

У Елены были свои догадки, но она не произносила их вслух. «КБ-803» передавал следующий текст:

«Ион Согго, Алья Рой на борту «КБ-803» прибывают по распоряжению Главной Базы. Имеем задание провести вас через Черную Реку к Разведчику. Отвечайте, брать вас на буксир или вы сохранили собственную тягу?»

Альфа и Бета ответили, что сохранили соб-

ственную тягу. План супера подтверждался и в этом пункте.

«КБ-803» продолжал передавать инструкции:

«Внимание на Альфе и Бете! Программа ближайших действий: «КБ-803» обходит вас и выходит вперед. Затем открывает дорогу в пространстве непрерывным огнем. Альфа и Бета идут за ним на минимальном расстоянии. Предусматривается выход на Разведчика, который должен открыть дорогу к себе. Конец. Подтвердите прием. Повторите программу».

После подтверждения приема у визиров Альфы и Беты, направленных на «КБ-803», остались одни лишь дежурные. На Альфе — Лион и Елена, на Бете — красавица Владимира Альфиери и ее жених Киамото. Остальные, в том числе Ян и Чандра, возвратились на свои посты. В космолетах наступила тишина. Люди избегали даже смотреть друг на друга. Кончились улыбки, кончились восторги. Молчали так, будто неосторожно сорвавшиеся слова могли привести к невозместимой потере, могли нарушить течение событий. Только Ян и Чандра, вернувшись в кабину, где расположился временный астрохимический пост, обменялись несколькими тихими фразами.

Первым заговорил Ян. Он не мог сдержаться, видя тревогу, даже отчаяние в глазах жены, тщетно пытавшейся скрыть свои чувства улыбкой.

— Ты боишься? — шепнул он, обнимая ее. — Ты очень боишься за них?

Она покачала головой:

— Дело не только в этом, — сказала она почти спокойно. — Я не первый раз в жизни умираю от страха за детей.

Что было отвечать, когда и он не мог собраться с мыслями? Ян молчал. Чандра взглянула на него и тотчас поняла, что означает его молчание. Она провела рукой по его лбу.

— Страх не поможет, Янек, — сказала она. — Пожалуй, хуже другое: даже если они будут вести себя как следует, вдруг все это. . . вдруг все это ломает их и нас. . . из-за этих проснувшихся надежд?

— Не думай об этом.

Она сказала с прорвавшимся гневом:

— Как я могу об этом не думать? Не говори глупостей!

Он сжал ее руки.

— Чандра! Нам было бы легче, если бы хоть дети были в безопасности. Но ты подумай: как они жили бы потом, через год, через пять, зная, что могли нам помочь — и не помогли?! Это было бы для них хуже всего, что может с ними случиться здесь. Так или нет?

Он поднял ее голову. Глаза Чандры были словно застланы туманом — далекие и даже чужие. Но понемногу в них начало возвращаться спокойствие.

— Так, — шепнула она.

— Повтори это «так», — сказал он нежно и сурово.

— Так, — улыбнулась она.

Он сел в свое кресло.

— Пожалуйста, продолжим анализ проб — с номера сорок три по сорок семь «а».

Еще до встречи с «КБ-803» они решили провести химанализ пыли, осевшей на панцире корабля при прохождении следов уничтоженных метеоритов.

— Не думай об этом, — повторил он очень

тепло. Потом добавил уже иным, обычным тоном: — Начнем с пробы номер сорок три.

— Я постараюсь, — ответила Чандра.

Воцарилась спокойная, деловитая тишина. Такая же, какая уже несколько минут была во всех остальных помещениях обоих космолетов.

И еще несколько слов произнесено было у визира Беты. Это Владимира шепнула в ухо дежурившего с ней Киамото:

— Лишь теперь я начинаю по-настоящему бояться.

И, когда он непонимающе качнул головой, закончила:

— Боюсь того, что мы обрели надежду.

Он понял. Молча кивнул и положил ладонь на ее руку. Потом, чтобы приободрить себя и ее, поцеловал ее побледневшие щеки.

А в это время космолет «КБ-803», сигнализируя огнями: «Откройте дорогу! Прохожу мимо вас!» — начал обходить оба космолета.

— Они и так сделали уже очень много, — шепнул Киамото.

Они смотрели на экран. Почти рядом с ними по экрану скользил молчаливый силуэт «КБ-803», словно тень стремительной стройной рыбы с поблескивающими рубиновыми глазами.

* * *

В это время на борту «КБ-803» экипаж действовал точно по плану. Алька вела сигнализацию. Ион, положив руки на штурвал, ждал той минуты, когда можно будет бросить космолет вперед.

Альфа и Бета повторили переданный им приказ. Ион перевел взгляд на Альку, сейчас он

должен сказать: «Дай сигнал «Прохожу мимо вас! . . . Откройте дорогу». Но остается еще несколько секунд, Ион знает это и произносит две не предусмотренные планом фразы.

Первая:

— Только теперь начинается настоящая работа, Алька, и только теперь мы можем все выиграть или все проиграть.

Она кивает, не сводя с него глаз. На ее лице такая легкая и добрая улыбка, что он отваживается произнести вторую фразу.

Звучит она так:

— Поскольку есть вероятность, что мы. . . проиграем, я хочу, чтобы ты знала: мне никто никогда так не нравился, как ты.

Она отвечает очень-очень спокойно:

— Я хотела сказать тебе то же самое, Ион. И. . . довольно! Дать сигнал?

В кабине «КБ-803» наступает тишина. Алька, передав сигнал, немедленно возвращается в кресло бортового стрелка. Ион включает тягу «один» и плавной спиралью обходит сначала Бету, потом Альфу. И сразу же перед ними открывается сверкающее поле этих странных, мелких метеоров, словно поле, усеянное тучей изумрудной саранчи. И тотчас Алька открывает огонь из всех орудий.

Это выглядит как удар огромного кулака: в сплошной стене из миллиарда метеоров открывается длинный узкий проход. В него вливается «КБ-803», за ним следом два остальных космолета. Так в глубине Черной Реки начинается безмолвный размеренный танец трех космолетов. Его простые фигуры повторяются с безупречной регулярностью: огненный удар, пробивающий глубокий проход в прихотливо мерцаю-

щей стене, потом плавный прыжок «КБ-803», остановка перед следующим выстрелом, пока за рулями не появятся позиционные огни Альфы и Беты. А тогда? Тогда новый удар огня, новый прыжок первого космолета и новое плавное перемещение идущих его следом великолепных кораблей.

И снова: огонь, прыжок и плавное движение. И снова: огонь, прыжок и движение.

* * *

На всех трех космолетах царит молчание. На Альфе и Бете еще ведут радиоприем, но он доносит лишь чудовищную какофонию, бушующую в потоке этих странных мерцающих метеоритов. Прием ведут только звукозаписывающие системы. Вокруг тишина, потому что люди молчат. Они знают лишь то, что передал им экипаж «КБ-803», а это слишком много для того, чтобы сомневаться, и слишком мало, чтобы всерьез поверить в перемену к лучшему.

А на борту «КБ-803» говорить просто некогда. Можно было бы сказать даже, что там некогда и думать. Сейчас думают руки, глаза, пальцы, лежащие на рычагах, ступни, поставленные на педали тяги и огня. Для Иона существует лишь одно: включить тягу, точно на половине прыжка начать торможение и перед самым выстрелом дать полный тормоз.

Для Альки существует лишь одна задача: дожидаться мгновения, когда нос «КБ-803» почти коснется метеоритной стены, включить «передний малый» — раз, все «боковые» — два и двойное нажатие педали главного орудия — три, четыре — «полный огонь».

Им действительно некогда думать.

Ведь время идет неумолимо, оно убегает, и за ним нужно гнаться, и остается еще дальняя дорога к тому месту, где должен ждать открытый Разведчиком путь — путь к свободе и жизни.

* * *

Приемники и микрофоны Разведчика много чувствительнее и мощнее, чем на «КБ-803». Поэтому первая атака звуковой волны из тысяч голосов, криков, стонов и вздохов чуть не валит Алика с ног. Ему кажется, что он обезумел. А может, это наступил миг катастрофы и Разведчик рассыпается под ударами Черной Реки?

К счастью, он успевает крикнуть:

— Тише!

Рапер послушно выключает динамики.

— Что это? — спрашивает Алик, яростно врезаясь, как в масло, в лавину поблекших метеоритов.

Разведчик добросовестен.

— По-видимому, — отвечает он, — перед нами россыпи вещества, каким-то особым образом поглощающего радиоволны.

— Ерунда, — ворчит Алик, посылая новый залп прямо в россыпи пресловутого «вещества».

— Вполне возможно, — соглашается голос.

— А может, не ерунда?

— Вполне может быть.

В то же время второй, тихий голос Разведчика не перестает ни на мгновение отмечать время, оставшееся до встречи.

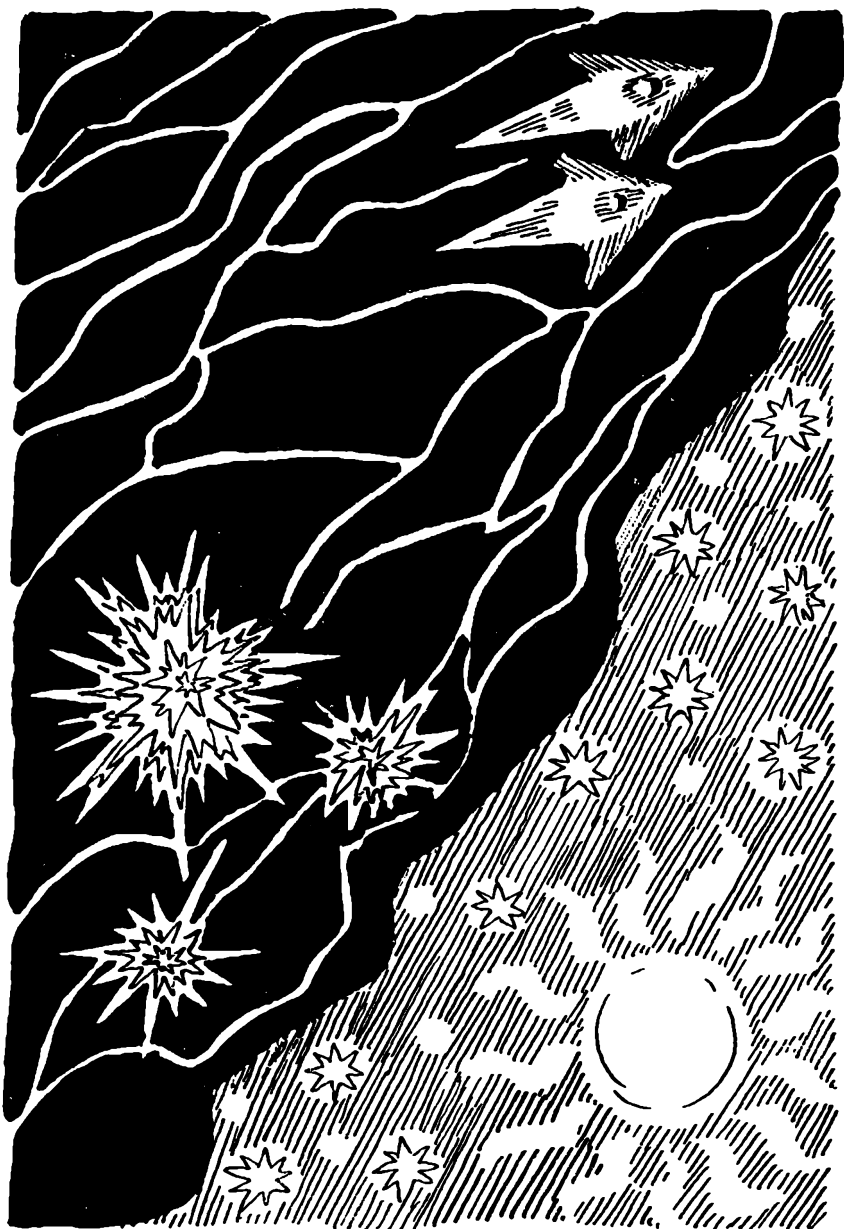
Первый голос спрашивает:

— Не послать ли робота за пробами?

Алик слышит и не слышит его — лава густеет, все труднее

сохранять свободную ориентировку в пространстве.

Алик и слышит и не слышит его — лава густеет, все труднее сохранять свободную ориентировку в пространстве и глубину огня. Он машинально отвечает: «Да, да», а когда голос громко спрашивает: «Какой величины должны быть пробы? Тонна? Две? Три?» — Алик так же машинально повторяет: «Две, три».

— Всего пять, — подытожил Разведчик.

— Давай! — прошипел Алик, с ненавистью вонзая огонь орудия во все более густую, непроницаемую стену.

«Какое свинство! — думает он. — Именно теперь, когда они на подходе, кончается видимость. Именно теперь я не смогу увидеть их сигналов, не увижу ничего! . . . А что будет, — вдруг замирает он, охваченный внезапным отчаянием, — если, не видя, не слыша, я коснусь их огнем?»

— Что произойдет, если они войдут в огонь? — спрашивает он вслух.

— Это будет конец, — отвечает Разведчик. — Либо. . .

— Замолчи! — кричит Алик. И тотчас обрывает себя: — Сообщай время.

Голос послушно возобновляет счет:

— Три минуты. . . восемнадцать секунд. . . Семнадцать. . . Шестнадцать. . .

* * *

«Четыре минуты», — думает Ион. И, повторяя цифру, он включает тягу «один». «КБ-803» резко прыгает вперед.

Этот прыжок отдается, словно удар между глаз. На Ионе и Альке нет защитных скафандров. При каждом скачке внезапное ускорение

толкает кровь к затылку, застилает туманом глаза и вонзается острой болью в крылья носа.

К счастью, ускорение длится очень мало, и боль успевает пройти к тому времени, когда Ион включает малую противотягу. Это начало торможения. Стремительно падающая на них стена Реки начинает все более и более замедлять ход. Потом она останавливается перед самым носом космолета.

Тогда Алька, проведя светящийся круг прицела в самый центр экрана, включает «малый передний». Это только предвестник настоящего удара. Он бьет прямо и глубоко, по слишком малой площади. Поэтому тотчас за «малым передним» Алька включает целый венок «боковых». Глубина их действия невелика, они бьют широко, но поверхностно, лишь очерчивая нужную площадь для главного орудия (как «малый передний» определяет глубину его удара). И сразу же за вспышкой слепящего ореола «боковых» Алька дает двойной толчок по педалям главного орудия. Это и есть знаменитый «полный огонь».

По стенам «КБ-803» проходит легкая дрожь. Без защитных скафандров эта дрожь явственно ощутима. Да и что удивительного: «полный огонь» способен испепелить, точнее, превратить в газ и пар средней величины остров или горный массив.

Дорога снова свободна.

— Три минуты пятьдесят восемь секунд, — произносит Ион на этот раз вслух. И снова включает тягу «один», чуть морщась при этом в ожидании боли.

— Пятьдесят восемь... — шепчет Алька, включает «малый передний», потом «боковые»

и снова «полный огонь». Ибо каждый скачок длится две секунды, ровно две секунды.

На «56» Ион включает «один», на «55» снова вспыхивают «боковые».

«Еще далеко, — думает Ион. — Еще далеко. Но уже меньше, чем час назад. Мы все ближе. . . 51. . . все ближе. . . 49. . .»

О чем думает Алька?

«3 минуты 49. . . 48. . . 47. . . Как страшно, как страшно далеко!»

К сожалению, она имеет право думать так. В ее словах нет никакого преувеличения.

* * *

Те, кому кажется, что три минуты — ничтожный срок, рассуждают, грубо говоря, как грудные младенцы.

Не верите? Вот космолет типа «КБ-803»! Вам достаточно в него сесть. Можете стартовать в защитном скафандре. Старт будет в этом случае очень резким, и если вы стартуете, например, с Тритона, то в секторе Двенадцатой Тысячи вы окажетесь уже через восемь часов.

А затем вам остается лишь дать реке метеоритов захватить вас. А потом начать с ней борьбу. Начать и вести ее в течение смертельных пятидесяти минут. В течение пятидесяти минут, зная, что борьба ведется с помощью самых бездарных, медленных и ненадежных человеческих инструментов, то есть с помощью собственных органов чувств. И еще знать вдобавок, что от исхода этой борьбы зависит жизнь нескольких десятков людей.

Чем измерить каждую такую минуту?! Подумайте сами!

— Две минуты пятьдесят девять... — говорит Ион.

С этого момента начинается время, которое Альке навсегда суждено будет вспоминать, как самое трудное в ее жизни. Она держит себя в руках. Ион ничего не замечает. Но в действительности это был тот момент, когда внезапно начали исчезать и рассеиваться, как дым и туман, все счастливые надежды.

«Значит, уже никогда? — думает она. — Никогда мы не вернемся? Не вернемся, не будем жить, как миллиарды людей, обычно или необычно, в общем, удачно. Наши имена занесут на памятные доски Погибших в Пространстве. И это все?.. Но неужели все? Неужели действительно все?»

— Две минуты пятьдесят шесть... — произносит Ион.

До встречи с Разведчиком остается 3 минуты без 4 секунд. Между тем на огневом посту боевого космолета «КБ-803», на счетчике боезапаса, находящемся перед Алькой, мигает предостерегающе цифра «126». Это означает, что боезапас «КБ-803» составляет 126 секунд. А это, в свою очередь, означает, что для выполнения программы не хватит боезапаса на последние 50 секунд. Казалось бы, мелочь, пустяк. Но ведь последние 50 секунд — это 25 ударов «полного огня». 25 ослепительных залпов, открывающих дорогу к свободе, к Разведчику, в мир жизни.

Когда-то, когда Алька училась плавать, случилось, что всего лишь в нескольких метрах от берега у нее не хватило сил. Она четко различала берег реки, цвета, лица людей; никто не

смотрел в ее сторону, а она не могла выдавить из себя ни единого звука. Эти три-четыре метра реки стали вдруг для нее целой вечностью. А теперь? Теперь, в космических волнах Черной Реки, тот движущийся кошмар разросся самым жесточайшим образом. 50 секунд, всего 50 секунд — и так страшно далеко.

Пока не решилось окончательно, она держит себя в руках. Она старается лишь в очередных залпах «полного огня» немного уменьшить диаметр ударов. Может быть, удастся что-нибудь сэкономить?

Пока что она ведет огонь в точном соответствии с планом «малый передний», «боковые» и, наконец, «полный». И после каждого залпа на таблице боезапаса выскакивает новая цифра, каждый раз меньшая. В конце появится «нуль».

Но раньше ей придется предупредить Иона. Ион остановит «КБ-803» и передаст на Альфу и Бету, что прорваться все-таки не удалось.

Наверно, они сумеют со временем перебраться на Альфу или Бету. В конце концов, их судьба будет не такой уж страшной. Ион и Алька будут с родителями и... друг с другом. Но остальные? Что будет с Аликом? Как вообще это могло случиться? Вряд ли удастся узнать когда-нибудь. Может быть, ошибка в расчетах Базы? Неточность Разведчика? Или разрушительное влияние этой метеоритной каши, сквозь которую они уже никогда не пробьются? Впрочем, что искать далеко: наверно, они сами, лишенные помощи автоматов, слишком рано начали операцию, потеряли время и боезапас. Снова она, неуклюжесть, слабость человека.

Алька стискивает зубы, чтобы не заплакать.

Еще всего четыре. . . три выстрела. Где-то здесь, за метеорной стеной, ждет Разведчик. Они пронесутся мимо. Алик будет ждать напрасно. Что он сделает потом? Будет догонять или вернется?

Еще два выстрела. . .

Алька делает глубокий вздох перед тем, как сказать Иону, что он должен остановиться.

* * *

Алик боится даже мигнуть. Он втыкает столб белого огня в сверкающую густую лавину мелких метеоров и ждет, не снимая ноги с педали главного орудия. Разведчик отсчитывает последние секунды.

«Где вы?! — умоляюще думает Алик. — Заклиная вас, выйдите на Разведчика! Не затырайтесь!»

Наверно, это лишь обман слуха, но ему кажется, что голос Разведчика дрожит от волнения, отсчитывая:

— Десять секунд... девять... восемь...

— По окончании огня немедленно включить искусственное притяжение! — кричит Алик. — На полную мощность!

— Принято. . . Четыре. . . Три. . . Два. . . — считает Разведчик.

Нет, голос не дрожит.

«Когда прекратить огонь? Когда? Если это будет слишком поздно, ничто не защитит их от огня, — отчаянно думает Алик. — Если слишком рано, не сумею открыть дорогу!» И, почти теряя сознание от напряжения, он ждет последнего слова Разведчика, — слова «один», которое должно возвестить о появлении космолетов.

Разведчик произносит это слово.

Алик прекращает огонь.

Ему кажется, что он делает это с величайшей точностью, на какую вообще способен человек. И все-таки. . .

Прямо за огненным столбом мелькнула тень космолета.

Нет! Он не ошибся! Один из космолетов затронул пламя. Только тронул, только коснулся! Это было мимолетнейшее прикосновение поверхности пламени и поверхности космолета. Они всего только лизнули друг друга — пламя и корабль.

Но ведь перед позитронным пламенем нет защиты. К нему нельзя прикасаться безнаказанно.

Космолет, увлекаемый искусственным притяжением Рапера, летит прямо на него — прямо и уверенно, как голубь, возвратившийся в родное гнездо.

Алик в ужасе закрывает глаза: нос космолета отрезан пламенем. Он летит открытый!

Как открытый гроб.

* * *

Произошло следующее.

Алька делает вдох перед тем, как сказать Иону, что боезапас кончился, и в это мгновение прямо над «КБ-803» проносится какая-то огромная тень.

Продолговатая стройная тень.

Это тень космолета.

Он сигналил огнями: «На полном ходу. . . за мной». Тот же сигнал, которым Ион вел за собой Альфу и Бету.

— Это он! — кричит Ион. — Не стреляй!

И вот тут-то Алька все-таки расплакалась.

— У меня нечем! — всхлипывает она.

— Что-о-о? — не понимает Ион.

Но времени объяснять уже нет.

Ведущий их космолет, выбивая непрерывным огнем сразу из всех орудий огромный туннель в серебряной лаве, неустанно сигналил огнями: «На полном ходу — за мной. . . На полном ходу — за мной».

Ион включает все скорости тяги. Внезапное ускорение едва не оглушает их. Ион и Алька стонут, сами того не замечая; на несколько секунд слепнут, не зная того. И все-таки «КБ-803» стремительно, подобно световому лучу, несется вслед за ведущим. А за ним на полной скорости устремляются Альфа и Бета.

В одно мгновение, по одному удару сердца все люди поняли: это пришло спасение.

И наконец, наконец, наконец. . . по очереди: первый космолет, за ним «КБ-803», Альфа и Бета выходят линейным строем, как на звездном параде, на открытую Разведчиком дорогу к свободе. Теперь уже можно выключить тягу — Разведчик невидимыми нитями искусственного притяжения стягивает к себе свои космолеты и, все более наращивая обратную скорость, уводит их от Черной Реки.

Но тот космолет, который открыл остальным дорогу к Разведчику, к жизни и родине, — этот космолет сам возвращается к Разведчику со срезанным пламенем носом.

Он летит, распахнутый, в пустоте, немыслимой для человеческих легких, в ледяном пространстве, убийственном для человеческой жизни, и кабина пилота сожжена у него наполовину.

— Внимание! — говорит Разведчик. — Космолеты Альфа, Бета, «КБ-803» и «КБ-804» входят в Стартовую башню. Внимание, возвращение космолетов.

И на сей раз голос его действительно звучит как сто тысяч триумфальных фанфар.

— Вы здесь! — шепчет Алик. — Как я вам объясню? Как. . .

И обрывает— осознает вдруг, что Рапер возвестил прибытие четырех космолетов, так что, может быть. . .

Еще не веря до конца ни себе, ни Разведчику, не очень веря даже в реальность всего происходящего, Алик бросается к лифту.

— В башню! — кричит он. — Разведчик, в башню!

Он успел.

В Главный Зал он влетает раньше всех. И почти тотчас открываются нижние входы в обеих стенах помещения — проходы из космолетов Альфа и Бета. Экипаж Альфы ведет пилот Марим, экипаж Беты — пилот Орм Согго.

Никто не произносит ни слова, все улыбаются Алику, а Чандра шлет сыну воздушный поцелуй одними кончиками пальцев.

В стене открываются специальные двери — для экипажей боевых космолетов. В первой появляются Ион и Алька. Они все еще мертвенно бледны, синяки под глазами и крохотные следы крови в ноздрах и в уголках губ говорят о полете без защитных скафандров.

Алик стремительно бросается к ним, бежит, ничего не видя, потому что слезы застилают ему глаза.

— Вы живы. . . — шепчет он, думая, что громко кричит, — вы живы. . .

И они обнимаются, все трое. . .

В это время в другой двери появляется Робик. Он такой же, как всегда, — спокойный и улыбающийся. Но что ни говори, а нос его космолета все-таки «лизнуло» пламя, так что без потерь не могло обойтись. У Робика обожжены лицо и левый бок. Левую руку он смущенно прячет за спину.

Видя обращенные на себя взгляды людей, он вежливо кланяется.

— День добрый, — говорит он при этом. — Нам удалось избежать опасности.

И скромно подходит к Иону, которого хватает только на «Ох, Робик! Робик!»

Оба пилота сделали шаг вперед, и Марим, как старший, заговорил:

— От имени экипажей Альфы и Беты, от имени постоянного экипажа механопланеты Десятой Тысячи, именуемой Рапером, выражаю благодарность Иону Согго, Алику и Альке Рой за наше спасение. Одновременно с информацией на Главную Базу направляется просьба о награждении вас орденом Солнечной Звезды.

Ион и близнецы затаили дыхание. Им — Солнечная Звезда? Им — легендарный орден космических спасателей?

Первой опомнилась Алька.

— Благодарим, — говорит она.

— Внимание! — произносит в это время Разведчик. — Подано к столу, обед!

И тут в Главном Зале разражается буря смеха и возгласов. Родители стиснули в объятиях детей, потом их перехватывают другие, растро-

ганный Иероним Брошкидзе астматически сопит, Владимира Альфиери громко и горячо целует Иона. Ион замирает от восторга, и Алька тотчас наливается злостью. Она обводит всех гневно горящими глазами и говорит таким голосом, что сразу наступает тишина:

— Мы сотворили совершенно скандальную глупость!

Растерянный Марим неуверенно спрашивает ее, в чем дело.

Но Алька уже разошлась по-настоящему. С убийственной вежливостью она спрашивает:

— Вспомнил ли хоть кто-нибудь о том, чтобы взять образцы метеоров, поглощающих радиоволны?

Взрослые почти испуганно смотрят друг на друга. Никто не подумал об этом: сначала было не до того, потом — не хватило времени.

— Ну конечно! — восклицает Алька. — Образцов нет! А Река уже ушла, и другой такой случай не представится. Это несчастье для геологии!

«Ну и ведьма! — с восхищением думает Алик. — Прямо из древних сказок!»

Но тут в дело вмешивается сам Разведчик. Он включает передатчики замедленного радиоприема, и Главный Зал Стартовой башни заполняют безумный шум, крик, бормотанье и стон тысячи одержимых голосов. Бесчисленные Чандры кричат: «Будь спокоен, Ион»; сотни Маринов взывают: «Внимание, Тритон»; сотни Янов ищут Альфу; еще кто-то бормочет о секторе АМ 168, 13; а вокруг этого бушует нескончаемый, бескрайний гам непонятных слов, выкриков и вздохов, над которыми взвизгивает пронзительно тонкий и бесконечный смех Альки.

— Тише! — яростно кричит Алик.

Молчание — Разведчик выключил микрофоны.

Алик улыбается Альке.

— Я припоминаю теперь, — говорит он чуть-чуть торжественно, — что во время операции приказал Разведчику взять образцы.

Алька молчит, и выражение лица у нее не самое умное. Зато астрогеологи Сент Бирум и Эрика Восс бросаются к Алику с возгласами «Ура!».

— Сколько? — лихорадочно спрашивает Эрика.

К ней присоединяются в очевидном восторге акустики и связисты.

— Сколько? — Алик теряется. — Я, собственно, не помню. — И поднимает голову. — Сколько там этих образцов, Разведчик? — спрашивает он.

— Две и три, — отвечает голос. — Вместе пять.

— Пять чего?

— Пять тонн, конечно, — невозмутимо отвечает голос.

В ответ взрыв смеха. Смех то затихает, то возобновляется вновь. Разведчик явно доволен эффектом и начинает зазнаваться:

— Внимание, — говорит он, — напоминаю: обед стынет.

Раздаются громкие крики: «Есть! Есть!» — и ленты транспортеров уносят людей в сторону обеденных террас.

Ион остается в Главном Зале. Взяв за руки Альку и Алика, он подходит к Робику.

— Робик, — говорит Ион.

— Слушаю тебя, Ион.

— Ты великолепен, Робик! — изрекает Ион.

— Это сущая правда, — поддакивает Алька.
Робик усмехается.

— Я сегодня не все время был «великолепен».

— Какое это имеет значение! — возмущается Алик.

— Во всяком случае, удалось, — говорит Робик, — хотя еще немного, и я бы. . . исчез.

— Ох, Робик. . . — стыдась, шепчет Алик. — Ты же знаешь, какие мы неточные.

Робик смеется.

— Идите есть.

— А ты? — спрашивает Алька.

— Я. . . — Он немного стесняется. . . — Я должен отремонтировать себе левую руку. После обеда встретимся у бассейна. Идет?

— Идет! — закричали они.

Он следит, как они выходят из башни, потом исчезает на голубом квадрате скоростного лифта.

А они снова едут втроем движущейся дорожкой среди цветов, залитых солнцем.

— Как это все могло случиться? — спрашивает Алька.

— А это вообще случилось? — спрашивает Алик.

— Да! — отвечает Ион.

Алька же, помолчав, говорит:

— Все это могло случиться только по двум причинам.

— По каким же? — интересуется Алик.

— Во-первых, потому что роботы лишены механизма самопожертвования.

— А во-вторых? — вмешивается Ион.

— Во-вторых, — задумчиво продолжает Аль-

ка, — потому что роботы, не имея механизма самопожертвования, не знают границ самопожертвования.

Алик качает головой и бурчит:

— Из того, что ты говоришь, я склонен извлечь еще один вывод. . .

— Интересно, — подхватывает она, ожидая насмешек.

Но Алик говорит совершенно серьезно:

— Мы спаслись лишь потому, что мы люди, которые не только сами готовы жертвовать собой, но умеют строить роботов, которые не знают границ самопожертвования.

— Чересчур заумно! — охлаждает Алька его пыл, а Ион начинает смеяться.

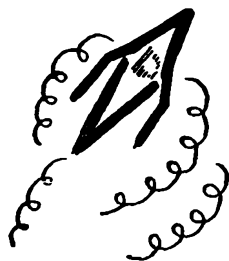
Но тут раздаются голоса:

— Дети, на обед!

Алик в отчаянии разводит руками:

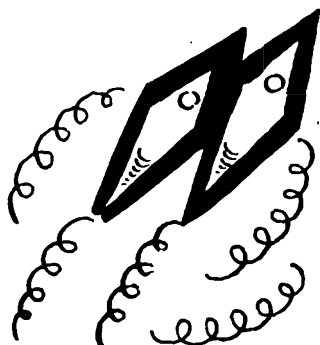
— Пожалуйста! Мы уже опять «дети»!

Впрочем, обед был великолепный, тем более что ели на час позже обычного.

Восхитительное
Октябрь

УТРОМ 8 ОКТЯБРЯ ИОН СОГГО ПРОСЫПАЕТСЯ с улыбкой. Его взгляд падает на Робику. Заметив, что Ион проснулся, Робик машет ему рукой.

Потом Ион проделывает зарядку и произносит при этом несколько очень ритмичных фраз, которые Робик уничтожающе высмеивает за их полнейшую бессмысленность.

Минуту спустя Ион защищает дверь ванной, как вратарь — футбольные ворота. Ему удастся поймать рубашку, штаны, ботинки, куртку, носки, но он позорно пропускает полотенце и трусики.

— Два — ноль в мою пользу, — констатирует Робик.

И оба выпрыгивают в окно.

— Эгей, близнецы! — кричит Робик.

Алик и Алька выскакивают из окон своей спальни.

— Смотрите! — зовет Алька, показывая трепещущего крылышками голубого мотылька.

— Голубянка красивая, — говорит Робик, — или *Licaena Bellargus*.

— Очень приятно! — расшаркивается перед мотыльком Алик.

А Ион морщит лоб, припоминая, задумчиво трет нос и говорит негромко:

— Это уже когда-то было. . .

Но никто не обращает внимания на его слова, и сам Ион тотчас забывает об этом.

После завтрака и плавания в бассейне они ложатся загорать на травянистом пляжике, мягком, как зеленое полотенце.

Ион лежит на спине и смотрит в небо, где на голубом экране искусственного небосвода медленно плывет облако, непрерывно меняющее форму, легко и изящно превращаясь из рыбы в дерево, а потом в веер.

— Что за день сегодня? — лениво спрашивает он.

— Восьмое октября, — говорит Алька.

Алик улыбается.

— А какой год?

— Еще 862 год Ранней космической эры, — гордо произносит Алька, — но если мы долетим. . .

— Мы долетим, — прерывает ее Ион.

Алька ласково, без жеманства и кривляний смотрит на него и продолжает:

— Если мы долетим, а потом вернемся, то этот год станет первым годом Средней космической эры.

Ребята молчат. Молчит и Робик.

Над ботаническим садом разрастается радуга дождя.

...Заканчивается девятое столетие с того дня, как пламя примитивной ракеты обожгло по-

верхность Земли. Идет 8 октября 862 года Ранней к. э. (космической эры). Восемь дней назад из Солнечной системы отправился в путь первый галактический корабль, построенный людьми для того, чтобы завоевывать уже не планеты, а звезды. Корабль этот носит имя Старой Родины человека.

Он называется «Земля».

На третий день пути корабль достиг рубежа Большой скорости — Большого барьера. Несмотря на эту скорость, пройдет почти четыре года, прежде чем он начнет свое торможение в созвездии Центавра. Четыре года — это очень много. Но даже четырьмя годами стоит пожертвовать ради того, чтобы оседлать Центавра.

«Земля» — это огромный корабль-механо-планета. Она построена на основе опыта, полученного на Разведчике. Некоторые объекты — ботанический сад, обеденные террасы, плавательные бассейны и спортплощадки — целиком скопированы с «Разведчика». Основу экипажа «Земли» составляет бывший экипаж Разведчика. Руководят экипажем Долорес Ли, Чандра и Ян Рой, Елена и Орм Согго, Назим Шумеро, Майк Антонов, Иероним Брошкидзе, Киамото.

На «Земле» находятся также выбранные из миллиардов претендентов юноши и девушки — те, которые сдали конкурсные экзамены на звание пилотов и исследователей галактического ранга. Среди них — известные герои памятной катастрофы в секторе Десятой Тысячи.

Мы знаем их — это Алик Рой, Алька Рой, Ион Согго, награжденные Солнечной Звездой.

Вот они лежат на берегу купального бассейна, напротив ботанического сада, чуть влево от главных лабораторий. Через десять минут нача-

ло научных занятий в библиотеке. Робик напомнит им вовремя: они не опоздают. Поэтому можно пока что поваляться, греясь в лучах искусственного солнца «Земли», обжигая влажную кожу, можно расслабить уставшие от плавания мышцы.

Первым поднимается Алик.

— Знаете что я вам скажу? — говорит он очень серьезно. — Мне совсем не нравится, что мы так беззаботно планируем первый год новой эры.

Алька внимательно смотрит на него:

— Почему?

— А потому, — говорит Алик, и лицо его становится все более воинственным, — а потому, что, даже овладев Центавром, мы все еще будем торчать в пределах одной-единственной галактики. Одной-единственной. А дальше? Не лучше ли подождать, пока не перепрыгнем из нее в другую? Мы не должны ограничивать свои замыслы одной-единственной галактикой.

— Я согласна с тобой, — говорит Алька.

— Он прав, — адресуется Ион к Робиду.

— Восемь тридцать, — замечает на это Робид. — Время занятий.

Движущаяся, сделанная «под кирпич» дорожка, как плавный ручеек, несет их в сторону учебных лабораторий. Со всех сторон в ту же сторону спешат другие юноши и девушки, издаleка приветствуя друг друга.

— Знаете что? — снова начинает Алик. — Я вношу предложение в Совет управления «Земли». Пусть перешлют его в Главный научный совет.

— Мы тебя поддержим, — энергично присоединяется Ион. Потом он берет Альку за руку. — Поддержим?

Алька улыбается в ответ. На мгновение они перестают замечать окружающее. Они просто смотрят друг другу в глаза.

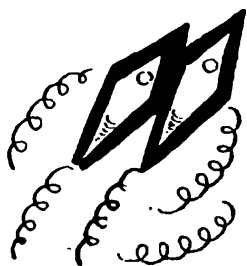
Как решится вопрос о предложении Алика Рой? Кто знает? Он должен быть еще передан в Главный научный совет, обсужден, поставлен на голосование. Но для того чтобы о нем вообще начали говорить всерьез, необходимо, чтобы «Земля» достигла созвездия Центавра, оседлала какую-либо из его планет и благополучно возвратилась в родную Систему.

А до этого еще так далеко.

Пока что «Земля» мчится сквозь Галактику, сквозь ее мрак и безмолвие со скоростью, которой даже свет мог бы позавидовать. Согласитесь, это уже не мало. Но, может быть, действительно, не следует слишком ограничивать свои замыслы?

Вопрос этот остается пока что открытым, и все зависит от самой «Земли». Можно лишь пожелать ей удачи на далеких звездных путях.

Итак: удачи, «Земля»!

**Для среднего
возраста**

Ежи Брошневич

**ТРОЕ
С ДЕСЯТОЙ ТЫСЯЧИ**

Фантастическая повесть

**Ответственный редактор
Е. К. Махлах.**

**Художественный редактор
Н. З. Левинская.**

Технический редактор

О. В. Кудрявцева.

**Корректоры
Т. П. Лейзерович и
Е. И. Щербанова**

**Сдано в набор 27/IX 1968 г. Подписано
к печати 10/II 1969 г. Формат 84×108^{1/8}.
Печ. л. 7. Усл. печ. л. 11,78 (Уч.-изд. л.
8,9). Тираж 50 000 экз. ТП 1969 № 581
Цена 39 коп. на м/мел. бум.**

**Издательство „Детская литература“.
Москва, М. Черкасский пер., 1.
Фабрика „Детская книга“ № 2. Рос-
главополиграфпрома Комитета по печа-
ти при Совете Министров РСФСР.
Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ 426.**

В издательстве «Детская литература» вышли в свет в 1968 и выходят в 1969 гг. следующие научно-фантастические и приключенческие книги:

Абрамов А.

Абрамов С. ВСАДНИКИ НИОТКУДА

Роман посвящен встрече землян с инопланетной цивилизацией, намного обогнавшей земную в своем развитии.

Альтов Г. ОПАЛЯЮЩИЙ РАЗУМ

Научно-фантастические повести и рассказы о людях будущего, об их стойкости и мужестве, о развитии науки.

Мирер А. СУБМАРИНА ГОЛУБОЙ КИТ

Фантастическая повесть о необыкновенном приключении школьницы Кати, о замечательном физическом эксперименте, проведенном советскими учеными.

**Зуев-Ордынец М. СКАЗАНИЕ О ГРАДЕ
НОВО-КИТЕЖЕ**

Приключенческий роман о том, как в глухой сибирской тайге советские люди находят город, сохранивший устои, нравы, обычаи, говор, одежду Руси XVIII века.

Эти книги вы можете приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации. Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом „Книга — почтой“ республиканских, краевых и областных книготоргов.

*Скан, OCR, обработка
Mouisei 2018 г.*

39 коп

